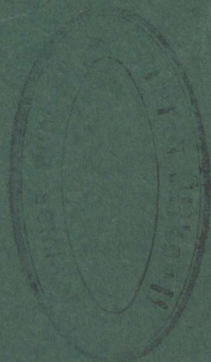

И. С. Проданъ.

О ПАМЯТИ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ
ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Матисена.

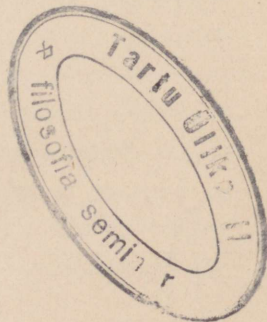
1905.

F. 5.
Его Превосходительству
Проф. Владимиру Сеодоровичу Сарту
почтительное посвяще-
ние автора.

О ПАМЯТИ.

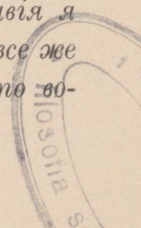
Психологическія изслѣдованія.

392.

Предисловіе.

Публикацію своихъ изслѣдованій о памяти я началъ въ Сборникѣ Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ еще въ 1900 году. Первая часть „О памяти . . .“, выпущенная въ продажу, какъ особый оттискъ изъ упомянутаго Сборника, распродана еще въ прошломъ году. Рѣшившись окончить публикацію своихъ изслѣдованій о памяти независимо отъ упомянутаго Учено-Литературнаго Общества, ограничившаго за послѣдніе годы объемъ печатаемыхъ имъ статей пятью листами, я вмѣстѣ съ тѣмъ приступилъ къ **новому** изданію I. части. Поэтому я, не стѣсняясь объемомъ, значительно дополнилъ и переработалъ ее совершенно, такъ что увеличено и число главъ совсѣмъ новыми, и ни одной изъ старыхъ главъ 1-го изданія не осталось безъ измѣненій. А именно, я включилъ въ это изданіе цѣлый историческій очеркъ теоріи ассоціаціи идей, занимающій пять главъ (IX—XIII), а также — теорію представленій Гербарта (VIII. гл.) и наконецъ, я принялъ въ кругъ своей критики и нѣкоторыя изслѣдованія, пропущенныя въ 1-омъ изданіи (въ особенности въ VI. и VII. главахъ). Такимъ образомъ настоящее изданіе I. части скорѣе представляетъ **новую** работу; однако въ виду тождества предмета и заглавія я ее назвалъ 2-мъ изданіемъ I-ой части. При этомъ все же считая нужнымъ оговориться, что своихъ взглядовъ по во-

просу о памяти и ассоціаціи идей я нигуть не измѣнилъ. Напротивъ, я ихъ высказываю гораздо рѣшительнѣе и болѣе мотивировано.

Въ непродолжительномъ времени будетъ выпущена мною III-ья часть, въ которой главнымъ образомъ будетъ изложена теорія памяти съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыя я сдѣлаю на основаніи изложеннаго въ двухъ первыхъ частяхъ, а также моихъ многолѣтнихъ самонаблюденій и произведенныхъ мною надъ 60 съ лишнимъ утениками экспериментальныхъ изслѣдованій. Главнымъ образомъ въ ней будетъ разсмотрѣно отношеніе памяти къ познанію вообще и въ особенности къ метафизикѣ души. Наконецъ, въ ней же будетъ помѣщенъ особымъ приложеніемъ критическій разборъ экспериментальныхъ изслѣдованій о памяти за послѣднее пятилѣтіе, не вошедшихъ во II. часть. (Эти изслѣдованія дали нѣкоторые выводы, которые подтверждаютъ мои взгляды, высказанные въ моей работѣ 1900 года, и поэтому они въ значительной степени облегчаютъ мою задачу, которая 15 лѣтъ тому назадъ была почти не осуществима. Тогда мои взгляды считались ересью въ эмпирической психологіи, и мои самонаблюденія не могли убѣдить въ ихъ правильности тѣхъ, которые ничего подобнаго не наблюдали у себя и принимали на вѣру старую ассоціаціонную теорію.)

Что же касается II-ой части, содержащей критическій разборъ экспериментальныхъ изслѣдованій о памяти по 1900 годъ и нѣкоторые выводы изъ нихъ, то она остается безъ перемѣнъ, какъ была напечатана въ упомянутомъ сборникѣ за 1901—1903 года, исключая послѣдней главы.

Юрьевъ 28-го декабря 1904 года.

Авторъ.

И. С. Проданъ.

О ПАМЯТИ.

І. ЧАСТЬ.

(формулировка проблемы. Критика современныхъ теорій.)

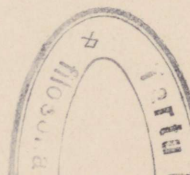
2-ое исправленное изданіе.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1904.

На основані § 30 Устава Учено-Литературнаго Общества при
Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ печатать разрѣшается.

Предсѣдатель Общества: проф. М. Е. Красноженъ.

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU

i 32218709

1.

Τὰ ἀφανῆ τοῖς φανεροῖς τεχνικίρου.
Σόλων.

2.

„Коль свѣтъ, людей понять желаешь,
Въ свое же сердце загляни;
Когда-жъ себя постичь желаешь,
Себя изъ сердца изгони!“¹⁾

Ф. Боденштедтъ.

I.

Изъ всѣхъ способностей души память имѣетъ самое большое значеніе. Это отмѣтилъ еще Гертли: по его словамъ, „къ памяти въ широкомъ значеніи можно свести всѣ способности души“²⁾. Ту же мысль повторяетъ Ш. Рише, говоря: „Безъ памяти ничего не существуетъ въ интеллектѣ — ни воображенія, ни сужденія, ни языка, ни сознанія. Память, можно сказать, это — камень, замыкающій сводъ интеллектуальнаго зданія“³⁾. Память доставляетъ матеріалъ всѣмъ умственнымъ процессамъ. Мало этого, памятью отчасти обусловлены даже воспріятія: въ нихъ входитъ значительная доля нашего прежняго опыта, какъ это вполне убѣдительно доказалъ Сѣлли въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи „Объ иллюзіяхъ“⁴⁾. Нѣмецкій психологъ Мейнонгъ отмѣтилъ значеніе памяти въ отношеніи

1) Friedrich Bodenstädt. „Die Lieder des Mirza-Schaffy“. 160. Aufl. S. 179 № 24. Въ русскомъ перев., изд. въ Юрьевѣ 1903, стр. 17.

2) Hartley. Observations on Man, London 1749, Sect. IV. Prop. XC.

3) Ch. Richet. „Les origines et les modalités de la mémoire“. Revue philos. 1886. pag. 561.

4) Sully. The Illusions, chap. III—VI.

теоріи познанія¹⁾. Однак значеніє пам'яті етимъ не исчерпується: она имѣеть огромное значеніє и въ практической дѣятельности — напр. при обученіи и воспитаніи. Поэтому неудивительно, что етимъ вопросомъ занимались еще въ глубокой древности. Изобрѣтеніє искусства мнѣмоники римскими ораторами приписывалось великому греческому лирику Симоиду Кеосскому, жившему 559—469 д. р. Хр.²⁾. Но Геродотъ приписываетъ его египтянамъ болѣе древняго періода³⁾. Ксенофонтъ передаетъ, что въ Аѣнахъ были не рѣдкостью люди, изошрившіє свою память до того, что знали наизусть всю Илиаду и Одиссею и притомъ знали поименно всѣхъ своихъ согражданъ⁴⁾. Гиппій Элейскій, знаменитый софистъ, прославился тоже какъ искусникъ памяти. О немъ нѣсколько разъ упоминаетъ Платонъ въ діалогахъ, названныхъ его именемъ. Платонъ и съ теоретической стороны касался вопроса о памяти въ нѣкоторыхъ изъ своихъ діалоговъ⁵⁾; а Аристотель оставилъ намъ не только тотъ краткій, но весьма цѣнный трактатъ „О памяти и припоминаніи“, который обыкновенно цитируютъ въ этомъ вопросѣ; но и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ (такъ напр. „О душѣ“, „О снѣ и сновидѣніяхъ“) сообщаетъ весьма цѣнныя наблюденія, разсужденія и догадки, которыя послужили основаніємъ разныхъ теорій, даже новѣйшаго времени⁶⁾.

Еще глубже вникъ въ вопросъ о памяти Блаженный Августинъ, самый проницательный мыслитель изъ отцовъ

1) Meinong. „Zur erkenntnisstheoretischen Würdigung des Gedächtnisses“. Vierteljahresschrift für wiss. Philos. X. Bd. S. 7—33.

2) a) Cicero. De Oratore II. 74. 86. b) Quintilianus. De Institutione oratoria XI. II, 11.

3) Herodotos, II. 77.

4) Xenophon. Symhosis III. 5.

5) Plato. a) Theaetetus, cap. 36 et 37 (197, 198). b) Philebus cap. XIX 34). c) Phaedon, cap. XVIII. XIX. (73, 74).

6) Такъ напр., зародыши ассоціативной, а отчасти даже и физиологической теорій находятся уже въ сочиненіяхъ этого гениальнѣйшаго мыслителя древней Греціи.

церкви (354—430 п. р. Хр.). Въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ разсѣяны тонкія психологическія наблюденія и анализы по разнымъ вопросамъ; по нашему вопросу они особенно цѣнны въ его „Исповѣди“¹⁾. Не лишеннымъ интереса представляется разсмотрѣніе этого вопроса и въ настоящее время, хотя надъ нимъ не мало потрудились и современные ученые спеціалисты.

Неспеціалистамъ этотъ вопросъ представляется очень простымъ. Обыкновенно думаютъ, что память есть природная способность души, которую упражненіемъ можно укрѣпить и довести до совершенства. При этомъ полагаютъ, что память вообще, въ ея цѣломъ объемѣ, сдѣлается лучше, чѣмъ больше ее упражнять, каковы бы ни были предметы упражненія. Въ этомъ отношеніи и у насъ уже появились спеціалисты укрѣпленія памяти, громко именующіе себя „профессорами мнѣмоники“. Но стѣбитъ познакомиться съ разными спеціальными учеными сочиненіями по психологіи, чтобы убѣдиться въ томъ, что ученымъ этотъ вопросъ представляется далеко не столь простымъ и яснымъ. Такъ напр., у Гефдингга вовсе не встрѣчается терминъ „памяти“²⁾; у другихъ этотъ терминъ упоминается, какъ ненаучный и замѣняется другими научными терминами (такъ у Фолькмана³⁾ у Вундта⁴⁾, у Троицкаго⁵⁾, у Сѣлли⁶⁾). У психологовъ, у которыхъ этотъ терминъ встрѣчается, опредѣленіе его у каждаго свое, какъ это будетъ показано въ дальнѣйшемъ. Обыкновенно терминъ памяти сопоставляется съ терминами воспроизведенія (репродукціи) или же съ такъ

1) S-ti A. Augustini, Confessiones X.

2) См. Höffding, Psychologie. 2. Aufl.

3) Volkmann W. Ritter von Volkmар, Lehrb. d. Psychol. 4 Aufl. I Bd. § 26 S. 178.

4) Wundt. a) Physiologische Psychologie, 3. Aufl. II. Bd., cap. XVI. § 6. S. 359. b) Grundriss d. Psychol. 3 Aufl. S. 293.

5) Троицкій. Наука о духѣ. М. 1882. т. II. § 315, стр. 105.

6) Sully. The human Mind, London, 1892. chap. IX. § 39. pag. 353.

называемыми законами ассоціаціи идей. Иногда же память прямо отождествляется съ воспроизведеніемъ; но такъ какъ, по господствующему среди новѣйшихъ психологовъ мнѣнію, не бываетъ воспроизведенія безъ ассоціацій, то и память многіе сводятъ къ законамъ ассоціаціи. Вообще, термины — память, воспроизведеніе (репродукція), ассоціаціи, а равно и обозначаемыя ими свойства душевной дѣятельности, у большинства психологовъ не разграничены достаточно другъ отъ друга. Такимъ образомъ вопросъ о памяти не только не исчерпанъ учеными спеціалистами, но, какъ мнѣ кажется, не выясненъ и даже не формулированъ надлежащимъ образомъ. Посильному разъясненію этого вопроса и посвящается настоящая статья¹⁾.

Прежде всего спрашивается: что такое память? Очевидно, что-нибудь да обозначается этимъ словомъ, если оно существуетъ во всѣхъ языкахъ, по крайней мѣрѣ, болѣе извѣстныхъ. За отвѣтомъ обратимся сперва къ ученымъ спеціалистамъ, къ ихъ подлиннымъ словамъ. Объемъ настоящей статьи не позволяетъ мнѣ изложить всю исторію этого вопроса въ теченіе 23-хъ столѣтій: я ограничусь послѣдней половиною истекшаго столѣтія; но при случаѣ коснусь и прежнихъ философовъ-психологовъ. Для удобства и ориентировки читателя я сгруппирую всѣхъ цитируемыхъ ученыхъ относительно опредѣленія и пониманія ими памяти въ три

1) Разсмотрѣніе этого стараго вопроса можетъ дать читателю нѣкоторое основаніе судить и о томъ, насколько сложны даже элементарнѣйшіе душевные процессы, и какъ нелегко въ нихъ разобраться даже спеціалистамъ. Что же сказать о сложныхъ процессахъ? Такъ напр., несравненно сложнѣе вопроса о памяти вопросы объ образованіи и воспитаніи современнаго культурнаго человѣка. Между тѣмъ у насъ за разрѣшеніе ихъ принимаются безъ малѣйшихъ колебаній люди, совершенно не подготовленные къ нимъ. Въ виду ожидаемой у насъ реформы гимназій не мѣшало бы нашимъ руководителямъ общественнаго мнѣнія призадуматься: въ правѣ ли мы, наперекоръ вѣковому опыту всей западной Европы, подвергать рискованнымъ экспериментамъ и коренной ломкѣ насажденное у насъ съ такимъ трудомъ средне-учебное дѣло? Какъ бы не вылить въ пропасть вмѣстѣ съ грязной водой и купавшагося въ ней дитяти?

группы, хотя и не ручаюсь за строгость ихъ разграниченія¹⁾. Эти три группы ученыхъ слѣдующія: Первая группа ученыхъ разумѣеть подѣ памятью только воспроизведенные (репродуцированные) психическіе факты, т. е. феноменальную сторону памяти. Этихъ ученыхъ можно назвать „феноменистами“. Къ нимъ причислены мною: В. Фолькманъ, Вундтъ, Гефдингъ, Троицкій, Бэнъ, Горвичъ, Лэддъ, Титченеръ. Вторая группа подѣ памятью подразумѣваетъ съ одной стороны сохраненіе въ мозгу слѣдовъ отъ первичныхъ впечатлѣній, (по новѣйшему обозначенію „расположеній“ = Dispositionen), т. е. особыхъ размѣщеній молекулъ въ мозговыхъ клѣткахъ и нервныхъ волокнахъ; съ другой же — воспроизведеніе психическихъ фактовъ, какъ функцію соотвѣтственныхъ „расположеній“. Этихъ ученыхъ я буду называть просто „психо-физиками“. Къ нимъ я причисляю: Геринга, Дю-Боа-Реймона, Спенсера, Рибо, Фореля, Ш. Рише, А. Фулье, Э. Рабье, Селли, Бальдвина, Джемса, Юдья. Къ третьей группѣ я причисляю тѣхъ, которые, не прибѣгая къ фیزیологической гипотезѣ, понимаютъ память, какъ сохраненіе въ безсознательномъ видѣ прежде испытанныхъ психическихъ актовъ (или ихъ слѣдовъ), которые снова могутъ сдѣлаться сознательными актами. Ихъ я буду называть „динамистами“, т. е. признающими скрытыя душевныя силы (*δυνάμεις*). Къ этимъ причислены: Лотце, Фортлаге, Юганъ Эдуардъ Эрдманъ, Эббинггаузъ²⁾.

1) Провести таковое во всѣхъ подробностяхъ невозможно: иные мѣняли свои взгляды въ теченіе своей жизни; иные противорѣчатъ сказанному ими въ томъ же сочиненіи, но въ другомъ мѣстѣ. Въ нашемъ вопросѣ во введеніяхъ придерживаются гипотезы психофизическаго параллелизма почти всѣ современные психологи; однако не всѣ ею объясняютъ факты наблюденія, а въ данномъ случаѣ — память. Поэтому въ группу психо-физиковъ я включаю только тѣхъ, которые въ объясненіи памяти прибѣгаютъ къ названной гипотезѣ.

2) Кромѣ работъ названныхъ психологовъ по нашему вопросу есть спеціальныя изслѣдованія экспериментальнымъ путемъ, принадлежащія другимъ ученымъ, о которыхъ будетъ рѣчь во II. части. Эти работы

II.

Обратимся сперва къ группѣ *феноменистовъ*. Къ ней прежде всѣхъ нужно причислить психологовъ Гербартовой школы. Эта школа, какъ извѣстно, въ объясненіи душевныхъ процессовъ исходитъ отъ гипотезы, представляющей себѣ душу, какъ простую, непротяженную субстанцію-монаду; эта монада-душа постоянно реагируетъ на дѣйствія безчисленныхъ другихъ разнородныхъ монадъ (= *Realen*), которыя попеременно вступаютъ съ ней во взаимодействие (= *Zusammen*); результатомъ этого временнаго взаимодействия (совмѣстности) является душевный актъ (представленіе = *Vorstellung* 1). Каждый такой душевный актъ можетъ быть связанъ (задержанъ) другимъ противоположнымъ (разнороднымъ) актомъ, и тогда связанный актъ „опускается ниже порога сознанія“ (т. е. дѣлается безсознательнымъ): но совсѣмъ исчезнуть онъ не можетъ 2): при отсутствіи противдѣйствія со стороны другихъ душевныхъ актовъ онъ опять можетъ „подняться выше порога сознанія“ (т. е., можетъ сдѣлаться сознательнымъ актомъ). Такимъ образомъ каждый душевный актъ (*Vorstellung*) имѣетъ свою память, — абсолютнаго забвенія не бываетъ — и весь вопросъ о памяти, по теоріи Гербарта, сводится къ процессамъ воспроизведенія. При этомъ сущность каждой монады (не исключая и души) остается неизмѣнной, а мѣняются только состоянія души, какъ прояв-

разсматриваютъ слишкомъ элементарные процессы и только отдѣльныя стороны памяти; онѣ, за исключеніемъ работы Ц. Р. Хаджи-Денкова, не касаются ни теоріи памяти, ни даже опредѣленій ея. Поэтому онѣ и не включены въ настоящій перечень.

1) Терминъ *Vorstellung* гербартианцы употребляютъ и для обозначенія ощущеній и воспріятій: поэтому я его перевожу словами „душевный актъ“.

2) Къ этому взгляду склоненъ примкнуть и Бэнэке, а именно: „что безусловнаго забвенія, пожалуй, и не бываетъ“. См. Ф. Е. Венеке, *Lehrb. d. Psychologie*, Berlin 1833, § 45.

ленія ея противодѣйствія соединенію съ любой изъ разнородныхъ монадъ (Realen¹).

1. Тѣмъ не менѣе **В. Фолькманъ**, самый ученый психологъ изъ гербартианцевъ, въ концѣ I. ч. своей Психологіи параграфъ 83-ій озаглавилъ словомъ „память“. Въ немъ онъ говоритъ слѣдующее: „Старая психологія сводила объясненіе явленій воспроизведенія на (двѣ группы) — память и фантазію; изъ нихъ память должна была представлять способность неизмѣннаго, а фантазія — измѣннаго воспроизведенія. . . Эту противоположность тенденцій при воспроизведеніи и мы принуждены признать. . . но мы ограничиваемъ нашу проблему взаимодействіемъ отдѣльныхъ группъ представленій (der einzelnen Vorstellungsmassen). Въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать, что каждому душевному акту (Vorstellung) присуща своя память и своя фантазія. . . Стремленіе душевнаго акта къ воспроизведенію²), можно назвать памятью въ широкомъ смыслѣ“³). Стремленіе къ непосредственному воспроизведенію, т. е. безъ помощи ассоціацій, Фолькманъ называетъ „памятью въ тѣсномъ смыслѣ“ (Бэнъ и англ. психологи называютъ ее „первичной“). Стремленіе къ воспроизведенію опосредствованному (mittelbare Reproduktion), т. е. при помощи ассоціацій, Фолькманъ называетъ „силою припоминанія“ (Erinnerungskraft). (Это различіе приблизительно то же, которое Аристотель дѣлалъ между *μνήμη* и *ἀνάμνησις*⁴).

2. **Вундтъ** въ 3-емъ изданіи своей „Физиологической Психологіи“ формулируетъ нашъ вопросъ слѣдующими сло-

1) W. Volkman n Ritter v. Volkmar, Lehrb. d. Psychologie 4. Aufl. I, Bd. § 23 и 25. S. 164—168. Эта формулировка по существу не отличается отъ подлинныхъ словъ самого Гербарта. Ср.: Herbart, Psychologie als Wissenschaft, Königsberg 1824. I. Th. § 35, 37, 75 и 85.

2) — а таковое, по Гербарту, присуще каждому душевному акту (Vorstellung).

3) W. Volkman n, op. cit. I. Bd. § 83. S. 490.

4) Aristoteles. De memoria, cap. I.

вами: „Вопросъ, какъ опредѣленное качественное впечатлѣніе репродуцируется послѣ даннаго времени, мы можемъ назвать проблемой о памяти, поскольку обиходное понятіе о памяти главнымъ образомъ относится къ способности возобновлять прежде пережитое въ приблизительно неизмѣнной по качеству формѣ (*Beschaffenheit*). Проблема о памяти относится къ интенсивной и квалитативной (качественной) формѣ репродуцированныхъ представленій въ ихъ отношеніи къ первичнымъ впечатлѣніямъ“ 1). Эта формулировка Вундта неспеціалисту можетъ показаться недостаточно ясной. Мысли Вундта, на удобопонятномъ языкѣ можно выразить такъ: вопросъ о памяти долженъ разсматривать: 1) какъ воспроизводятся впечатлѣнія послѣ нѣкотораго времени; 2) — интенсивность и качество воспроизведенныхъ представленій по сравненію съ тождественными первичными впечатлѣніями; 3) обиходное понятіе памяти означаетъ главнымъ образомъ „способность возобновлять прежде пережитое въ приблизительно неизмѣнной по качеству формѣ“. Въ 4 изданіи Вундтъ опредѣляетъ память, какъ „общую способность возобновленія представленій“ 2). Не вдаваясь пока въ критику этихъ положеній, я укажу только на тотъ фактъ, что самъ Вундтъ въ своихъ позднѣйшихъ изданіяхъ высказываетъ иные взгляды по нашему вопросу. Въ своемъ „Очеркѣ психологіи“, изд. 1896-го года, Вундтъ говоритъ: „Со сложной природой процессовъ воспоминанія стоитъ въ тѣсной связи характеръ припоминаемыхъ представленій. Если послѣднія часто опредѣляютъ какъ болѣе слабыя, но въ общемъ вѣрныя, воспроизведенія непосредственныхъ чувственныхъ представленій, то характеристика эта въ высшей степени неудачна. Припоминаемые образы и непосредственныя чувственныя

1) W u n d t, Grundzüge der physiolog. Psych. III. Auflage, 1887. II. Bd. XVI. cap. § 6, S. 359.

2) W u n d t, op. cit. IV. Auflage II. Bd. S. 487. Эта формулировка болѣе подходит къ взглядамъ психо-физиковъ.

впечатлѣнія совершенно различны не только по качеству и интенсивности, но и по элементарному своему составу. . . Всѣ эти разнообразныя свойства, связанныя съ процессами узнаванія и воспоминанія, языкъ обозначаетъ однимъ общимъ именемъ „памяти“. . . Имъ удобно пользоваться, главнымъ образомъ — для обозначенія индивидуальных различій въ процессахъ воспоминанія. Въ этомъ смыслѣ мы говоримъ о точности, о широтѣ объема памяти, о пространственной памяти, о хорошей памяти относ. времени, словъ и т. д.“

Такъ говоритъ Вундтъ въ своемъ „Очеркѣ“ 1896 года¹⁾.

Въ этомъ сочиненіи измѣненъ его прежній взглядъ 1) въ томъ, что не всякую репродукцію (воспроизведеніе) онъ называетъ памятью, а только связанную съ процессами воспоминанія; 2) онъ считаетъ припоминаемыя представленія „совершенно различными“ (sic!) отъ соотвѣтствующихъ имъ первичныхъ чувственныхъ воспріятій; но остался вѣрнымъ феноменизму, считая память терминомъ ненаучнымъ, обозначающимъ воспроизведенія²⁾.

Тотъ же взглядъ удержанъ Вундтомъ и въ 3. изданіи его очерка³⁾.

3. *Гефдингъ* въ своей „Психологіи въ очеркахъ“ даже вовсе не употребляетъ термина „памяти“; но въ ней есть одинъ параграфъ, озаглавленный „сохраненіе представленій“, который, очевидно, касается нашего вопроса. Въ немъ

1) W u n d t, Grundriss der Psychologie, § 16.

2) Измѣненіе взглядовъ Вундта должно приписать главнымъ образомъ ряду статей Гефдинга. . . (См. а) H ö f f d i n g, „Ueber Wiedererkennen. . .“ въ „Vierteljahresschrift für wiss. Philos.“. 1890. Bd. XIII. u. XIV. б) H ö f f d i n g, „Zur Theorie des Wiedererkennens“ въ „Philos. Studien“ VIII. Bd. Въ нихъ Гефдингъ опровергъ ошибочныя въ этомъ отношеніи взгляды Лемана, ученика Вундта.

3) Незначительныя поправки касаются только формы изложенія. По содержанію сдѣлана прибавка относительно факта, что въ привычныхъ процессахъ узнаванія свойственное имъ чувство „Bekanntheitsgefühl“ можетъ совсѣмъ исчезнуть. См. W u n d t, Grundriss d. Psychologie, 3. Aufl. S. 285.

Гефдингъ говоритъ слѣдующее: „Какъ сохраненіе представленій, хотя они не всегда находятся въ сознаніи, такъ и обработка ихъ безъ участія въ ней сознанія даетъ намъ право признать понятіе бессознательной дѣятельности за положительный фактъ. . . Если говорятъ о слѣдахъ, осадкахъ или расположеніяхъ, остающихся, послѣ того какъ ощущенія и представленія ускользнули изъ сознанія, то въ основаніи этого лежитъ предположеніе, что въ области духовной должно существовать нѣчто аналогичное сохраненію энергіи, существующему въ природѣ физической; но на поприщѣ духовномъ невозможно доказать подобнаго аналога“¹⁾.

Далѣе, возражая противъ теоріи Гербартовской школы, будто каждое отдѣльное представленіе имѣетъ постоянное стремленіе къ самосохраненію, т. е. къ пребыванію въ сознаніи (вслѣдствіе чего, по мнѣнію гербартіанцевъ, не существуетъ абсолютнаго забвенія), Гефдингъ говоритъ: „Ни одно единичное представленіе, какъ таковое, не сохраняется и не репродуцируется, если того не производятъ условія всего теченія сознательной жизни въ его совокупности“²⁾. Этими словами Гефдингъ высказываетъ тотъ же взглядъ на нашъ вопросъ, который раздѣляютъ всѣ англійскіе ассоціационисты: что репродукція невозможна безъ ассоціацій; мало этого, что даже и сохраненіе зависитъ отъ ассоціацій. Такимъ образомъ Гефдингъ проблему о памяти сводитъ къ теоріи ассоціацій, хотя и признаетъ „сохраненіе представленій“, а равно и бессознательные душевные процессы. Впрочемъ, ассоціаціи понимаетъ онъ шире прежнихъ англійскихъ ассоціационистовъ, включая въ нихъ и чувствованія и бессознательные душевные акты. Тѣмъ не менѣе и онъ отчасти признаетъ взглядъ гербартіанцевъ, говоря, что „мы не имѣемъ права утвер-

1) Höfdding, Psychologie 2. Aufl. V. B. 6. Seite 191 u. 192.

2) ibid. S. 194.

ждать ни объ одномъ представленіи, что оно безусловно ускользнуло изъ сознанія“ 1) (sic!) 2).

4. Такой же точки зрѣнія феноменизма и ассоціативной теоріи держался и покойный профессор *М. Троицкій*. Въ своемъ весьма капитальномъ, но вслѣдствіе сжатости чисто догматическаго изложенія мало доступномъ трудѣ „Наука о духѣ“ проф. Троицкій по данному вопросу высказывается такимъ образомъ 3): „Въ бодрственномъ и здоровомъ сознаніи своемъ человѣкъ вмѣстѣ съ текущими умственными операціями находитъ неизмѣримо богатый матеріалъ этихъ операцій, который можетъ быть данъ ему только рефлексіей въ идеяхъ всей прошлой дѣйствительности его личнаго существованія. . . . Эта-то умственная рефлексія и составляетъ, по нашему мнѣнію, главное народное значеніе слова „память“ 4).

Самый терминъ „рефлексіи“ проф. Троицкій опредѣляетъ такъ: „Явленіями психической рефлексіи мы называемъ ту взаимную зависимость психическихъ фактовъ, при которой одни изъ нихъ оказываются, по самой сущности своей, нѣкоторымъ отраженіемъ другихъ“ 5). Это опредѣ-

1) *ibid.* S. 193.

2) Здѣсь слово „сознаніе“ Гефдингъ, очевидно, употребилъ вмѣсто „душа“ или „бесознательная душевная жизнь“; а это — не одно и то же. Эта неточность въ выраженіи встрѣчается весьма часто и у Вундта, и у Юдля, и у другихъ современныхъ психологовъ, которые съ умысломъ избѣгаютъ слова „душа“, хотя никоимъ образомъ не могутъ избѣгнуть прилагательнаго „психической“. Вслѣдствіе этого получаютъ противорѣчія. Такъ и здѣсь. Гефдингъ съ одной стороны не находитъ возможнымъ утверждать, чтобы какое нибудь представленіе „безусловно ускользнуло изъ сознанія“; а двумя страницами раньше утверждаетъ, что „сохраненныя представленія не всегда находятся въ сознаніи“, значить, ускользаютъ изъ него. Гдѣ же они находятся? Этого Г. не рѣшается сказать, избѣгая назвать субстратъ этихъ представленій (явленій) — душу.

3) Это весьма оригинальное и для специалиста-психолога очень цѣнное сочиненіе недостаточно оцѣнено не только публикой, но даже такимъ выдающимся философомъ, какъ Вл. Соловьевъ. См. его статью въ „Вѣстникѣ Европы“ за янв. 1900 г. подъ заглавіемъ „Три характеристики“, которая по тону очень напоминаетъ остроумный фельетонъ.

4) „Наука о духѣ“ (М. 1882) т. II. § 315 стр. 105.

5) *ibid.* § 284, стр. 57.

леніе рефлексіи, по видимому, совпадаетъ съ тѣмъ, что другіе психологи называютъ репродукціей (воспроизведе-ніемъ), а опредѣленіе памяти, хотя оно и недостаточно отчетливо формулировано, все же обнаруживаетъ точку зрѣнія феноменизма. Проф. Тр. понимаетъ память 1) какъ терминъ народный, ненаучный; 2) какъ актъ сознанія, что онъ обозначаетъ словами „человѣкъ находитъ матеріалъ умственныхъ операцій“; 3) онъ относитъ этотъ матеріалъ ко „всей прошлой дѣйствительности личнаго существованія человѣка“ (т. е. къ прошлымъ явленіямъ). Умственную рефлексію прошлой дѣйствительности, которую Тр. называетъ также „историческимъ направленіемъ человѣческаго мышленія“¹⁾, онъ отождествляетъ съ закономъ ассоціаціи по смежности. Вотъ его подлинныя слова: „Закономъ смежности мы называемъ стремленіе мышленія къ рефлексіи прошлой психической дѣйствительности — въ порядкѣ непосредственнаго преемства и сосуществованія“²⁾. Такимъ образомъ и Тр. по данному вопросу все же стоитъ на почвѣ феноменизма, хотя въ I части своего сочиненія признаетъ и потенциальные психическіе элементы или отношенія³⁾.

5. Глубже вникъ въ проблему памяти *А. Бэнъ*, хотя его капитальное сочиненіе *The Senses and the Intellect* было опубликовано гораздо раньше приведенныхъ выше сочиненій. Дальше Бэна ушли немногіе изъ современныхъ психологовъ нашего материка. А. Бэнъ констатируетъ фактъ продолженія звуковыхъ ощущеній послѣ прекращенія внѣшняго раздраженія⁴⁾: Обобщая это явленіе на

1) *ibid.* § 314, стр. 102 и § 288 стр. 64.

2) *ibid.* § 289, стр. 65.

3) См. его „Наука о духѣ“, I томъ, § 17 и 18, стр. 29—33.

4) Правда, этотъ же шагъ уже былъ сдѣланъ Аристотелемъ за 22 вѣка до Бэна; но онъ остался незамѣченнымъ до начала прошлаго вѣка. Еще Аристотель въ своихъ психологическихъ сочиненіяхъ обсуждаетъ фактъ преемственныхъ зрительныхъ образовъ по удаленіи внѣшняго раздраженія. (См. *Aristoteles, De insomniis, cap. II*). Тотъ же фактъ въ новейшее время вновь открылъ Пуркинъ, затѣмъ имъ занимались Фехнеръ

всѣ органы чувствъ, Бэнъ называетъ его первой ступенью памяти. Вотъ его подлинныя слова объ этомъ: „Основное свойство души, называемое удерживаніемъ, представляетъ двѣ точки зрѣнія или двѣ степени: 1) продолжаемость умственныхъ впечатлѣній послѣ исчезновенія внѣшняго дѣятеля. Когда ухо поражается звуковой волною, то мы имѣемъ ощущеніе звука; однако съ прекращеніемъ звука не исчезаетъ умственное возбужденіе. Остается нѣкоторое продолжающееся дѣйствіе, въ общемъ болѣе слабое, но очень измѣняющееся соотвѣтно обстоятельствамъ; въ извѣстныхъ случаяхъ оно достигаетъ интенсивности непосредственнаго ощущенія . . . 2) „мы имѣемъ еще и способность отыскивать и оживлять въ видѣ идей всякаго рода прошлыя или исчезнувшія ощущенія и чувствованія безъ наличности ихъ оригиналовъ, а только дѣйствіемъ однѣхъ умственныхъ силъ“¹⁾. . . Мы припоминаемъ или воспроизводимъ въ умѣ зрительныя ощущенія, звуки, мысли, которыя мы не имѣли въ теченіе мѣсяцевъ и годовъ. Эта способность предполагаетъ родъ удерживанія, который превосходитъ первую“ (ступень памяти²⁾). Дальше поясняетъ Бэнъ: „Опредѣленное прошедшее состояніе воспроизводится въ сознаніи наличностью въ дѣятельномъ видѣ (т. е. въ сознательномъ состояніи) какого-нибудь факта, который часто встрѣчался вмѣстѣ съ этимъ состояніемъ. Впечатлѣнія, которыя часто сопровождали другъ друга въ умѣ, соединяются другъ съ другомъ такимъ образомъ, что дѣлаются

и Гельмгольцъ. Относительно слуховыхъ впечатлѣній его отмѣтилъ А. Бэнъ; а Урбанчичъ экспериментальнымъ путемъ изслѣдовалъ слуховыя ощущенія весьма слабой интенсивности, при которыхъ онъ констатировалъ преемственные слуховыя ощущенія (образы), которыя вполне соотвѣтствуютъ положительнымъ зрительнымъ преемственнымъ образомъ (-Nachbilder). Pflügers Archiv 1881 Bd. 24. S. 596. (Подробнѣе будетъ объ этомъ изложено во II части).

1) A. Bain, The Senses and the Intellect 3. edit. II. vol. chap, „The Intellect“.

2) *ibid.*

почти нераздѣльными: мы не можемъ имѣть одно изъ нихъ безъ того, чтобы другія не были готовы возстановиться. Таково удерживаніе въ его болѣе развитой формѣ. О немъ будетъ подробно изложено подъ именемъ ассоціаціи по смежности. . . Способность, называемая памятью, почти исключительно основана на удерживаніи, хотя иногда ей содѣйствуетъ и сходство. . . Смежность и сходство — два великихъ принципа, или силы умственнаго воспроизведенія“¹⁾. Такимъ образомъ Бэнъ свою „удерживательную способность“ отождествляетъ съ ассоціаціей по смежности, а память — съ воспроизведеніемъ по смежности, которому иногда содѣйствуетъ и сходство.

Такъ понимаетъ Бэнъ память, въ которую, очевидно, включены и процессы фантазіи.

6. Лучше разграничиваетъ понятія репродукціи, памяти и фантазіи *Горвичъ*. Вотъ какъ онъ формулируетъ нашъ вопросъ: „Всѣ представленія, вообще всѣ психическія образованія (Gebilde), обнаруживаютъ очень значительную способность продолжаемости (Beharrungsvermögen), такъ что они, послѣ того какъ давно ускользнули изъ сознанія, снова могутъ всплыть въ немъ. . . Представленія (этимъ названіемъ мы въ данномъ случаѣ обозначаемъ въ болѣе широкомъ смыслѣ всѣ психическія образованія) отчасти состоятъ другъ съ другомъ въ нѣкоторой связи, такъ что, если одно представленіе, будь то вслѣдствіе внѣшняго раздраженія или вслѣдствіе воспоминанія, пробудится въ сознаніи, оно влечетъ за собой одно или нѣсколько другихъ. Это — два факта репродукціи и ассоціаціи, на которыхъ основывается все ученіе (sic!) о воспоминаніи (Erinnerung), памяти и фантазіи. Воспоминаніе и память, въ противоположность фантазіи, имѣютъ то общее, что они воспроизводятъ (wiedergeben) первоначаль-

1) *ibid.*

ныя представленія совершенно такъ же и въ томъ же отношеніи другъ къ другу ихъ частей, какъ то обнаруживало первоначальное представленіе; между тѣмъ фантазія есть произвольная комбинація различныхъ элементовъ, принадлежащихъ къ различнымъ представленіямъ¹⁾. Различаютъ воспоминаніе и память въ томъ, что въ первомъ случаѣ вмѣстѣ съ первоначальнымъ представленіемъ пробуждается опредѣленіе мѣста и времени; память же возобновляетъ только содержаніе представленій (*Vorstellungsinhalt*)²⁾. Такъ опредѣляетъ память Горвичъ.

Это разграниченіе памяти и воспоминанія совершенно искусственно и несогласно съ общепринятымъ употребленіемъ этого слова: память у Горвича оказывается неполнымъ воспоминаніемъ. Впрочемъ, Горвичъ и память, и воспоминаніе понимаетъ, какъ совокупность воспроизведенныхъ явленій.

7. Точки зрѣнія феноменизма придерживается въ своей „Описательной психологіи“ и *Дж. Т. Лэддъ*, хотя онъ основательно знакомъ и съ фізіологической психологіей и съ метафизическими ученіями. Онъ между прочимъ не раздѣляетъ обычнаго взгляда о трехъ стадіяхъ памяти: удерживаніи, воспроизведеніи и узнаваніи. Удерживаніе, по его мнѣнію, не дано намъ, какъ фактъ сознанія: о немъ дѣлаются только разныя метафизическія предположенія; воспроизведеніе не составляетъ еще сути памяти; таковая обнаруживается только въ узнаваніи (*Recognition*). „Простой, основной фактъ, по словамъ Лэдда, — тотъ, что мы припоминаемъ и что всякая память для нѣкоторыхъ фактовъ нашего опыта болѣе удобна, чѣмъ для другихъ. Нѣкоторые факты нашего опыта мы не можемъ припомнить или же никогда не припоминали. . . Каждый актъ памяти занимаетъ

1) Совершенно такъ же различалъ память отъ фантазіи еще Д. Юмъ. См.: D. Hume, Treatise on human nature B. I. P. I. Sect. 3.

2) См. Horwicz, Psychologische Analysen I. Th. § 27, S. 165.

мѣсто въ нѣкоторомъ ряду среди общаго теченія сознанія“ 1). Память не представляетъ собою одной общей способности души. Въ общемъ у Лэдда проглядываетъ то же воззрѣнiе, что и у Гефдинга.

8. Къ этой же группѣ можетъ быть отнесенъ и *Э. Б. Титченеръ*, хотя онъ къ психологической терминологіи примѣшиваетъ термины фізіологическіе 2). „Воспоминаніе (a memory) по словамъ Титченера, есть вызванная (aroused) идея центральнаго происхожденія (т. е. въ мозговомъ центрѣ) съ придатками такого же начала (centrally supplemented) и воспринятая, какъ своя (by the mood of „at home“). Относительно самого узнаванія (recognitive consciousness) „поскольку оно составлено изъ ощущеній (sensations) и ихъ производеній (derivatives“) Титченеръ говоритъ, что „мы въ немъ имѣемъ одновременную ассоціацію идей (simultaneous assotiation of ideas). Таковая же можетъ состоять изъ трехъ частей: изъ ассоціацій вызванныхъ (воспроизведенныхъ) идей периферическаго происхожденія, — идей центральнаго происхожденія, и наконецъ, — идей и того и другого происхожденія“ 3). Относительно сохраненія Титченеръ говоритъ слѣдующее: Душа — „не амбаръ“, „не голубятня“, гдѣ скрываются готовыя идеи. „Идея должна сохраняться и какъ-нибудь удерживаться во время ея образованія — она отложена (laid away) незамѣтно въ самой крайней области сознанія; но она постоянно существуетъ какъ сознательный фактъ (sic!), только ожидая своего времени, чтобы привлечь вниманіе и снова выступить впередъ“. . . „Идея всегда должна разсматриваться

1) G. T. L a d d , Psychology Descriptive and Explanatory, New-Jork 1894. chap. XVII. pag. 380—388.

2) Отъ этого предостерегалъ еще Гертли въ своихъ „Observations on Man“; но Титченеръ, по видимому, фізіологическую гипотезу о локализациі впечатлѣній въ мозгу считаетъ за несомнѣнный фактъ.

3) E d. B r. T i t s c h e n e r . An Outline of Psychology, New-Jork 1897. § 74. pag. 270.

какъ процессъ, какъ осуществленіе (becoming¹⁾). Собственно, „пребываетъ только наклонность къ соединенію“ (tendency to connection). . . „Опредѣленные элементы въ данной идеѣ или ея придаткахъ образуютъ опредѣленные наклонности (habits) къ соединенію, которыя осуществляются при благопріятныхъ условіяхъ. . . Если образовалась связь, то я имѣю процессъ узнаванія (recognitive mood²⁾).

Столько о Титченерѣ. Имъ я заканчиваю группу феноменистовъ.

III.

Перейдемъ къ группѣ *психофизиновъ*.

9. Самый крайній взглядъ, чисто біологическій, высказываетъ *Герингъ*, разсматривающій память „какъ функцію организованной матеріи“. Выходя изъ фактовъ упражненія, благодаря которому усиливается функціональная способность мускуловъ и вообще всѣхъ органовъ, а также изъ фактовъ наслѣдственной передачи разныхъ способностей, Герингъ сохраненіе этихъ способностей (даже въ ряду многихъ поколѣній) и воспроизведеніе соотвѣтственныхъ дѣйствій соединяетъ въ одно понятіе органической памяти³⁾. При этомъ, конечно, не имѣется въ виду воспроизведеніе сознательныхъ психическихъ актовъ.

10. Противъ такого пониманія памяти возсталъ *Дю-Боа-Реймонъ*, хотя и онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія психофизика. „Я не вижу, возражаетъ онъ Герингу, никакого сходства между болѣе легкимъ скатываніемъ (Rollen) опредѣленнаго молекулярнаго процесса въ гангліяхъ (клеткахъ) особи, — что составляетъ память, и возобновленіемъ въ воспроизведенной особи молекулярнаго размѣщенія — что должно представлять собою унаслѣдованіе (= Vererbung)

1) Подчеркиванія принадлежатъ мнѣ.

2) op. cit. § 76 pag. 275—277.

3) Hering. Ueber das Gedächtniss, Wien 1876. S. 12, 17 u. ff.

приобрѣтенныхъ качествъ; а еслибы и видѣль это сходство, то оно у меня отступило бы передъ различіемъ, состоящимъ въ томъ, что память (Gedächtniss), какъ говоритъ само названіе, присуща только мыслящимъ (denken, gedacht) существамъ“¹⁾.

11. *Гербертъ Спенсеръ* различаетъ память органическую отъ памяти сознательной; а эту послѣднюю онъ поясняетъ, какъ повтореніе въ слабой степени разъ испытанныхъ возбужденій (идей), „когда гдѣ-либо автоматическое дѣйствіе оказывается несовершеннымъ“²⁾. Память, говоритъ Спенсеръ, относится къ тому классу психическихъ состояній, которыя находятся въ процессѣ организаціи. Она продолжается до тѣхъ поръ, пока продолжается организація этихъ состояній, и исчезаетъ, какъ только организація эта закончилась и достигла совершенства, (т. е. превратилась въ инстинктъ). . . Такимъ образомъ сознательная память переходитъ въ бессознательную или органическую память“³⁾.

12. Приблизительно такъ же понимаетъ память *Рибо*. Въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи „Les maladies de la mémoire“ Рибо говоритъ: „Память въ общепринятомъ значеніи слова содержитъ, по мнѣнію всѣхъ, три признака: сохраненіе извѣстныхъ состояній, ихъ воспроизведеніе, ихъ локализацию въ прошедшемъ. . . Этотъ третій признакъ, чисто психологическій, оказывается несущественной прибавкой къ двумъ первымъ⁴⁾. . . Основанія памяти должно искать въ качествахъ организованной матеріи⁵⁾. Въ концѣ же своего изслѣдованія Рибо утверждаетъ: „память есть отправленіе нервной системы“; . . . „основныя качества

1) Du Bois-Reymond, Ueber Uebung, Berlin 1881, S. 17.

2) H. Spencer, Principles of Psychology, 2. ed. § 199 (рус. пер. СПб. 1876) т. II. стр. 167—176.

3) Ibid. § 202.

4) Это какъ разъ противоположно утвержденію Спенсера, который „организованную память“ (т. е. бессознательную) производитъ отъ сознательной (т. е. неорганизованной).

5) Th. Ribot, Les maladies de la mémoire I, 1.

памяти связаны съ основными условіями жизни“; „все прочее т. е. сознание, точная локализация въ прошедшемъ — есть только усовершенствованіе“; „психическая память есть только высшая и самая сложная форма памяти“¹⁾.

13. Ко взглядамъ Рибо примыкаетъ бывший цюрихскій профессоръ психіатріи *Форель*. Въ отличіе отъ Рибо онъ отмѣчаетъ и активную сторону памяти и активные бессознательные душевные процессы, на что многіе не обращаютъ вниманія. Форель говоритъ: „Память есть качество всякой нервной дѣятельности (сознательной или бессознательной) 1) послѣ ея окончанія оставлять измѣненное состояніе, которое сохраняется; 2) — способность въ послѣдствіи посредствомъ этого сохраненнаго динамическаго слѣда повторяться подобнымъ же образомъ, какъ и первый разъ. Эти оба качества сохраненія и возобновленія, очевидно, не абсолютно различны другъ отъ друга; возобновленіе, въ послѣдней инстанціи, пожалуй, есть только скрѣпленіе (*Kräftigung*) или новое оживленіе (*Neubelebung*) сохраненнаго динамическаго слѣда“. („Матерія нераздѣльна отъ присущей ей силы и никогда не бываетъ абсолютно бездѣйствующей“) ²⁾. „Третье качество, продолжаетъ Форель, присуще только сознательной памяти и въ понятіи памяти не составляетъ существеннаго признака. Это есть узнаваніе, т. е. способность вторичное, возобновленное состояніе признать тождественнымъ съ прежнимъ, первичнымъ, для чего необходимо сознание промежуточнаго времени (*Zeitbewusstsein*“³⁾.

Такъ понимаетъ память Форель.

14. Глубже вникъ въ нашъ вопросъ *Шарль Рише*, отмѣтивъ значеніе памяти для всѣхъ интеллектуальныхъ процессовъ,

1) Тамъ же послѣдн. стр.

2) На эту замѣтку въ скобкахъ слѣдуетъ обратить вниманіе: изъ психологовъ-эмпириковъ и психо-физиковъ рѣдко кто имѣетъ это въ виду.

3) Forel. Das Gedächtniss und seine Abnormitäten. Zürich 1885.

не исключая даже самосознанія, т. е. воспріятія тожества нашего „Я“¹⁾. Вотъ его слова по нашему вопросу: „Благодаря организаціи нашей нервной системы прошедшее явленіе дѣлается продолжающимся, — и настоящее, закрѣпленное памятью, продолжается и можетъ снова возобновиться. Продленіе и возобновленіе это — два отправленія, несомнѣнно различныя²⁾; поэтому нужно отличать эти двѣ разновидности памяти“³⁾. Зародышь памяти и Рише (подобно какъ Рибо и Форель) видитъ въ явленіяхъ фیزیологическихъ, сравнительно простыхъ, изъ которыхъ развиваются явленія болѣе сложныя — психическія; послѣднія вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе продолжительны⁴⁾. Различая двѣ разновидности памяти — 1) память закрѣпленія, или сохраненія (*la mémoire de fixation*) и 2) память возобновленія, или воспроизведенія (*la mémoire d'évocation*⁵⁾, Рише въ первой различаетъ слѣдующія три ступени возбужденій: „1) краткое возбужденіе (физическое, напр. ударъ прерваннаго электрическаго тока въ 0,001 секунды длительности), которое вызываетъ нервное колебаніе, болѣе продолжительное. Это — способъ реакціи всякой живой клѣтки на любое возбужденіе“⁶⁾.

„2) Продолженное колебаніе, которое и послѣ его прекращенія отзывается еще внутри строенія клѣточки и измѣняетъ . . . состояніе нервной клѣточки на время, болѣе или менѣе продолжительное. Это — память элементарная“⁷⁾.

1) Ch. Richet, *Les origines et les modalités de la mémoire*. *Revue philos.* 1886, pag. 561—590.

2) Форель держится мнѣнія противоположнаго.

3) *op. cit.* p. 561.

4) *ibid.* pag. 563.

5) *ibid.* 567.

6) *ibid.* p. 566. Эту дѣятельность, по моему, можно назвать памятью „органической“: она обнаруживается, по мнѣнію Рише, въ мускульныхъ волокнахъ и въ нервно-органическихъ клѣткахъ (*cellules nerveuses communes*) и не измѣняетъ на долго состоянія этихъ клѣтокъ: въ нихъ-де подъ вліяніемъ органическихъ процессовъ происходитъ „*restitutio ad integrum*“. (pag. 565).

7) *ibid.* p. 566.

„3) Отголосокъ возбужденія — скрытый, продолженный, неограниченный — который неизгладимо измѣнилъ строеніе психической нервной клѣточки¹“). „Измѣненіе, происшедшее въ таковой, можетъ уничтожиться только со смертію клѣточки“²). Это — память сохраненія³).

„Память воспроизведенія, по мнѣнію Рише, есть четвертая ступень психическаго совершенствованія.“ Подъ токовой онъ разумѣетъ возобновленіе сохраненнаго въ памяти⁴). . . „Сила памяти возрастаетъ отъ упражненія и можетъ передаваться по наслѣдству⁵). Далѣе говоритъ Рише: „Позволительно думать, что развитіе памяти безусловно и строго содѣйствуетъ (*est synergique*) развитію интеллектуальному. Сознаніе, воображеніе, языкъ, строго говоря, суть явленія памяти. Итакъ, сказать о животномъ, что оно очень умное (*intelligent*), это значитъ признать молчаливо (*implicite*), что его память очень развита. Такимъ образомъ, быть можетъ, объясняется неоспоримый параллелизмъ, существующій между объемомъ мозга и интеллигентностью“⁶). Память есть явленіе фізіологическое, потому что она находится въ прямой зависимости отъ фізіологическихъ отравленій“⁷).

Этими выдержками считаю достаточно охарактеризованными взгляды Ш. Рише.

15. *Альфредъ Фулье*, соединяетъ гипотезу психофізическаго параллелизма съ предположеніемъ идей-силъ „*idées-forces*“, которыя между собою борются за свое существованіе. Не давая опредѣленія памяти, онъ отмѣчаетъ въ ней три существенныхъ элемента: 1) сохраненіе, 2) воспроиз-

1) *ibid.* p. 567.

2) *ibid.* p. 565.

3) Въ ней Рише видитъ законъ сохраненія энергіи, хотя и съ иной точки зрѣнія“ (*ibid.* p. 572).

4) *ibid.* p. 568.

5) *ibid.* p. 572.

6) *ibid.* pag. 573.

7) *ibid.* p. 581.

веденіе, 3) узнаваніе¹⁾. Вотъ его подлинныя слова, характеризующія его взглядъ на нашъ вопросъ: „Идеи или образы суть состоянія сознанія, которыя предполагають чувствованія (эмоціи) и переходятъ въ движенія (aboutissent à des mouvemens). . . Въ такомъ смыслѣ идеи-силы, т. е. состоянія сознанія, соотвѣтныя колебаніямъ мозга, борются за жизнь, и самыя сильныя берутъ верхъ, по аналогіи съ естественнымъ подборомъ“²⁾. „Законы памяти и ассоціаціи можно бы назвать законами интеллектуальнаго подбора. . .“ „Эти идеи ничуть не отдѣлены отъ органовъ, потому что онѣ заключаютъ въ себѣ образы, а образъ есть отголосокъ или возобновленіе ощущенія, болѣе или менѣе ослабленное. Образъ имѣетъ мѣсто въ тѣхъ же нервныхъ центрахъ, въ которыхъ — и само ощущеніе. . .“³⁾ (sic!) „Нервный процессъ — тотъ же самый при ощущеніи, что и при воспоминаніи, и воспоминаніе вовсе не есть состояніе чисто интеллектуальное“⁴⁾. „Съ точки зрѣнія фізіологической, организація и память суть одно и то же. . . Сохраненіе силы, слѣдовательно и — движенія есть основаніе привычки а также памяти, если ее разсматривать только съ внѣшней стороны“⁵⁾. „Съ психологической точки зрѣнія . . . слѣдуетъ прибавить къ движенію: 1) ощущеніе (sensation) или зародышъ его, 2) двигательную реакцію, которая съ нимъ нераздѣльна. . . Организованная матерія, въ различіе отъ машинъ, способна чувствовать и дѣйствовать. (La matière organique est sentante et agissante“⁶⁾. „Подборъ идей и ихъ оживаніе (suggestion) происходитъ какъ по смежности во времени, такъ и по ихъ сходству“⁷⁾. „Оба эти закона представляютъ собою двѣ

1) Fouillée, La survivance et la selection des idées dans la mémoire Revue des deux mondes, LXIX. (1885). pag. 358.

2) *ibid.* pag. 360.

3) *ibid.* pag. 361.

4) *ibid.* pag. 362.

5) *ibid.* pag. 368 et 369.

6) *ibid.* pag. 369 et 370.

7) *ibid.* pag. 377. Это противорѣчитъ его предположенію о борьбѣ идей за существованіе.

стороны (aspects) одного и того же закона. . . Смежность во времени соединяетъ вещи только (sic!) посредствомъ смежности въ протяженномъ мозгу (dans l'étendue du cerveau). . . Смежныя части мозга, строго говоря, суть части сходныя (similaires), которыя вибрируютъ тождественнымъ отчасти образомъ¹⁾. . . Эта смежность заключаетъ въ себѣ извѣстное сходство и извѣстное сведеніе къ единству²⁾. „Сходное механически ассоціируется въ мозгу со сходнымъ“³⁾. Такимъ образомъ, Фулье, пытается свести законы ассоціацій къ одному закону, называемому имъ loi de selection sensible⁴⁾.

Вотъ основныя мысли Фулье по нашему вопросу⁵⁾.

16. Весьма обстоятельно обсуждаетъ разныя теоріи по настоящему вопросу *Э. Рабье*. Его собственную точку зрѣнія на основаніи его психологіи (5 изд. 1896 года)

1) Это мнѣніе не мирится со сказаннымъ раньше относ. смежности во времени. Ее Фулье, по видимому, себѣ представляетъ такъ, что одновременныя идеи (или скорѣе ихъ субстраты, — мозговыя клѣтки) помѣщены рядомъ. Тогда становится непонятнымъ, почему эти смежныя клѣтки „вибрируютъ отчасти тождественнымъ образомъ“. Изъ самонаблюдений мы знаемъ, что и самыя разнообразныя идеи могутъ быть ассоціированы и одновременно появляться въ сознаніи.

2) *ibid.* pag. 380.

3) *ibid.* pag. 381 et 382.

4) *ibid.* pag. 384.

5) Далѣе Фулье разсматриваетъ и вліяніе на подборъ (selection) идей произвольнаго и сознательнаго вниманія, которое онъ опредѣляетъ какъ феноменъ „двигательной иннерваціи“. (*ibid.* pag. 385. Ту же мысль развилъ впоследствии Н. Ланге въ своемъ изслѣдованіи о вниманіи). Въ заключеніи своей статьи говоритъ Фульзъ: „Если идеи или образы продолжаютъ жить въ борьбѣ и сохраняются, то это происходитъ потому, что онѣ заключаютъ въ себѣ различныя степени чувствованій (sentimens), стремясь удовлетворить себя соотвѣтными движеніями; идеи суть силы, потому что онѣ скрываютъ въ себѣ влеченія (appetits), болѣе или менѣе неопредѣленныя или ясныя. Затѣмъ, если идеи возобновляются, то это — чаще всего вслѣдствіе той же силы, вслѣдствіе связи, соединяющей такія-то движенія съ такими-то чувствованіями. . . Въ сохраненіи идей сознание не представляетъ собою пассивное регистрированіе, ни совершенно машинальную репродукцію впечатлѣній. . . Сознаніе завершаетъ (эти процессы) тѣмъ что оно становится великой силой выбора между ними и стремится едѣлаться все болѣе и болѣе господствующимъ въ человѣчествѣ: въ началѣ будучи чисто подражательнымъ, оно становится творческимъ“. *Ibid.* pag. 389.

можно охарактеризовать слѣдующими выдержками: „Наши представленія (*représentations*), говоритъ Рабье, послѣ того какъ они нѣкоторое время заняли сознаніе, остаются еще въ нашемъ распорядкѣ . . . наши состоянія сознанія, послѣ того какъ они существовали, могутъ произвольно (*spontanément*) оживать“¹⁾. „Въ слѣдахъ или осадкахъ (*résidus*) органическихъ, оставленныхъ въ мозгу первичными впечатлѣніями, заключается условіе памяти“²⁾. „Условіемъ оживанія служитъ возобновленіе первичнаго нервнаго акта посредствомъ сочетанія условій, составляющихъ привычку, съ новымъ условіемъ“³⁾. Въ частности „всякое состояніе мышленія оказывается зависимымъ (*déterminé*) отъ состоянія, непосредственно предшествующаго“⁴⁾ т. е. отъ законовъ ассоціацій. Впрочемъ, и Э. Рабье, согласно съ Бэномъ, отличаетъ первичную или непосредственную (*immédiate*) память и вторичную (*séparée par un intervalle de la perception*), т. е. послѣ забвенія. Послѣдняя управляется законами ассоціацій⁴⁾.

Таковъ взглядъ Э. Рабье.

17. Той же точки зрѣнія придерживается и *Селли*, различая первичную память отъ памяти болѣе развитой. Относительно первой онъ говоритъ слѣдующее: „Всѣ воспріятія — зрительныя, слуховыя или другія стремятся при опредѣленныхъ обстоятельствахъ къ продолженію за моментъ прекращенія чувственнаго раздраженія. Такъ напр., за воспріятіемъ освѣщеннаго предмета, каково — заходящее солнце, часто слѣдуетъ еще нѣсколько секундъ спустя извѣстный „преемственный образъ“ (*after-image*), который можно обозначить подходящимъ выраженіемъ, какъ „преемственное воспріятіе предмета“ (*after-percept of the*

1) Elie Rabier, Leçons de philos. I. Psych. (Paris 1896) chap. XIV. pag. 150.

2) *ibid.* pag. 160.

3) *ibid.* pag. 164.

4) *ibid.* chap. XVI. pag. 184.

object¹). Сверхъ того, . . . ясное и отчетливое впечатлѣніе, обуславливающее особое усиленіе вниманія, способно произвести такъ называемый „умственный образъ“ (mental image), который можетъ продолжаться нѣкоторое время послѣ воспріятія . . . онъ возвращается снова и снова, если устранены другіе предметы вниманія. Этотъ временный образъ имѣетъ важное значеніе въ образованіи . . . первичнаго образа памяти (primary memory-image²). Относительно высшей формы памяти Сёлли говоритъ: „Подъ словомъ «память», обыкновенно подразумѣваютъ сохраненіе количества пріобрѣтеній и возможность вызывать ихъ по надобности“³) . . . Въ ея высшей формѣ отдѣльнаго воспроизведенія впечатлѣній въ ихъ временномъ порядкѣ (память событій) она содержитъ преднамѣченную ассоціацію (careful association) этихъ съ сопутствующими имъ обстоятельствами. Сохраненіе . . . есть послѣдняя необъяснимая психофизическая функція. И хотя эта функція является на всѣхъ стадіяхъ развитія и играетъ выдающуюся роль въ такъ называемыхъ чувственныхъ воспріятіяхъ (presentations of sens), она только превосходитъ ихъ въ процессахъ репродукціи или воспроизводительнаго воображенія (representative imagination³). О сохраненіи мы знаемъ только благодаря факту оживанія . . . непосредственнаго знанія этого факта (сохраненія) мы не можемъ имѣть“⁴). „Фактъ доказанный (sic!), что мозгъ, хотя и требуетъ периферическаго возбужденія для своей первоначальной дѣятельности, можетъ со временемъ быть независимымъ отъ подобнаго возбужденія (stimulation“⁴). „Способность воспроизведенія послѣ нѣкотораго промежутка времени зависитъ 1) отъ глубины впечатлѣнія (depth of the impression) и 2) отъ силы дѣйствующихъ ассоціацій (force

1) Sully, The human Mind, London 1892, chap. IX. pag. 278.

2) ibid. pag. 279.

3) ibid. pag. 353, 354.

4) Sully, Outlines of Psychology, London 1894. pag. 170.

of suggestion“¹⁾. Память не есть единая способность; она различна для различныхъ классовъ чувственныхъ элементовъ (presentative elements“²⁾. „Можно имѣть превосходную память къ одному разряду воспріятій (sensations) и ниже средней въ отношеніи другихъ впечатлѣній (impressions“³⁾.

Таковы воззрѣнія Сѣлли.

18. Лучше расчленилъ свойства памяти американскій психологъ *Дж. М. Бальдвинъ*, хотя и онъ ее объясняетъ фізіологической теоріей. Онъ различаетъ въ „умственной дѣятельности, именуемой памятью, четыре фактора или ступени, которыя встрѣчаются совмѣстно“, а именно: „1) постоянную способность къ оживанію прошлаго опыта, если повторились его первоначальныя обстоятельства; это называется удерживаніемъ (Retention). 2) дѣйствительное возвращеніе въ сознаніи образа: воспроизведеніе (Reproduction). 3) признаніе образа за бывшій уже въ нашемъ прошломъ опытѣ: узнаваніе (Recognition). 4) отнесеніе (въ большинствѣ случаевъ непосредственное) къ прошлому времени первичнаго опыта: локализацию“⁴⁾.

19. Тщательно изслѣдуетъ нашъ вопросъ *В. Джемсъ*. И онъ, согласно съ Бэнномъ и нѣмецкими психологами послѣдняго времени, отличаетъ: 1) первичную память, состоящую въ продолжаемости впечатлѣній и въ воспроизведеніи ихъ черезъ короткіе промежутки въ видѣ „преемственныхъ образовъ“ (after-images of a sensation⁵⁾); 2) — память въ собственномъ смыслѣ, или вторичную память (secondary memory). Послѣдняя, говоритъ Джемсъ, „есть знаніе о минувшемъ душевномъ состояніи, послѣ того какъ оно уже ускользнуло изъ сознанія, или точнѣе, память есть

1) *ibid.* pag. 175.

2) Sully. The hum. Mind § 40, pag. 354.

3) Outlines, pag. 217.

4) J. M. Baldwin. Handbook of Psychology, Senses and Intellect New-York 1889 chap. IX. § 1. pag. 151.

5) W. James. The Principles of Psychology, New-York 1890 vol. I. chap. XVI. pag. 645—647.

знаніе о событіи или фактѣ, о которомъ мы не думали нѣкоторое время, съ присоединеніемъ сознанія, что мы о немъ думали или испытали его раньше¹⁾. . . Но въ простомъ фактѣ воспроизведенія, продолжаетъ Джемсъ, еще не заключается память. . . Нужно еще другое условіе, прежде чѣмъ созерцаемый въ настоящемъ образъ можетъ считаться замѣстителемъ минувшаго оригинала. Условіе это заключается въ томъ, что созерцаемый нами образъ мы должны относить къ прошлому — мыслить его въ прошломъ²⁾. Далѣе продолжаетъ Джемсъ: „Но какъ мы можемъ мыслить извѣстную вещь, какъ бы въ прошломъ, если мы не будемъ думать объ этой вещи и о прошломъ, и объ отношеніи между той и другимъ? . . . Память представляетъ нѣчто большее сравнительно съ простымъ отнесеніемъ факта къ извѣстному моменту прошлаго. Онъ долженъ быть отнесенъ къ извѣстному моменту моего прошлаго. Другими словами, я долженъ думать, что это я именно пережилъ его“³⁾. Припоминаніе, какъ и запоминаніе, объясняетъ Джемсъ законами ассоціаціи; а сами ассоціаціи — путями въ мозгу. „Запоминаніе, говоритъ Джемсъ, вовсе не есть явленіе психическаго порядка. Это — чисто физическое (sic!) явленіе, именно наличность „путей“ въ глубочайшихъ нѣдрахъ мозговой ткани. Съ другой стороны, припоминаніе есть психофизическій процессъ, имѣющій и тѣлесную, и душевную сторону; тѣлесная сторона его — возбужденіе нервныхъ путей, душевная — сознательное представленіе минувшаго явленія и вѣра въ его принадлежность нашему прошлому“⁴⁾. Такимъ образомъ Джемсъ съ одной стороны опирается на анализъ внутренняго опыта; съ другой стороны этотъ опытъ объясняетъ физиологической ги-

1) *ibid.* pag. 648.

2) *ibid.* pag. 649. Это условіе, сознание наконецъ англ. психологами, было отмѣчено еще Аристотелемъ. См. *Aristoteles, De memoria.*

3) *ibid.* pag. 650.

4) *ibid.* pag. 655.

потезой „нервныхъ путей“, относительно которыхъ, впрочемъ, сознается, что они не вполне тождественны при воспріятіи извѣстнаго факта и при его припоминаніи¹⁾.

Такъ понимаетъ нашъ вопросъ В. Джемсъ.

20. *Юдль* отдѣляетъ память отъ воспроизведенія, говоря: „Память есть продолжаемость (Beharren) элементовъ сознанія; а репродукція есть активность памяти, превращеніе слѣдовъ (Spur, Erinnerung) изъ потенциальнаго состоянія сознанія въ актуальное“²⁾. (Это весьма простое и ясное опредѣленіе Юдля, напинимающее собою аристотелевскія понятія *δύναμις* и *ἐνέργεια*, было бы вполне соответствующимъ общепринятому смыслу слова „память“, если бы 1) въ него не входили и образы фантазіи и чувствованія; 2) еслибы слово „сознаніе“ замѣнить болѣе подходящимъ „душа“³⁾.

Со своимъ чистопсихологическимъ опредѣленіемъ памяти Юдль соединяетъ гипотезу психо-физическаго параллелизма. „Слѣдъ, по его словамъ, хотя и безсознателенъ, но онъ существуетъ; а это возможно только вслѣдствіе того, что онъ продолжаетъ существовать какъ физическое впечатлѣніе, какъ опредѣленное размѣщеніе и группировка молекулъ въ центральныхъ нервныхъ органахъ, какъ мозговое расположеніе (Disposition“⁴⁾. И въ остальномъ Юдль согласенъ съ цитированными выше психофизиками въ особенности съ Селли и Джемсомъ, которыми онъ пользовался. Юдлемъ я заканчиваю группу психофизиковъ.

1) Особого анатомическаго или фізіологическаго коррелята этой „вѣры“ Джемсъ, конечно, указать не можетъ.

2) Jodl, Psychologie, Stuttgart 1896, VIII § 15 S. 460.

3) По моему, всякій актъ сознанія, не исключая и чувственныхъ воспріятій есть „актуальное“ состояніе, говоря терминомъ Аристотеля — *ἐνέργεια* (изъ опредѣленія Юдля это тоже вытекаетъ); а бессознательныя душевныя состоянія, (которые въ настоящее время самыми компетентными психологами, кромѣ Врентано и Рабе, признаны за фактъ несомнѣнный), представляютъ собой потенциальныя состоянія души — *δυνάμεις*. Поэтому выраженіе „потенциальное (т. е. бессознательное) состояніе сознанія“ заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Въ это противорѣчіе постоянно впадаютъ современные психологи, избѣгающіе термина „душа“.

4) *ibid.* VIII § 19, S. 463.

IV.

Къ третьей группѣ, т. е. къ *динамистамъ*, причислены мною тѣ психологи, которые память разсматриваютъ какъ сохраненіе, независимо отъ гипотезы психофизическаго параллелизма, или монизма.

21. Къ нимъ, прежде всего принадлежитъ *Р. Г. Лотце*. Этотъ выдающійся философъ, основательно знакомый и съ естественными науками, въ своей „Медицинской психологіи“ неоднократно высказывается „противъ предположенія, будто теченіе нашихъ мыслей есть результатъ подобнаго же теченія физическихъ возбужденій“¹⁾. Этому предположенію онъ „безъ колебаній“ противопоставляетъ свое воззрѣніе, „что душа обладаетъ способностью сохранять пріобрѣтенныя впечатлѣнія независимо отъ сохраненія ихъ физическихъ поводовъ (*Veranlassungen*), т. е. нервныхъ процессовъ“. „Гдѣ одинаково возможны двѣ гипотезы, говоритъ Лотце, — одна, согласная съ нравственными потребностями, другая, противорѣчащая имъ, — ничто не можетъ склонить къ выбору послѣдней“²⁾. Не отрицая воздѣйствія нервной системы на душу (самъ Лотце приводитъ множество подобныхъ примѣровъ), онъ все же признаетъ, „что какъ память, такъ и мѣняющееся воспоминаніе и теченіе представленій мыслимы вообще и безъ содѣйствія центральныхъ органовъ“ т. е. мозга³⁾. Такимъ образомъ Лотце, будучи самъ основательно знакомъ съ физиологіей, не раздѣляетъ взгляда психофизиковъ. „Общее и принципиальное объясненіе памяти, ассоціацій,

1) Лотце, какъ извѣстно, сперва изучалъ медицинскія науки, по которымъ нѣкоторое время даже читалъ лекціи при Лейпцигскомъ университетѣ, и только впослѣдствіи сдѣлался философомъ.

R. H. Lotze, *Medicinische Psychologie* Leipzig 1852, § 399.

2) *ib.* § 399.

3) *ib.* § 399. Сравни также: § 411 въ нач. и § 413 въ концѣ.

узнаванія, по словамъ Лотце, подлежатъ (разсмотрѣнію) не фізіологіи, но метафизической психологіи“¹⁾. Тѣмъ не менѣе Лотце не раздѣляетъ и взгляда гербартианцевъ, будто не существуетъ абсолютнаго забвенія; онъ признаетъ по меньшей мѣрѣ ограниченіе способности воспроизведенія, говоря: „Хотя законъ сохраненія дѣйствителенъ и для души; но это не значитъ, что пріобрѣтенныя чувственныя впечатлѣнія . . . должны пребывать въ душѣ не только вообще, но и въ такомъ видѣ и въ такой силѣ, чтобы посредствомъ таковыхъ они постоянно были доступны сознанію и воспоминанію и безъ обновленнаго внѣшняго возбужденія“²⁾. Относительно качества воспроизведенныхъ представленій Лотце говоритъ: „По прекращеніи внѣшняго чувственнаго раздраженія продолжающіяся раздраженія нервовъ иногда представляютъ (*halten vor*) душѣ живой преемственный образъ ощущеннаго. Когда же этого не бываетъ, то качество нашего раздраженія всегда быстро мѣняется, и образъ воспоминанія существенно отличается отъ содержанія, которое намъ представляло дѣйствительное ощущение“. Такъ напр. „воспоминаніе невыразимаго мученія (*Qual*) — ничто въ сравненіи съ реальной болью отъ укола иголки“³⁾. Вотъ основныя воззрѣнія Лотце по нашему вопросу, изложенныя въ его Медицинской психологіи.

22. Тримя годами послѣ этого капитальнаго сочиненія *Н. Фортлаге* издалъ свое объемистое сочиненіе „Система психологіи, какъ эмпирической науки“. . . Однако въ ней онъ довольно мало говоритъ по нашему вопросу. Его взглядъ можно охарактеризовать слѣдующими выдержками: „Первое и важнѣйшее качество содержанія представленій (*Vorstellungsinhalt*), говоритъ Фортлаге, есть его припоминае-

1) *op. cit.* § 411.

2) *ib.* § 402.

3) *ib.* § 403. Въ предыдущемъ § 402. Лотце пытается дать и объясненіе подобнымъ явленіямъ воспоминанія.

мость (Erinnbarkeit). Это содержаніе продолжаетъ существовать и сохраняется послѣ того, какъ оно ускользнуло изъ сознанія, и позже всплываетъ въ неизмѣненномъ (sic!), хотя и ослабленномъ видѣ. Какъ долго память дѣйствуетъ — и не можетъ ли когда-нибудь что-нибудь утеряться изъ всего образовавшагося или приобрѣтеннаго содержанія представленій . . . этотъ вопросъ долженъ пока остаться нерѣшеннымъ. . . Мы ограничимся наблюдаемымъ фактомъ, что образы памяти со временемъ, по видимому, сами собой тухнутъ или испаряются“¹⁾. Это сохраненіе, конечно, бессознательно“. „Но эти сохраняемые представленія должны обнаружить свое существованіе и помимо вызванія явленій въ сознаніи, . . . какъ бессознательно дѣйствующія субстанции или ихъ состоянія. Это они и дѣлаютъ“²⁾.

Столько можно извлечь изъ этого сочиненія Фортлаге. Двадцать лѣтъ спустя онъ издалъ свои „Дополненія къ психологіи“, въ которыхъ болѣе подробно развиваетъ свою теорію влеченій (Triebe). Но въ нихъ нашъ вопросъ не затронуть. Только относительно воспроизведенія онъ высказывается съ точки зрѣнія своей теоріи, а именно: „Влеченіе къ воспроизведенію и влеченіе къ новымъ соединеніямъ представленій въ высшей степени (sic!) противоположны другъ другу. Первое есть влеченіе къ повторенію старыхъ представленій . . . оно есть стремленіе, пребывающее въ образахъ памяти (Erinnerungsbilder), частью къ сліянію съ одинаковыми составными частями новыхъ образовъ созерцанія (Anschauungsbilder), частью — къ повторенію въ томъ же порядкѣ, въ которомъ они были восприняты. Это влеченіе должно называть слѣпымъ“³⁾. Столько у — Фортлаге.

23. Не много сообщаетъ о памяти и популярный въ свое время психологъ Іоганъ *Эдуардъ Эрдманъ*, суживая ея

1) K. Fortlage, System d. Psychologie, als empir. Wissensch. Leipzig 1855, § 14. S. 120.

2) ibid. S. 122.

3) K. Fortlage, Beiträge zur Psychologie, Leipzig 1875, § 17. S. 182.

область вопреки общепринятому смыслу. Въ своихъ „Психологическихъ письмахъ“ онъ говоритъ слѣдующее: „Поскольку интеллектъ связываетъ или сохраняетъ звуки и ихъ сочетанія съ мыслию, онъ есть память; подъ ней я понимаю власть надъ отвлеченными представленіями и ихъ именами (власть надъ единичными представленіями или образами предметовъ я выше назвалъ репродуктивнымъ воображеніемъ¹⁾). Память у меня значитъ удерживаніе словъ“²⁾. „Выраженіе память словъ есть собственно плеоназмъ: иной памяти и не существуетъ . . . память содержитъ только то, что уже было предметомъ мысли (gedacht), а сила памяти состоитъ въ томъ, чтобы таковое . . . взять въ свое обладаніе и сохранять“³⁾. Словамъ Эд. Эрдманъ придаетъ бѣльшее значеніе, чѣмъ другіе нѣмецкіе психологи, а тѣмъ болѣе англійскіе. „Въ словѣ, говоритъ Эрдманъ, идеализовано то, что до его произнесенія превратилось въ мысль; поэтому въ словахъ существуетъ міръ вторично, а именно въ высшемъ качествѣ. . . Какowymi вещи называются, таковыми онѣ и есть по ихъ существу. . . (sic!) Слова это — существующія внѣшнимъ образомъ мысли о вещахъ“⁴⁾. Таковъ взглядъ Эдуарда Эрдмана.

24. Самый выдающійся представитель третьей группы — *Эббинггаузъ*; онъ же и самый компетентный судья въ настоящемъ вопросѣ. Чуждый всякихъ предвзятыхъ гипотезъ, Эбб. впервые посредствомъ многочисленныхъ, научнымъ образомъ обставленныхъ, опытовъ изучалъ на себѣ такъ называемую „механическую“ память. Результаты его опытовъ и изслѣдованій, изложенные въ его общеизвѣстной, весьма обстоятельной и интересной для психолога монографіи „О

1) Johann Eduard Erdmann, Psychologische Briefe. 3. Auflage, Leipzig 1863, XV. Brief. S. 308.

2) ibid. S. 313.

3) ibid. S. 309.

4) ibid. S. 306.

памяти“ не только раскрыли нѣкоторые законы относительно памяти, но они проливаютъ нѣкоторый свѣтъ и на теорію ассоціаціи по смежности, и на бессознательные процессы. Въ этомъ сочиненіи Эбб. опредѣляетъ, или скорѣе описываетъ, память слѣдующими словами: ¹⁾. „Психическія состоянія — всякаго рода ощущенія, чувствованія, представленія, которыя когда-либо существовали изатѣмъ ускользнули изъ сознанія, вмѣстѣ съ этимъ не безусловно перестали существовать . . . они продолжаютъ жить нѣкоторымъ образомъ сохранными, какъ говорятъ, въ памяти“. Память Эбб. отличается отъ простаго воспроизведенія (репродукціи) и воспоминанія. Относительно воспроизведенія, даже произвольнаго, онъ отмѣчаетъ, что „и тутъ въ большинствѣ случаевъ мы непосредственно узнаемъ репродуцируемое, какъ бывшее раньше“ т. е. мы воспоминаемъ его. Эбб. отмѣтилъ и тотъ фактъ, что „въ нѣкоторыхъ случаяхъ (при репродукціи) не бываетъ сопутствующаго ей сознанія, что репродуцированное было уже въ нашемъ прошломъ опытѣ (Джемсъ упустилъ это изъ виду); тогда, говоритъ Эбб., мы знаемъ только посредственно, что настоящее (представленіе) должно быть тождественно съ нѣкоторымъ прежнимъ (душевнымъ актомъ); но все же, по словамъ Эбб.-за, мы получаемъ доказательство, не въ меньшей степени вѣрное, что это прежнее продолжало существовать въ промежуткѣ“ (между первичнымъ актомъ сознанія и его репродукціей) ²⁾. Этой выдержкой изъ монографіи Эбб.-за я органичусь: она достаточно характеризуетъ его взглядъ. Эббингаузомъ я заканчиваю третью и послѣднюю группу психологовъ.

Приведенное выше дѣленіе сдѣлано для предварительной оріентировки читателя примѣнительно къ существующимъ теоріямъ. Внимательный читатель могъ убѣдиться,

1) Ebbinghaus. Ueber das Gedächtniss, Leipzig 1885, § 1. S. 2 u. 3

2) ibid. Откуда и какимъ образомъ мы получаемъ это доказательство, этого Эбб. не говорить.

что и среди каждой отдѣльной группы есть довольно значительныя разногласія, иногда встрѣчаются противорѣчивыя взгляды даже въ одномъ и томъ же сочиненіи. Послѣ ознакомленія читателя съ отдѣльными воззрѣніями, можно приступить къ болѣе строгой классификаціи. Таковую можно сдѣлать по нѣсколькимъ принципамъ.

I. Относительно точки зрѣнія психологовъ, съ которой они разсматриваютъ память, можно ихъ раздѣлить: 1) на психологовъ въ тѣсномъ смыслѣ, которые разсматриваютъ память съ внутренней, т. е. психической стороны — или какъ явленія сознанія, или какъ душевныя потенціи (силы), или одновременно и какъ явленія, и какъ потенціи; 2) на біологовъ, которые разсматриваютъ память только съ внѣшней стороны, т. е. біологической, какъ опредѣленную организацію матеріи, передаваемую по наслѣдству; 3) на психо-физиковъ въ тѣсномъ смыслѣ, которые руководятся гипотезой психо-физическаго параллелизма, разсматривая память и съ психической стороны, и съ физической, какъ функцію мозга.

1. Къ психологамъ въ тѣсномъ смыслѣ можно отнести феноменистовъ: Фолькмана, Вундта (за послѣдній періодъ его жизни), Гефдингга, Троицкаго, Бэна, Горвича, Лэдда, Титченера; затѣмъ — динамистовъ: Лотце, Фортлаге, Эд. Эрдмана, Эббингауза; наконецъ, — всѣхъ изслѣдователей памяти экспериментальнымъ путемъ, работы которыхъ будутъ разсмотрѣны во II-ой части настоящаго труда.

2. Къ біологамъ могутъ быть отнесены: Герингъ, Спенсеръ (относительно памяти „организованной“), Рибо, Форель¹⁾.

3. Къ психо-физикамъ относятся: Дю-Боа-Реймонъ, Спенсеръ (относительно сознательной памяти), Ш. Рише, Фулье, Рабье, Сѣлли, Бальдвинъ, Джемсъ, Иодль.

II. Относительно опредѣленія самаго термина „па-

1) Оба послѣдніе считаютъ сознательность памяти „несущественной прибавкой“, высшей формой біологической памяти. См. Th. Ribot, op. cit., Forel, op. cit. pag. 11.

мять“ можно раздѣлить цитированныхъ ученыхъ на слѣдующія три группы: 1) понимающіе подъ словомъ „память“ „способность или стремленіе къ воспроизведенію“. Сюда относятся феноменисты: Фолькманъ, Вундтъ (въ своей фیزیологической психологіи 4. изд.), Троицкій (во II-ой части „Науки о духѣ“), Бэнъ (относительно второй ступени памяти), Титченеръ и сверхъ того психофизикъ Спенсеръ (относительно сознательной памяти¹⁾). Эти ученые своими опредѣленіями памяти охватываютъ и процессы фантазіи, и навыки въ мускульной области, а также познанія²⁾. Напротивъ, другіе нѣсколько суживаютъ объемъ понятія „память“. Вундтъ (въ своемъ Очеркѣ психологіи) и Лэддъ подразумѣваютъ подъ памятью воспроизведеніе, связанное съ узнаваніемъ; а Горвичъ — воспроизведеніе въ томъ же соотношеніи воспроизведенныхъ частей, которое существовало при первичномъ актѣ. Джемсъ (при разсмотрѣніи памяти съ внутренней, т. е. психической стороны) суживаетъ еще болѣе объемъ понятія „память“, опредѣляя ее, какъ „знаніе о прошедшемъ событіи своего прошлаго“³⁾.

2) Вторая группа понимаетъ память, какъ сохраненіе — или психическое, или фیزیологическое. Къ первымъ относятся всѣ динамисты: Лотце, Фортлаге⁴⁾ Эд. Эрдманъ⁵⁾, Эббингаузь. Кромѣ этихъ сюда нужно от-

1) H. Spencer, op. cit. § 199, 200.

2) Къ этому разряду ученыхъ относится и проф. Челпановъ: въ своемъ популярномъ этюдѣ „О памяти и мнемоникѣ“, вышедшемъ въ прошломъ году 2. изданіемъ, проф. Челпановъ высказываетъ такой же взглядъ (стр. 12). Его этюдъ отличается яснымъ и удобопонятнымъ изложеніемъ, а равно и множествомъ весьма поучительныхъ фактовъ; тѣмъ не менѣе онъ не имѣетъ претензій на ученую монографію. Поэтому я его не включаю въ кругъ своей критики.

3) W. James, Principles of Psychology pag. 648. Это мнѣніе Джемса, по видимому, ошибочно: всякое знаніе обуславливается памятью, а не наоборотъ; объемъ понятія „память“ шире, чѣмъ объемъ понятія „знаніе“.

4) Фортлаге самъ не даетъ опредѣленія памяти; но изъ связи можно догадываться о пониманіи имъ этого слова.

5) Эд. Эрдманъ слишкомъ суживаетъ объемъ понятія „память“, понимая подъ этимъ словомъ только „сохраненіе словъ“, т. е. словесную память.

нести Бэна относительно первичной памяти, Спенсера относительно передаваемой по наслѣдству „организованной“ памяти, а также Юдля.

3) Третья группа понимаетъ подъ памятью и сохраненіе, и воспроизведеніе. Сюда относятся всѣ психофизики (кромѣ Бэна, Спенсера и Юдля), а именно: Герингъ, Дю-Боа-Реймонъ, Рибо, Форель, Ш. Рише, Фулье, Рабье, Сёлли, Бальдвинъ и Джемсъ (относительно физической стороны памяти).

Столь разнообразно понимаютъ ученые самое слово „память“, (научнымъ терминомъ не всѣ его признаютъ). Въ виду такого разногласія не легко рѣшить, что же, собственно, должно разумѣть подъ этимъ словомъ? Тѣмъ не менѣе попытаемся рассмотреть, должно ли подъ нимъ разумѣть воспроизведеніе, или сохраненіе, или то и другое вмѣстѣ¹⁾.

Въ противность современнымъ эмпирикамъ, мы рассмотримъ сперва обычное значеніе слова „память“; а затѣмъ уже изслѣдуемъ, имѣетъ ли это значеніе разумное основаніе, допустимое наукой. Не производя по методу Сократа послѣдовательнаго логическаго анализа этого понятія (таковой отнялъ бы слишкомъ много времени), я не затрудняюсь утверждать, что обыкновенно подъ этимъ словомъ разумѣютъ не процессы воспоминанія прежнихъ впечатлѣній, а способность сохраненія впечатлѣній и идей, (или ихъ слѣдовъ), до ихъ воспроизведенія. Для обозначенія самаго воспроизведенія въ каждомъ языкѣ имѣются

1) По моему, не должно произвольно измѣнять смысла общепринятаго слова, (какъ это дѣлаетъ Герингъ, распространяя память на всю „организованную матерію“, стало-быть — и на мхи, лишай, грибы и бактеріи), пока не выясненъ его истинный смыслъ, пока въ немъ не открыто какихъ-нибудь внутреннихъ противорѣчій или другихъ неудобствъ. Какъ извѣстно, въ общепринятомъ языкѣ заключается въ безсознательной формѣ первая, непосредственная психологія и философія, каковая была использована Сократомъ, Платономъ и Аристотелемъ. Съ раскрытія смысла словъ и понятій нужно начинать всякое философское изслѣдованіе; но современные эмпирики, избѣгая „хитросплетенныхъ сѣтей метафизики“, обезславленной съ легкой руки Ог. Конта, слишкомъ часто пренебрегаютъ этимъ изслѣдованіемъ.

другія слова, каковы: воспоминаніе, припоминаніе, оживаніе, воображеніе, фантазія, творчество, мечтаніе, грезы и. т. под.

Для оправданія моего мнѣнія я пока приведу нѣсколько примѣровъ изъ области внутренняго опыта¹⁾. 1) Всякому наблюдательному человѣку извѣстны душевныя состоянія, когда онъ не могъ припомнить имени очень хорошо знакомаго человѣка или мѣста. Тогда никакія усилія не могутъ вызвать желаемого имени; а черезъ нѣсколько минутъ, часовъ (а иногда даже черезъ сутки и больше) искомое названіе само собой всплываетъ²⁾. Относительно подобныхъ состояній никто не скажетъ, что онъ „лишенъ памяти“ искомага названія: мы увѣрены, что мы его знаемъ; иногда это слово „вертится на языкѣ“, и все же мы не можемъ его воспроизвести. Въ такихъ случаяхъ мы говоримъ: „я не могу припомнить этого имени“; но мы увѣрены, что мы припомнимъ его при другихъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, и наша увѣренность впоследствии дѣйствительно оправдывается. Относительно подобнаго временнаго „забвенія“ (правильнѣе „неспособности воспроизведенія“) еще Блаженный Августинъ пояснилъ, что если мы знаемъ, что мы что-то забыли, то это доказываетъ, что отъ забытаго у насъ нѣчто сохранилось³⁾. 2) Еще болѣе поразительны случаи временнаго „безпамятства“ послѣ обморока или послѣ наркоза, послѣ глубокаго сна при совершенно новой обстановкѣ. Въ этихъ случаяхъ очнувшійся, „пришедшій въ себя“, или проснувшійся не сразу „ориентируется“, т. е. не сразу припоминаетъ обстоятельства, благодаря которымъ онъ попалъ въ новую обстановку, не сразу приходитъ въ себя“, т. е. не сразу припоминаетъ тѣ факты, которые связаны съ его личностью, съ его „Я“. Въ словѣ „безпамятство“ (= отсут-

1) Полное оправданіе можетъ дать все мое изслѣдованіе, въ особенности же — выводы въ заключительной главѣ II-ой части.

2) Въ числѣ моихъ самонаблюденій записано множество подобныхъ случаевъ: одинъ — когда я припомнилъ искомое названіе черезъ мѣсяць

3) S-ti Augustini, Confessiones.

ствіе самосознанія) вошедшее въ его составъ слово „память“, (а равно и въ другихъ случаяхъ) русскій языкъ употребляетъ *per motonymiam* въ значеніи „способности воспроизвести“ (такъ точно и англійское *memory* и греческое *μνήμη* употребляется и въ значеніи „воспоминанія“; но латинское *memoria* и нѣмецкое *Gedächtniss* въ такомъ значеніи не употребляются); но изъ этого двоякаго употребленія русскаго „память“ отнюдь не слѣдуетъ, что различіе въ значеніи этихъ гомонимовъ не сознается говорящимъ 1). Относительно подобнаго субъекта, находящагося временно въ „безпамятствѣ“ и обыкновенный, неученый человѣкъ не скажетъ, что такой-то не обладаетъ памятью; всякій понимаетъ, что этотъ субъектъ временно неспособенъ обнаружить свою память, т. е. вспоминать: о памяти, какъ сохраненіи, разумѣется, мы заключаемъ только на основаніи припоминаній (воспроизведеній.) 3) Представимъ себѣ ученаго въ глубокой старости, который безъ ошибокъ воспроизводитъ (вспоминаетъ) свои познанія, твердо усвоенныя въ юности, но въ то же время не можетъ припомнить того, что происходило на канунѣ. (Подобные случаи бываютъ нерѣдко.) Спрашивается, скажемъ ли мы объ этомъ ученомъ, что онъ въ данный моментъ обладаетъ хорошей памятью? Мы, пожалуй, можемъ сказать, что въ молодости онъ обладалъ таковой: онъ и въ данный моментъ знаетъ свою спеціальность (хорошо воспроизводитъ свои познанія); но теперь его память уже очень ослабѣла: онъ не способенъ сохранить впечатлѣніе даже на сутки. Итакъ способность воспроизводить давно усвоенное у него осталась; а въ данный моментъ памяти нормальной

1) Такъ напр. русское слово „видъ“ употребляется по меньшей мѣрѣ въ шести совершенно различныхъ значеніяхъ; но изъ связи съ другими словами рѣчи всякій ясно понимаетъ, о какомъ видѣ идетъ рѣчь: въ значеніи ли „наружности“, или „видимой мѣстности“ или „species“ или „поля зрѣнія“, или „паспорта“, или „цѣли, намѣренія“. Еще болѣе интересна съ психологич. точки зрѣнія гомонимика въ англійскомъ языкѣ, утерявшемъ флексіи, въ которомъ одно и то же слово можетъ быть и глаголомъ, и прилагательнымъ, и существительнымъ, и нарѣчіемъ.

у него нѣтъ: онъ „не въ твердой памяти“, и не могъ бы составить неоспоримаго завѣщанія. 4) Возьмемъ еще одинъ примѣръ. Представимъ себѣ „нервно-разстроеннаго“ болтуна съ быстрой рѣчью, жестикуляціей и съ быстрымъ потокомъ мыслей, который черезъ часъ не можетъ припомнить, что онъ говорилъ, даже если ему повторяютъ его слова. Скажемъ ли мы о такомъ, что онъ обладаетъ хорошей памятью? Между тѣмъ онъ многое воспроизводитъ хорошо и быстро; но это же имъ воспроизведенное не оставляетъ у него слѣда.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно: 1) что временно можетъ отсутствовать воспроизведеніе при наличности сохраненія (памяти); 2) что можетъ быть на лицо воспроизведеніе однихъ фактовъ (прежняго усвоенія) при отсутствіи памяти новыхъ впечатлѣній; 3) что можетъ быть на лицо воспроизведеніе какого-нибудь факта при отсутствіи прочнаго слѣда отъ этого же воспроизведенія. Изъ всего этого вытекаютъ слѣдующія положенія:

1) Нужно различать воспроизведеніе отъ сохраненія впечатлѣній.

2) Подъ памятью нужно разумѣть, главнымъ образомъ, способность сохранять.

3) Память должно разсматривать не какъ одну общую способность, равную для всѣхъ психическихъ фактовъ, а — для каждаго отдѣльнаго псих. факта особю.

Поэтому въ своемъ изложеніи я, согласно съ динамистами и Йодлемъ, буду употреблять слово „память“ въ смыслѣ способности сохранять душевные акты, которые при опредѣленныхъ условіяхъ могутъ сдѣлаться сознательными, однако ограничивая ихъ познавательными элементами¹⁾. Вос-

1) Обиходное употребленіе слова „память“ не включаетъ въ него чувствованій (эмоцій), какъ непосредственныхъ псих. процессовъ. Подъ выраженіями: „я вспомнилъ свой гнѣвъ, свой страхъ, свою любовь“ разумѣютъ воспроизведеніе фактовъ (познаваемыхъ), которые въ рѣдкихъ случаяхъ воспроизводятъ и ассоцірованную съ ними эмоцію. Современные психологи говорятъ и о памяти эмоцій, которая, впрочемъ, еще мало изслѣдована. Попытку въ этомъ отношеніи сдѣлалъ Рибо.

произведеіе этихъ актовъ, связанное съ процессами узнаванія, я, согласно обиходному употребленію, буду обозначать словомъ „воспoминаніе“ (это будетъ видовымъ понятіемъ родового понятія „воспроизведеіе“); воспроизведеіе образовъ, которые оживаютъ внѣ первоначальной связи ихъ элементовъ (ассоціаціи по смежности) и не связаны съ процессами узнаванія, я обозначаю, согласно обиходному употребленію, словомъ „образованіе“ (фантазія); подъ ассоціями я буду разумѣть элементарную связь психическихъ элементовъ — одновременныхъ или же непосредственно преемственныхъ, какъ смежныхъ, такъ и сходныхъ.

V.

Чтобы оправдать мою точку зрѣнія относительно памяти, не признаваемую огромнымъ большинствомъ современныхъ психологовъ, нужно рассмотреть, существуетъ ли предполагаемое сохраненіе душевныхъ актовъ; можемъ ли мы что-нибудь знать о самомъ ихъ сохраненіи, и наконецъ, какъ возможно научное изслѣдованіе этого сохраненія. Научныя изслѣдованія относительно души уже съ изданія въ 1749 году „Observations on man“ Гертли ведутся съ двухъ точекъ зрѣнія — фізіологической и психологической. Установленная Спинозой и развитая Гертли гипотеза психофізическаго параллелизма въ настоящее время считается почти догмой: обойти ее молчаніемъ никоимъ образомъ нельзя. Итакъ прежде рассмотримъ, что знаетъ фізіологія о сохраненіи въ мозгу слѣдовъ или расположеній (размѣщеній молекулъ).

Все, что до сихъ поръ добыла въ этомъ отношеніи неврофізіологія, это слишкомъ недостаточно для построения научной теоріи. По моему мнѣнію, сама гипотеза Гертли не отвѣчаетъ строго научнымъ требованіемъ нашего времени. Дѣло въ томъ, что множество душевныхъ процессововъ, извѣстныхъ намъ на основаніи внутренняго опыта, не только не можетъ быть объяснено означенной гипотезой, но

даже противорѣчить ей. Для подтвержденія сказаннаго достаточно бросить даже бѣглый взглядъ на результаты неврофизиологіи, которые ученые фізіологи приводятъ въ связь съ гипотезой Гертли. Эти результаты, которые близко касаются душевной дѣятельности, можно свести въ слѣдующія группы: 1) добыты мускульныя сокращенія, т. е. рефлексы, появляющіеся послѣ раздраженія — кислотами, ущемленіемъ или электрическими токами извѣстныхъ частей мозга или же извѣстнаго нерва; 2) констатированы измѣненія въ отправленіяхъ железъ и въ другихъ органахъ послѣ перерѣзыванія ведущихъ къ этимъ органамъ нервовъ; 3) констатированы патологическія измѣненія въ извѣстныхъ частяхъ мозга, сопутствующія иногда (но не всегда) извѣстнымъ психическимъ разстройствомъ; 4) — измѣненія жизнедѣятельности у нѣкоторыхъ животныхъ при экстирпаціи опредѣленныхъ частей мозга. Больше намъ сказать не можетъ неврофизиологія объ отправленіяхъ нервовъ и мозговыхъ клѣтокъ и клѣточекъ. На основаніи этого матеріала фізіологи съ полнымъ правомъ предполагаютъ нервныя токи и процессы въ нервныхъ клѣткахъ. Спрашивается однако, какимъ образомъ при помощи этого скуднаго матеріала можно отыскать фізіологическій коррелятъ для билліоновъ душевныхъ процессовъ, которые можетъ различать непосредственно внутренней опытъ и психологическій анализъ? Какой фізіологическій коррелятъ можетъ указать неврофизиологія для процессовъ сужденія, для отношеній сходства, для единства и узости сознанія, для вниманія, для чувствованій, для свободы выбора — если даже не признавать свободы воли? Относительно этихъ душевныхъ процессовъ фізіологи и психофізики или отмалчиваются, или же прямо отвергаютъ эти факты внутренняго опыта, отождествляя ихъ съ идеями, ощущеніями и ихъ ассоціаціями. Вообще, всѣ такъ называемыя фізіологическія объясненія душевныхъ процессовъ сводятся къ одному и тому же неизвѣстному иксу (нервнымъ процессамъ), при чемъ не дѣлается никакого качественнаго

различія между этими нервн. процессами, хотя ихъ должно считать билліонами ¹⁾).

Правда, число мозговыхъ клѣтокъ человѣка опредѣляютъ сотнями милліоновъ, въ каждой клѣткѣ можно допустить существованіе особаго химическаго процесса; различій въ процессахъ клѣтокъ однако неврофізіологи еще не констатировали, да и не въ состояніи констатировать. По внѣшней структурѣ мозговыхъ клѣтокъ гистологи различаютъ не больше десяти типовъ; а по ихъ отправленіямъ и этихъ различій установить пока невозможно. Ученіе о такъ называемыхъ „психомоторныхъ центрахъ“, т. е. о частяхъ мозга, которыя, будучи раздраженными, вызываютъ рефлексъ въ извѣстныхъ мускулахъ, а равно и теорія „задерживательныхъ центровъ“ представляютъ слишкомъ скудный матеріаль, чтобы по немъ составить хоть приблизительную схему мозгового механизма. Экспериментаторъ видитъ только рефлексъ мускуловъ, а самые нервныя процессы мозговыхъ клѣтокъ при всѣхъ фізіологическихъ экспериментахъ остаются скрытыми: ни микроскопъ, ни химическіе реактивы не могутъ ихъ открыть экспериментатору; о нихъ только догадываются на основаніи получаемыхъ рефлексовъ, при чемъ пути предполагаемыхъ нервныхъ токовъ не могутъ быть прослѣжены до мельчайшихъ развѣтвленій нейрона ²⁾. До сихъ поръ не удалось открыть

1) Для примѣра читатель можетъ справиться съ „объясненіями“ самыхъ выдающихся психологовъ этого направленія: 1) W. James, op. cit. chap. XIII pag. 169, chap. XVI. pag. 214, chap. X. pag. 111. 2) W. W und t, Grundriss d. Psychol. § 15.

2) Новѣйшія гипотезы относ. амевидныхъ движеній нервныхъ отростковъ подвергъ критикѣ Докторъ Азулэ. Обнаруживая слабыя стороны новѣйшихъ механическихъ теорій, поясняющихъ явленія сознанія посредствомъ подвижности нервныхъ элементовъ, онъ находитъ ихъ неудовлетворительными. Отвергая теоріи и Rabl Rückardt'a, и Lepine'a, и M. Duval'a, онъ наконецъ останавливается на болѣе вѣроятной гипотезѣ Кахала (Cajal), основанной на подвижности клѣтокъ мозговой нейроглии, которая будто играетъ роль изолирующаго тѣла; но и противъ этой гипотезы онъ приводитъ вѣскія возраженія. См.: Azoulay, Psychologie histologique, въ L'Année psychologique 1895. t. II. pag. 267—293.

суть нервнаго процесса даже одной живой нервной клѣтки. Какимъ же образомъ можно будетъ сдѣлать это одновременно на миллиардѣ или хоть на тысячѣ, на сотнѣ клѣтокъ живого мозга, на клѣткахъ органически связанныхъ между собою? Если даже допустить такую возможность, то спрашивается, что могла бы доказать этимъ неврофизиологія? Тогда, въ лучшемъ случаѣ, она знала бы, какой именно нервный процессъ, (какое перемѣщеніе атомовъ или молекулъ) происходитъ въ опредѣленной клѣткѣ или нейронѣ подъ вліяніемъ извѣстныхъ физиологическихъ раздраженій; но это былъ бы не тотъ же самый процессъ, который происходитъ въ живомъ мозгу при взаимодействіи миллиардовъ нервныхъ клѣтокъ и нервныхъ токовъ, (при возбужденіи со стороны органовъ чувствъ, со стороны ассоціированныхъ идей, чувствованій, волевыхъ актовъ и т. д.). Далѣе, если допустить возможность и этого смѣлаго предположенія: то все таки неврофизиологія добыла бы только движенія атомовъ и молекулъ, но не ощущенія, идеи, сужденія, чувствованія, волевые акты и проч. Какимъ образомъ она могла бы провѣрить на расщепленномъ на тысячи частей мозгу неживого животнаго, какіе именно субъективные психическіе элементы (того же животнаго при его жизни) соответствовали констатированнымъ нервнымъ процессамъ мозговыхъ клѣтокъ у животнаго подвергнутаго эксперименту? Наконецъ, въ проблемѣ о памяти (съ точки зрѣнія физиологической гипотезы) нужно было бы констатировать состояніе опредѣленныхъ нервныхъ клѣтокъ живого мозга до появленія предполагаемаго физическаго слѣда или „расположенія“. Затѣмъ нужно было бы констатировать, въ чемъ состоитъ самъ этотъ „слѣдъ“ или „расположеніе молекулъ“; потомъ черезъ нѣсколько времени нужно было бы неоднократно констатировать на живомъ мозгу, въ чемъ состоитъ и въ какой степени продолжается это предполагаемое „расположеніе“? Допустить, что послѣ каждаго подобнаго эк-

сперимента тѣ же клѣтки остались бы нормально функционирующими, это такое заблужденіе, которому можетъ предаваться только тотъ, кто не имѣетъ даже смутнаго понятія о микроскопическихъ препаратахъ и наблюденіяхъ, равнымъ образомъ о строеніи и отправленіяхъ нервныхъ клѣтокъ и о невѣроятной сложности даже простѣйшихъ душевныхъ процессовъ.

Такимъ образомъ вышеозначенные психико-физики и всѣ неврофизіологи, которые опредѣляютъ и „объясняютъ“ память „слѣдами въ мозгу“ или же новѣйшимъ словомъ „Disposition“, въ сущности ровно ничего не опредѣляютъ и не объясняютъ. На мѣсто общеизвѣстнаго факта сохраненія душевныхъ актовъ они подставляютъ нѣчто совершенно неизвѣстное, которое никакъ нельзя доказать. Неврофизіологія не въ состояніи прослѣдить тѣ нервныя процессы, которые сопутствуютъ актамъ сознанія¹⁾.

Для рѣшенія частныхъ вопросовъ психологіи неврофизіологія и гистологія мозга мало даютъ намъ даже въ отношеніи происхожденія ощущеній; а относительно памяти и умственныхъ процесовъ они ровно ничего не могутъ намъ дать.

Все сказанное выше относительно неврофизіологіи должно насъ убѣдить, что эта наука безъ внутренняго самонаблюденія не только въ настоящее время, но и вообще никогда не будетъ въ состояніи сказать что-

1) Это сознавалъ и такой выдающійся естествоиспытатель и вмѣстѣ съ тѣмъ философъ, какъ Лотце. См: Н. Lotze, „Mikrokosmos“ I. III. Своими разсужденіями я ничуть не умаляю заслугъ неврофизіологіи. Эта наука, равно какъ и анатомія и гистологія мозга, безъ сомнѣнія, оказали нѣкоторыя услуги и психологіи: они раскрыли нѣкоторыя общія условія психической жизни; они доказали нѣкоторую связь между явленіями физическими и психическими, и въ этомъ отношеніи ихъ заслуги и для практической жизни весьма значительны. Они эмпирическимъ путемъ подтверждаютъ то, что Аристотель, не имѣвшій никакого понятія о микроскопѣ, химіи, ни даже о мозговыхъ клѣткахъ, училъ 22 слишкомъ столѣтія тому назадъ (т. е. что душевная жизнь находится въ зависимости отъ организма) (См. Aristoteles, De anima lib. II. cap. I).

нибудь положительное относительно сохраненія въ мозгу актовъ сознанія, т. е. памяти¹⁾.

Что же намъ остается дѣлать по нашему вопросу? По моему, слѣдуетъ оставить въ сторонѣ неврофизиологію и ея гипотезы и обратиться къ чисто психологическому методу самонаблюденія и анализа.

Итакъ спрашивается, можетъ ли самонаблюденіе установить фактъ сохраненія впечатлѣній и вообще актовъ сознанія? Уже выше мы ссылались на обиходный смыслъ слова „память“, какъ на сохраненіе актовъ сознанія. Слова „помнить, воспоминать и припоминать“ основаны тоже на всеобщемъ убѣжденіи, что наши бывшіе акты сознанія не исчезли безслѣдно, но что они могутъ повториться и притомъ могутъ быть нами узнаны, какъ таковыя наши собственные акты сознанія, имѣвшіе мѣсто въ нашемъ прошломъ. На это намъ могутъ возразить, что обиходное сознаніе или такъ называемый „здравый смыслъ“, „common sense“, хотя онъ былъ признанъ Ридомъ руководящимъ принципомъ его философіи, — можетъ сильно ошибаться, какъ это во многихъ случаяхъ, можетъ быть доказано²⁾. Такъ точно можетъ ошибаться обыкновенной „здравый смыслъ“ и относительно „памяти“, какъ сохраненія актовъ сознанія. Для доказательства противнаго не существуетъ иного способа, какъ и вообще для провѣрки любого психологическаго факта, кромѣ провѣрки его своимъ личнымъ опытомъ. Нашъ внутренній опытъ даетъ намъ самое непосредственное и при-

1) О значеніи внутренняго опыта для психологіи можно справиться:

1) Лопатинъ „Методъ самонаблюденія. . .“ *Вопр. филос.* 1902 (кн. 62).
 1) И. С. Проданъ, *Психологія внутр. опыта, какъ основа филос. наукъ*, Юрьевъ 1904.

2) Такъ напр., обиходное сознаніе римлянъ вмѣсто земного шара знало только земной кругъ (*orbis terrarum*). Обиходное сознаніе и теперь еще говоритъ о восходѣ и заходѣ солнца, предполагая кажущееся движеніе солнца. Эти два факта съ психологич. стороны вполне вѣрны: видимая часть земли намъ кажется кругомъ; а солнце кажется намъ движущимся по небу съ востока на западъ. Невѣрно только перевесеніе этихъ иллюзорныхъ воспріятій на предметы вѣшняго міра и ихъ толко-

томъ самое несомнѣнное убѣжденіе достовѣрности. Чтобы упростить нашъ вопросъ, мы ограничимся сознательной памятью, и притомъ въ самомъ простомъ, въ самомъ несложномъ ея проявленіи, каковой она обнаруживается уже у дитяти двухъ мѣсяцевъ и у животныхъ даже членчатыхъ¹⁾. Такое элементарное проявленіе памяти мы находимъ въ актахъ узнаванія. Для анализа подобнаго психическаго процесса возьмемъ примѣръ изъ обиходной жизни, и притомъ самый обычный. Предположимъ, вы ѣдете по желѣзной дорогѣ. На одной изъ узловыхъ станцій, гдѣ вы должны ожидать поѣзда, вы видите множество незнакомыхъ людей, по которымъ слегка скользятъ вашъ глазъ. Вдругъ на одномъ изъ нихъ останавливается вашъ взоръ: вы вглядываетесь, фізіономія вамъ кажется знакомой, очень знакомой... „Кто бы это былъ?“ Вы не можете припомнить; „Гдѣ я его видѣлъ?“ Отвѣта нѣтъ. — „Однако лицо это мнѣ очень знакомо“. Вы чувствуете непреодолимое желаніе припомнить, гдѣ вы его видѣли, кто бы это былъ. Однако всѣ усилія напрасны. Желаніе все это припомнить дѣлается неотвязчивымъ, иногда прямо мучительнымъ: но все напрасно. „Память“, повидимому, бездѣйствуетъ. Наконецъ вы садитесь

ваніе. То же мы дѣлаемъ не только при всѣхъ иллюзіяхъ, но и при воспріятіяхъ. Обыкновенное сознаніе приписываетъ наши субъективныя качества „вещамъ въ себѣ“, внѣшнему міру. То же дѣлаетъ и матеріализмъ, приписывающій воспріятія нашего мускульнаго чувства (непроницаемость и протяженность) мировому субстрату — матеріи. И тутъ ошибка состоитъ въ перенесеніи состояній субъекта на внѣшній, нечувственный міръ. Далѣе, обиходное сознаніе отождествляетъ духъ и душу (*animus* ψυχή) съ дуновеніемъ (греч. *ἀνεμος*, ψύχω): въ словахъ „духъ“, „душа“, „дышать“ всѣ корни находятся въ тѣсной связи съ глагольнымъ корнемъ „ду“ (ду—тъ); между тѣмъ это первобытное представленіе о духѣ, какъ о дуновеніи (ψυχή, πνεύμα), совсѣмъ не совпадаетъ ни съ философскимъ ни ни съ научнымъ. Въ этомъ случаѣ обиходный опытъ уловилъ причинную связь между дыханіемъ (дуновеніемъ) и жизнью животнаго: съ прекращеніемъ дыханія обыкновенно прекращается жизнь. Невѣрно въ этомъ случаѣ поспѣшное обобщеніе и возведеніе этого единаго условія животной жизни въ особую субстанцію, въ самостоятельное существо.

1) См. D a h l, Versuch. e. Darstellung d. psych. Vorgänge in d. Spinnen Vierteljahr. f. wiss. Philos. 1885, S. 173—174.

въ поѣздъ: впечатлѣнія быстро смѣняются одно за другимъ, вы проѣхали нѣсколько станцій, вы давно перестали думать о встрѣченномъ знакомомъ лицѣ. Вдругъ, неожиданно, безъ всякой связи съ текущими впечатлѣніями и мыслями, вамъ приходитъ на умъ: „Я его видѣлъ тамъ-то, когда я ѣхалъ изъ Кіева въ такомъ-то году. Онъ былъ тогда въ охотничьемъ костюмѣ“. Такъ завершился весь процессъ узнаванія. Въ немъ мы имѣли слѣдующія фазы развитія: 1) реальное впечатлѣніе отъ фізіономіи, узнанной на ст. В.; 2) чувство чего-то уже знакомаго: эта фізіономія казалась несомнѣнно знакомой; 3) желаніе и затѣмъ усиліе припомнить обстоятельства (мѣсто, время, личность . . .), связанные съ узнанной фізіономіей; 4) воспоминаемый давній образъ узнанной фізіономіи съ сопутствовавшими ему обстоятельствами. Изъ всѣхъ этихъ четырехъ фазъ узнаванія существенными были первыя двѣ. Спрашивается, что въ этомъ процессѣ заставляетъ насъ предполагать какое-то сохраненіе впечатлѣній? Быть можетъ, тѣ обстоятельства, которыя вы будто „припомнили“, это — идеи, которыя „случайно“ безъ всякой причинной связи, взбрели на умъ; можетъ быть, наше сознаніе, говоря сравненіемъ Платона¹⁾, въ самомъ дѣлѣ представляетъ собою голубятню, въ которую одни голуби (идеи) влетаютъ, а другіе вылетаютъ! Быть можетъ, это — простая „игра воображенія“! (Въ общежитіи предполагаютъ, что фантазія дѣйствуетъ внѣ всякой причинности). Нѣтъ, это не — бредъ, не — капризъ фантазіи, не — голубятня; ваше сознаніе говоритъ вамъ иное. Въ вашемъ сознаніи всплылъ, (хотя и значительно позже реального впечатлѣнія A_2 , т. е. видѣннаго на ст. В. г-на Н.), и давній поблекшій его образъ a_1 (г-нъ Н. тогда былъ въ охотничьемъ костюмѣ). Этотъ образъ a_1 вы относите къ своему прошлому, а именно къ вашей поѣздкѣ изъ Кіева, совершенной вами

1) См. Platonis, Theaetetus, cap. 36—37,

нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Говоря словами науки, этотъ образъ a_1 связанъ съ вашимъ A , которое не прекращалось до даннаго момента. Мало этого, вы имѣете убѣжденіе, что вы и раньше припомнили бы этотъ образъ a_1 (признали бы г-на Н. за знакомое лицо), еслибы раньше къ тому представился подобный же случай. Многія воспоминанія и воспроизведенія вообще находятся вполнѣ въ нашей власти — мы ихъ можемъ вызвать по нашей волѣ. Такъ какъ они связаны съ нашимъ A и во всякій моментъ могутъ быть воспроизведены; то мы увѣрены, что они существуютъ, но въ скрытомъ отъ сознанія состояніи, и что это ихъ пребываніе не можетъ находиться гдѣ-либо внѣ нашей души, внѣ субстрата нашего A . Они не — голуби, вылетѣвшіе изъ голубятни. На основаніи этихъ фактовъ и соображеній мы должны заключать, что воспоминаемая наши прежнія идеи сохранялись въ скрытомъ состояніи, какъ потенціи (*δυνάμεις*).

Прослѣдимъ дальше разобранный нами примѣръ. Воспроизведенный вами образъ a_1 въ вашемъ сознаніи сливается, т. е. отождествляется со свѣжимъ образомъ a_2 — два часа тому назадъ вами же видѣннымъ на ст. В. г-номъ Н. Этотъ процессъ отождествленія вы можете выразить разными словами: „эту фізіономію я видѣлъ — тамъ то и тогда-то“: или „это — тотъ самый г-нъ, котораго я видѣлъ раньше, тамъ то и тогда-то“. Въ этой формѣ сужденія слова „тотъ самый“ должны насъ убѣдить, что предметъ A , который логическимъ мышленіемъ разсматривается, какъ одинъ, для психологическаго анализа предполагаетъ по меньшей мѣрѣ два акта сознанія, а именно: идею a_2 , оставшуюся отъ недавняго впечатлѣнія A_2 и аналогичную ей, прежнюю идею a_1 (т. е. образъ г-на Н. въ охотничьемъ костюмѣ по пути изъ Кіева). Между этими двумя образами a_2 и a_1 устанавливается связь тождества (т. е. полное сходство въ существенныхъ элементахъ фізіономіи г-на Н.). Эта связь есть не что иное,

какъ сужденіе тождества, одного изъ самыхъ примитивныхъ сужденій обусловливающихъ всякое знаніе. Отождествленіе образовъ a_2 и a_1 обусловливаетъ ихъ сліяніе въ одно общее представленіе или понятіе A_1).

Но въ этомъ процессѣ узнаванія мы имѣемъ отождествленіе не только новой идеи a_2 съ давней a_1 . Воспроизводя образъ или идею a_1 (г-на Н. въ охотничьемъ костюмѣ), мы вмѣстѣ съ тѣмъ знаемъ, что когда-то (по пути изъ Кіева) мы видѣли этого г-на Н., т. е. мы тогда имѣли о немъ реальное воспріятіе A_1 . И это знаніе о давнемъ реальномъ воспріятіи A_1 сливается съ идеей a_1 . То же самое происходитъ относительно воспріятія A_2 и идеи a_2 . То же самое нужно сказать и относ. всѣхъ сопутствовавшихъ этимъ впечатлѣніямъ A_1 и A_2 обстоятельствъ, которыя припоминаются — мѣсто, время, отнесеніе г-на Н. къ опредѣленному разряду людей . . . и. т. п. Тутъ мы имѣемъ цѣлый рядъ сліяній, отождествленій, сужденій тождества, апперцепцій и проекцій во внѣшній міръ, которыя иногда совершаются почти безсознательно. Сверхъ этихъ процессовъ, мы тутъ имѣли еще и усилія припомнить разныя обстоятельства, сопутствовавшія узнаванію и воспроизведенному образу a_1 — т. е. мы имѣли тутъ и акты воли.

Итакъ психологическій анализъ подобнаго процесса узнаванія долженъ убѣдить насъ, что этотъ процессъ никоимъ образомъ не можетъ быть объясненъ одними ассоціаціями²⁾.

1) Это сліяніе обыкновенно происходитъ такъ быстро, что и психологи иногда его не замѣчаютъ. Равнымъ образомъ и увѣренность, что этимъ образамъ a_2 и a_1 соотвѣтствуетъ реальный предметъ внѣшняго міра — живой человѣкъ Н. — сознается чрезвычайно рѣдко, какъ отдѣльный актъ всего сложнаго процесса.

2) О процессѣ воспоминанія G. K. Uphues написалъ цѣлую монографію, которая не отличается ни полнотой психологическихъ анализовъ, ни ясностью изложенія. Въ ней авторъ въ концѣ резюмируетъ свои анализы слѣдующими словами: „Происхожденіе процесса воспоминанія нужно себѣ представить такимъ образомъ. Сперва въ насъ появляется воспоминаемое представленіе (Erinnerungsvorstellung); затѣмъ имъ-то вызывается п р е д с т а в -

Въ приведенномъ примѣрѣ я описалъ процессъ полнаго узнаванія и притомъ нѣсколько затрудненнаго за давностью и неповторяемостью первичнаго сознательнаго акта a_1 . Но такое полное узнаваніе съ отнесеніемъ вторичнаго впечатлѣнія A_2 или идеи a_2 къ своему опредѣленному прошлому („съ локализацией его во времени и пространствѣ“ т. е. съ отнесеніемъ его къ сопутствовавшимъ ему постороннимъ обстоятельствамъ) далеко не всегда бываетъ въ нашей сознательной жизни¹⁾. Иногда узнаваніе ограничивается только второй фазой, а именно, еслибъ вы въ данномъ случаѣ, при видѣ г-на Н. на ст. В., ничего не припомнили, а только имѣли сознание, что эта фізіономія вамъ знакома. Этотъ сознательный актъ, вы можете выразить словами: „эту фізіономію я уже видѣлъ когда-то прежде“. Предположимъ, что этого прежняго образа a_1 вы никакими усиліями не можете вызвать въ вашемъ сознаніи. Вы имѣете только непосредственное впечатлѣніе A_2 и чувство „знакомости“. (Гефдингъ называетъ его: „Bekanntheitsqualität“²⁾). Иногда это чувство „знакомости“ вслѣдствіе какого-нибудь характернаго признака въ васъ возрастаетъ до полнаго убѣжденія, что именно это самое лицо вы видѣли. Спрашивается, возможно ли было бы подобное убѣжденіе, если бы отъ прежняго тождественнаго впечатлѣнія a_1 не осталось никакого слѣда? Уже само слово „знакомый“

леніе прежняго воспріятія предмета, соотвѣтственнаго воспоминаемому представленію. Съ этимъ представленіемъ соединяется непосредственно мнѣніе или убѣжденіе, что предметъ существовалъ или же обладалъ опредѣленными качествами.“ См. G. K. U p h u e s , Ueber die Erinnerung, Leipzig 1889, S. 98. Разобранный мною примѣръ узнаванія показываетъ: 1) что воспоминаніе можетъ быть вызвано и р е а л ь н ы м ъ впечатлѣніемъ; 2) что убѣжденіе о с у щ е с т в о в а н і и предмета, какъ сознательный актъ, можетъ и отсутствовать: оно подразумевается въ словѣ, воспріятіе; 3) анализъ U r h u e s ' a далеко не полонъ.

1) Это извѣстно и изъ самонаблюденія и недавно подтверждено опытами и изслѣдованіями Вашида. Ср. N. V a s c h i d e „Sur la localisation des souvenirs“. L'Année psychologique 1897. VIII. pag. 224, 206 и 207.

2) Ср. H ö f f d i n g Psychologie V. B. et loco cit.

обозначаетъ, что вы это или подобное впечатлѣніе имѣли: вы тутъ имѣете *implicite* сужденіе сходства или тождества; а о тождествѣ или о сходствѣ, основанномъ на сравненіи, можетъ быть рѣчь только тогда, когда даны по меньшей мѣрѣ два сравниваемыхъ впечатлѣнія¹⁾. Стало-быть, и въ послѣднемъ случаѣ, при непосредственномъ узнаваніи, по необходимости, нужно предполагать, что отъ прежняго первичнаго впечатлѣнія a_1 , что-нибудь осталось въ нашей душѣ, благодаря чему возможно сужденіе: „это лицо (A_2) я уже видѣлъ“ или „это лицо — то же самое, которое я когда-то прежде уже видѣлъ“²⁾.

Это узнаваніе, т. е. отождествленіе узнаннаго впечатлѣнія со „слѣдомъ аналогичнаго прежняго впечатлѣнія“, или его идеей, сопровождается пріятнымъ чувствованіемъ, что на дитяти до года рельефно обнаруживается на его лицѣ; порой и у взрослыхъ оно сопровождается замѣтнымъ пріятнымъ чувствованіемъ. Поэтому я различаю актъ отождествленія т. е. узнаванія, который можетъ быть и безсознательнымъ, отъ сопутствующаго ему чувствованія „знакомости“, которое всегда бываетъ сознательнымъ. Гефдингъ весь этотъ процессъ называетъ однимъ общимъ именемъ „*Bekanntheitsqualität*“ (качествомъ знакомости). Леманъ и Вундтъ въ своей полемикѣ поправляютъ Гефдинга, называя это „качество знакомости“ чувствованіемъ; но и они не отличаютъ самого чувствованія знакомости отъ обуслов-

1) Съ этимъ сознательнымъ чувствомъ или сужденіемъ сходства и тождества не должно смѣшивать репродукцію или ассоціацію по сходству, при которой воспроизводится схожій психическій актъ прежде, чѣмъ это сходство сознается. (Обыкновенно же при этомъ воспроизведеніи по сходству само сходство вовсе не сознается). Ср. A. Binet, *L'année psych.* 1897, pag. 459.

2) Въ этихъ случаяхъ, по всему вѣроятію, воспоминаемый прежній образъ a_1 такъ слабъ, что онъ совершенно незамѣтенъ при сравнительно сильномъ непосредственномъ впечатлѣніи A_2 ; или же онъ вслѣдствіе узости сознанія, занятого многими посторонними идеями и впечатлѣніями, не можетъ возвыситься до полной сознательности. (См.: посл. гл. наст. оч.)

ливающаго его познавательнаго процесса, т. е. сужденія тожества, — вѣроятно потому, что эти сужденія часто остаются незамѣченными или прямо безсознательными. По моему, нужно различать „чувствованіе знакомости“, какъ слѣдствіе, отъ сужденія тожества, какъ его причины.

Итакъ изъ анализа процессовъ узнаванія мы убѣждаемся, что не только полное узнаваніе (съ сопровождающими узнанное обстоятельствами), но и непосредственное („неполное“) узнаваніе обусловлено сужденіями тожества узнаннаго съ какимъ-то соотвѣтственнымъ ему первообразомъ, идеей или „слѣдомъ“ соотвѣтственнаго первичнаго впечатлѣнія. Но такъ какъ это первичное впечатлѣніе отстоитъ по времени иногда на десятки лѣтъ отъ узнаннаго впечатлѣнія, то мы, по необходимости, должны предполагать, что если не само первичное впечатлѣніе, то нѣчто, оставшееся отъ него, сохранялось въ нашей душѣ, благодаря чему черезъ много лѣтъ сдѣлалось возможнымъ его воспроизведеніе, (если не полное, то хоть частичное), и отождествленіе съ аналогичнымъ новымъ впечатлѣніемъ. Такимъ образомъ, наше самонаблюденіе убѣждаетъ насъ несомнѣнно въ сохраненіи въ безсознательномъ видѣ душевныхъ актовъ, которые мы впослѣдствіи узнали¹⁾.

Однако далеко не всѣ воспроизведенія сопровождаются процессами узнаванія, т. е. сужденіями тожества и чувствованіемъ знакомости. Во снѣ образы фантазіи насъ иногда поражаютъ своей необычностью и новизной. Эта „новизна“ остается такой же и въ бодрственомъ состояніи, когда

1) Этотъ фактъ былъ отмѣченъ еще Локкомъ. Сравни его „An Essay conc. hum. underst. I. IV, § 20. II. X, § 7 и II. XXVII, § 9—10. Впрочемъ, Блаж. Августинъ за 13 вѣковъ до этого отлично уразумѣлъ вопросъ о памяти; это явствуетъ въ особенности изъ его *Confessiones. lib. XI*. Недавній споръ объ узнаваніи, который долго вели Гефдингъ и Леманъ, былъ бы гораздо короче, если бы они были знакомы съ психол. наблюденіями и анализами этого замѣчательнѣйшаго психолога изъ отцовъ церкви.

мы припоминаемъ сновидѣніе. Однако эти воспроизведенія обычной терминологіей приписываются „фантазіи“, а не памяти: поэтому мы ихъ оставимъ, какъ не входящія въ нашъ вопросъ. Но существуетъ множество воспроизведеній бодрственнаго сознанія, которыя тоже не сопровождаются процессами узнаванія, хотя они приписываются памяти. Къ нимъ принадлежатъ наши твердо усвоенныя знанія. Такъ напр., никто не скажетъ: „я вспомнилъ, что $2 \times 2 = 4$ “; никто изъ взрослыхъ при воспроизведеніи этой истины не вспоминаетъ обстоятельствъ прошлой жизни, при которыхъ онъ впервые приобрѣлъ это свое познаніе, ни другихъ моментовъ жизни, когда онъ ихъ воспроизводилъ. Мало этого, подобное воспроизведеніе даже не сопровождается чувствомъ знакомости¹⁾. Такъ же точно никто не скажетъ относительно своего родного языка: „я вспомнилъ, что этотъ предметъ называется столъ, стаканъ, ложка, ножъ . . .“ или „я вспомнилъ что эта буква — *а, б, в.* . . .“ Но относительно вновь изучаемаго иностраннаго языка подобныя фразы исполнѣ возможны. При видѣ очень знакомыхъ лицъ, съ которыми мы живемъ вмѣстѣ, мы не говоримъ: „я вспомнилъ, что видимая мною фигура — мой отецъ, моя мать, моя жена. . .“ Въ этихъ случаяхъ мы говоримъ прямо: „я вижу отца, мать, жену²⁾. . .“ Но относительно мало зна-

1) Этотъ фактъ отмѣтилъ Вундтъ въ своемъ 3. изданіи „Очерка психологіи“. См. Wundt Grundriss der Psychologie 3. Aufl. § 16. S. 285. „Das den Erkennungs- und Wiedererkennungsvorgängen eigentümliche Gefühl verschwindet schliesslich ganz“. Это чувство относ. упомянутаго примѣра могло бы снова появиться при крайне исключительныхъ обстоятельствахъ. Еслибы мы долго жили въ чужой странѣ, въ которой долго не слышали бы родной рѣчи, и вдругъ послышалась бы эта фраза на родномъ языкѣ среди иноплеменной толпы: то мы имѣли бы чувство знакомости, но это чувство было бы вызвано не ариѳметической истиной, а родными словами. Нѣчто подобное могло бы случиться послѣ продолжительнаго обморока или наркоза.

2) Это различіе ощущенія, обусловленнаго органомъ зрѣнія, отъ его апперцепціи, обусловленной прошедшимъ опытомъ субъекта, отмѣтилъ еще Аристотель, называя послѣднюю *αἰσθησις κατὰ συμβεβηκός*. См.: Aristoteles, De An. III. I,

комыхъ лицъ мы говоримъ: „я припомнилъ, что это — такой-то господинъ“. Равнымъ образомъ относительно слышимаго голоса очень знакомыхъ лицъ мы не скажемъ: „я припомнилъ, что это — голосъ моей жены, моего отца“. Въ подобныхъ случаяхъ мы говоримъ: „я слышу голосъ жены, отца“. Познанія очень обычныя воспроизводятся легко, иногда полусознательно, безъ чувства знакомости. Такъ напр., никто изъ взрослыхъ не скажетъ: „я вспомнилъ, что огонь жжетъ, что ледъ холоденъ, что свинецъ тяжелъ, что ртуть жидка“¹⁾. Но относительно фактовъ менѣе обычныхъ бываетъ припоминаніе. Такъ напр. можно сказать: „Я вспомнилъ, что въ Якутскѣ ртуть замерзаетъ“. Итакъ очень обычные факты познанія мы не припоминаемъ, но воспроизводимъ ихъ безъ процессовъ узнаванія, отождествленія, чувства знакомости; мы воспроизводимъ ихъ помимо нашей воли и даже противъ нашей воли²⁾. Однако первоначальное приобрѣтеніе подобныхъ фактовъ сопровождается указанными выше процессами, какъ это достаточно извѣстно изъ нашего внутренняго опыта³⁾. Все это, какъ мы видѣли выше, было бы невозможнымъ безъ сохраненія приобрѣтаемыхъ нами познаній и впечатлѣній.

Приведенные факты, какъ и миллионы другихъ, подтверждаютъ тотъ несомнѣнный законъ душевной жизни, что

1) Спенсеръ приводитъ много другихъ примѣровъ. См.: Н. Spenser, *Princ. of Psychol.* II. § 201.

2) Воспроизведеніе не тождественно съ припоминаніемъ и воспоминаніемъ: не всякое воспроизведеніе признается нами за воспоминаніе или припоминаніе; но всякое воспоминаніе или припоминаніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и воспроизведеніе. Последнее представляетъ собою родовое понятіе по отношенію къ первымъ двумъ. Разница между воспоминаніемъ и припоминаніемъ состоитъ въ томъ, что последнее слово обозначаетъ весь сложный психическій процессъ воспроизведенія; а слово „воспоминаніе“ обозначаетъ конечный результатъ или продуктъ этого сложнаго процесса.

3) Впрочемъ, и очень обычные познавательные процессы, если мы на нихъ сосредоточимся, признаются нами за наши познанія, обусловленные нашимъ прежнимъ опытомъ.

вслѣдствіе повторенія обычныя сознательныя процессы со временемъ совершаются полусознательно или даже безсознательно: чувство знакомости съ теченіемъ времени пропадаетъ при воспроизведеніяхъ, но отъ этого не подвергается сомнѣнію самъ фактъ сохраненія. Наоборотъ, исчезновеніе чувства знакомости свидѣтельствуетъ о болѣе прочномъ сохраненіи извѣстнаго факта.

VI.

Сохраненіе нашихъ впечатлѣній и познаній нужно признать за фактъ. Однако этимъ не устранены затрудненія относительно самаго способа сохраненія. Тутъ являются вопросы — гдѣ происходитъ это сохраненіе, и что собственно сохраняется? Въ этомъ отношеніи затрудненія весьма велики какъ для фізіологической гипотезы (психо-фізическаго параллелизма), такъ и для спиритуалистическихъ. Дѣло въ томъ, что всякое впечатлѣніе есть перемѣна на сознанія, процессъ, явленіе. А всякая перемѣла, процессъ, явленіе предполагають нѣчто являемое, осуществляемое, измѣняемое. Въ самомъ являемомъ мы предполагаемъ нѣчто устойчивое, субстанцію; безъ этого предположенія немислимо никакое познаніе ¹⁾.

1) Даже самое конкретное, самое частное познаніе единичнаго предмета природы, основывается на нашемъ убѣжденіи, что этотъ предметъ въ промежутокъ отъ послѣдняго его воспріятія до слѣдующаго повтореннаго новаго остался тѣмъ же — по крайней мѣрѣ въ существенныхъ его свойствахъ. Безъ этого предположенія, которое безсознательно раздѣляется всѣми (не исключая и отвергающихъ метафизику) невозможно было бы никакое познаніе — ни природы, ни человѣка. Кантъ, хотя и утверждаетъ, что трансцендентный міръ непознаваемъ, и категорію субстанціи считаетъ субъективной формой разсудка, все же признаетъ существованіе, этого „непознаваемаго“ міра, все же сообщаетъ кое-что и о немъ. Его „вещи въ себѣ“ и „аффицирующіе предметы“ составляющіе „трансцендентный міръ“, это — въ сущности, тѣ же субстанціи прежней метафизики, которыя и Локкъ не отвергалъ, хотя и считаетъ идеи о нихъ неясными. (J. Locke, An Essay . . . II. B. XXIII. chap.)

Подробнѣе я изложилъ свои взгляды на гносеологію Канта въ своей работѣ „Психологія внутр. опыта . . .“ Юрьевъ 1904, стр. 51—72.

Обратимся сперва къ гипотезѣ психо-физическаго параллелизма. Какую устойчивую субстанцію она предполагаетъ въ носителяхъ (субстратахъ) душевныхъ явленій? По мнѣнію этой гипотезы, каждому психическому акту или явленію, разсмотрѣнному съ внутренней, субъективной стороны, соотвѣтствуетъ со стороны объективной нервный процессъ въ мозговой клѣткѣ (нейронѣ) или же въ цѣлой системѣ мозговыхъ клѣтокъ (нейроновъ). Такой нервный процессъ оставляетъ въ мозговыхъ клѣткахъ извѣстное молекулярное размѣщеніе (Disposition), благодаря которому при благопріятныхъ условіяхъ устанавливается такой же нервный процессъ, какъ и первый разъ, т. е. тогда воспроизводится соотвѣтственный психическій актъ; а въ этомъ воспроизведеніи, по мнѣнію феноменистовъ, будто и состоитъ память. Такого же взгляда довольно долго держался и Вундтъ. Въ своей статьѣ по вопросу о локализациі мозговыхъ отправленій Вундтъ, полемизируя съ физиологомъ Мункомъ, настаиваетъ на томъ, будто воспроизведеніе (память) обуславливается функционированіемъ тѣхъ же мозговыхъ клѣтокъ, которыя функционируютъ при соотвѣтственномъ реальномъ впечатлѣніи¹⁾. Это мнѣніе опровергается вышеприведеннымъ анализомъ узнаванія. При этомъ мы имѣли: и узнанное реальное впечатлѣніе A_2 и соотвѣтственную воспроизведенную идею a_2 , которыя мы отождествляли съ аналогичной первичной идеей a_1 . Слѣдовательно по гипотезѣ психофизическаго параллелизма нужно для cadaго изъ этихъ психическихъ актовъ предположить особые субстраты, т. е. особыя системы мозговыхъ клѣтокъ и нейроновъ. Даже при непосредственномъ узнаваніи — т. е., если данное впечатлѣніе A_2 признается мною за знакомое (при неполномъ воспроизведеніи идеи a_1) нужно предположить особый субстратъ для впечатлѣнія A_2 и особый для первич-

1) W u n d t, Philosophische Studien V. Bd. Zur Lokalisation der Gehirnfunktionen, S. 4 ff.

наго впечатлѣнія A_1 ; сверхъ того — особый для чувства знакомости и особый для первичной идеи a_1 . Одно воспроизведеніе одного и того же факта еще не представляет собою явленія памяти. Повторяемое паденіе капель дождя, повторяемые удары маятника, повторяемые всплески волнь, повторяемые отзвуки громового удара не представляют собою памяти¹⁾; равнымъ образомъ — и постоянное повтореніе тѣхъ же бредовыхъ словъ (идей) у сумашедшаго, про котораго мы говоримъ, что онъ находится въ безпамятствѣ. Все это не представляетъ намъ явленій памяти. Въ этихъ повторяемыхъ явленіяхъ отсутствуетъ связь, устанавливаемая познающимъ субъектомъ; — отсутствуетъ узнаваніе и признаваніе ихъ за тождественныя, и притомъ, за свои идеи. Эти факты игнорируетъ гипотеза психо-физич. параллелизма: она не въ состояніи ихъ объяснить. Психологическія самонаблюденія и анализы убѣждаютъ насъ, что образы памяти не тождественны съ первичными впечатлѣніями, хотя они имѣютъ съ ними общее содержаніе, хотя порою (при исключительныхъ случаяхъ) могутъ воспроизводиться и послѣднія; однако это происходитъ обыкновенно безъ проецированія ихъ въ пространство²⁾.

Затрудненія вышеозначенной гипотезы становятся непреодолимыми въ вопросѣ о тождествѣ личности и самосознаніи, съ которыми тѣсно связанъ вопросъ о воспроизведеніи; а послѣднее, какъ было показано выше, феноменисты считаютъ существеннымъ признакомъ памяти. При этомъ однако опускается изъ виду, что каждый воспроизведенный психическій актъ воспринимается мною не только, какъ та-

1) На это обстоятельство обратилъ свое вниманіе В. Джемсъ; но все же онъ придерживается фізіологическихъ гипотезъ, не давая этимъ фактамъ памяти соответственныхъ объясненій. См.: W. James, Text Book of Psychology, chap. XVIII.

2) Проф. Кандинскій называетъ такое воспроизведеніе реальныхъ чувственныхъ впечатлѣній „псевдогаллюцинаціями“. (См. Кандинскій, О псевдогаллюцинаціяхъ, СПб. 1890, стр. 25—26 и 38—40.)

ковой, отличающейся качественно отъ всѣхъ другихъ, но и какъ мой душевный актъ ¹⁾. Правда, при очень отвлеченныхъ умственныхъ операціяхъ (напр. при рѣшеніи математической или шахматной задачи) я могу на время отвлечься отъ своего „Я“; но черезъ нѣсколько минутъ я все же сознаю, что это Я рѣшилъ задачу, что я имѣлъ дѣло со своими душевными процессами. Спрашивается, гдѣ находилось мое „Я“ во время рѣшенія математической задачи и какъ оно вернулось послѣ ея рѣшенія? (Такіе примѣры самозабвенія и возвращенія своего „Я“ въ молодые годы не — рѣдкость). Допустить, что каждый нервный процессъ уже самъ по себѣ заключаетъ въ себѣ признакъ самосознанія, никоимъ образомъ нельзя. Уже самъ примѣръ, приведенный выше, говоритъ противъ такого предположенія. Факты бессознательныхъ процессовъ установлены въ разныхъ областяхъ душевной дѣятельности. Такъ напр., аккомодация, конвергенція глазъ, сліяніе при зрѣніи въ одно воспріятіе двухъ изображеній на сѣтчаткахъ всегда совершаются бессознательно; наконецъ, и сложныя умственныя операціи весьма часто совершаются бессознательно ²⁾. Допустить предположеніе, какъ это дѣлается нѣкоторыми фізіологами,

1) На это указалъ еще Кантъ въ своей Дедукціи чистыхъ понятій разсудка. Самосознаніе имъ обозначено терминомъ „трансцендентальной апперцепціи“, которая между прочимъ объединяетъ и устанавливаетъ связь между разнообразными впечатлѣніями, доставляемыми чувственностью. Хотя Кантъ этотъ вопросъ не вполне уяснилъ себѣ; но все же онъ угадалъ значеніе нашего „Я“ при устанавливаніи тождествъ, слѣдовательно и всякаго нашего познанія. (См.: Kant, Kritik d. r. V. I. Ausg. S. 107—108 и 116—118; въ переводѣ Н. М. Соколова, СПб. 1902, стр. 605—607 и 611—614.)

Значеніе самосознанія въ каждомъ познаніи было отмѣчено и до Канта. Афоризмъ Декарта „cogito, ergo sum“ подтверждаетъ это. Впрочемъ, до Декарта, за 12 вѣковъ, этотъ вопросъ вполне ясно уразумѣлъ Бл. Августинъ. (Объ этомъ я подробнѣе изложилъ въ своей статьѣ „Психологія внутреннего опыта...“ Юрьевъ 1904, стр. 26—32, 33—35 и 65).

2) Бессознательные душевные процессы исключаетъ изъ области научныхъ изслѣдованій только проф. Brentano; но совершенно неосновательно: его возраженія касаются только злоупотребленій бессознательными процессами при разныхъ объясненіяхъ. См. F. Brentano, Psychologie I. S. 76—77 и 131—179.

что сознательные процессы соотвѣтствуютъ болѣе сильнымъ физиологическимъ процессамъ въ мозговыхъ клѣткахъ, не выдерживаетъ критики: сознательность, наличность нашего „Я“ прибавляетъ къ каждому психич. процессу особый качественный признакъ, не объяснимый усиленіемъ количественнымъ: Этотъ признакъ — одинъ и тотъ же при всѣхъ душевныхъ процессахъ, которые нужно считать билліонами. Слѣдовательно, сознательность не присуща всѣмъ нервнымъ процессамъ, какъ таковымъ: нѣкоторые нервные процессы (напр. рефлексъ, автоматическія дѣйствія, импульсивныя движенія Преяера и другіе) не обусловлены или не сопровождаются соотвѣтственными сознательными актами. Такимъ образомъ оказывается, что сознательность составляетъ особый качественный признакъ, коррелятъ которому не отысканъ ни невро-физиологіей, ни гистологіей мозга. Какъ я доказывалъ въ предыдущей главѣ, это и не осуществимо.

Затрудненія гипотезы психофизическаго параллелизма становятся еще больше, если принять во вниманіе чрезвычайную сложность психическихъ процессовъ. На это физиологи совсѣмъ не обращаютъ вниманія. Между тѣмъ психическая жизнь чрезвычайно разнообразна и сложна не только у взрослога культурнаго человѣка, но даже у дикаря и ребенка. Каждую секунду мѣняется содержаніе нашего сознанія, и хотя одновременно мы замѣчаемъ сравнительно небольшое число сознательныхъ актовъ (или ихъ составныхъ частей), но зато область безсознательнаго чрезвычайно велика. Впрочемъ, и каждый отдѣльный сознательный процессъ, взятый порознь, представляетъ собою чрезвычайную сложность, о которой обыкновенно и не догадываются. А разъ окажется, что въ составъ даже одного душевнаго процесса входитъ чрезвычайное множество элементовъ (которое можно установить интроспективнымъ психологическимъ анализомъ), то гипотеза психофизическаго параллелизма должна для каждаго подобнаго элемента, входящаго въ составъ анали-

зируемаго процесса, предполагать особый субстратъ, по мнѣнію фізіологовъ, — особый нейронъ. Мало этого, такъ какъ различныя комбинаціи этихъ элементовъ могутъ сохраняться даже на всю жизнь; то означенная гипотеза должна предполагать и для всѣхъ возможныхъ комбинацій особая системы нейроновъ. Такимъ образомъ легко можетъ оказаться, что не хватитъ содержимыхъ въ самомъ большомъ человѣческомъ мозгу нейроновъ даже для нужныхъ элементовъ, а тѣмъ болѣе ихъ не хватитъ для всѣхъ возможныхъ комбинацій, число которыхъ не исчерпывается даже возвышеніемъ въ кубъ числа элементовъ. Сдѣлать даже приблизительный подсчетъ всему содержанію психической жизни одного человѣка нѣтъ возможности. Но я попытаюсь сдѣлать психологическій анализъ простѣйшаго зрительнаго воспріятія, каковое доступно и дитяти и даже животнымъ высшей организациі: быть можетъ онъ намъ дастъ хоть приблизительное понятіе о сложности даже простѣйшихъ познавательныхъ процессовъ. Для примѣра я возьму зрительное воспріятіе горизонтальной площади моего письменнаго стола — прямоугольника, имѣющаго 120×85 сантиметровъ. Для того, чтобы имѣть воспріятіе сплошной поверхности, я долженъ воспринять всѣ видимыя минимальныя точки¹⁾. Если такихъ минимальныхъ точекъ я могу воспринять раздѣльно по 5-и на одномъ миллиметрѣ, то удвоенное ихъ число 10 дастъ мнѣ уже сплошную линію. Слѣдовательно, на 1 квадратный миллиметръ придется такихъ миним. точекъ сто; а на квад. сантиметръ 100×100 , т. е. 10.000 точекъ. На всю же поверхность прямоугольника, равную 10.200 квад. сантим. придется такихъ то-

1) Математическія точки, не имѣющія протяженія, это — фикціи для упрощенія математическихъ разсужденій; этимъ фикціямъ въ дѣйствительности нѣтъ коррелята, въ дѣйствительности онѣ не существуютъ. Такія же фикціи и линія, не имѣющая ширины, и рычагъ, не имѣющій вѣса, и ирраціональныя числа, и абсолютное пространство, и безконечная дѣлимость линіи, и другія.

чекъ 102.000.000. Но это число еще не представляет совокупности всѣхъ чувствительныхъ элементовъ, принимающихъ участіе въ моемъ зрительномъ впечатлѣніи. Минимальная сѣрая точка рамы и зеленая точка сукна не представляютъ собою простѣйшаго элемента зрѣнія. Сѣрый цвѣтъ, какъ извѣстно, получается отъ смѣшенія нѣсколькихъ цвѣтовъ (цвѣтныхъ точекъ), напр. бѣлыхъ и черныхъ; а зеленая точка представляетъ собою сочетаніе желтыхъ и голубыхъ точекъ; голубыя же точки состоятъ изъ синихъ и бѣлыхъ; а бѣлыя въ свою очередь состоятъ тоже изъ смѣси точекъ дополнительныхъ цвѣтовъ. Слѣдовательно, каждая минимальная сѣрая или зеленая точка, видимая невооруженнымъ глазомъ, при сильномъ увеличеніи (при помощи оптическихъ стеколъ) можетъ быть разложена на множество простѣйшихъ, элементарныхъ точекъ, дѣйствующихъ на нашу сѣтчатку и производящихъ воспріятіе составной цвѣтной точки, видимой невооруженнымъ глазомъ. Если таковая зеленая точка разложима на ея составные элементы при увеличеніи ея въ 10 разъ въ длину (на самомъ дѣлѣ, нужно увеличеніе гораздо бѣльшее); то она получается отъ дѣйствія по крайней мѣрѣ ста простѣйшихъ элементарныхъ цвѣтовыхъ лучей, воспринимаемыхъ чувствительными элементами сѣтчатки и передаваемыхъ по нервнымъ волокнамъ соотвѣтственнымъ мозговымъ клѣткамъ. Такимъ образомъ число чувствительныхъ элементовъ зрительнаго органа и „центровъ сознанія“, занятыхъ при моемъ воспріятіи означенной площади стола, нужно помножить еще на сто. Отъ этого получится число 10.200.000.000, т. е. по меньшей мѣрѣ десять миллиардовъ и 200 миллионъ чувствительныхъ элементовъ должны быть заняты при зрительномъ впечатлѣніи, получаемомъ отъ всей площади моего стола.

Но и это число еще не представляетъ собою суммы чувствительныхъ элементовъ воспріятія площади стола. Я еще оставилъ не разсмотрѣнными множество производныхъ

факторовъ, которые присоединяются къ первичнымъ зрительнымъ. А именно: я вижу и контуръ площади, и жилки и сучки орѣховаго дерева, и форму чернильныхъ пятенъ на сукнѣ, я вижу столъ внѣ себя, какъ внѣшній предметъ, т. е. „я его проецирую въ пространство“. Далѣе, я вижу доску стола обращенной въ глубину, я представляю себѣ видимую площадь плотной и твердой, т. е. я представляю себѣ, что каждая видимая точка при прикосновеніи способна производить извѣстное сопротивленіе, т. е. мускульно-осязательное ощущеніе твердости, сопротивленія, гладкости и т. п. Но этимъ еще не исчерпанъ весь процессъ. Зрительное впечатлѣніе стола вызываетъ во мнѣ зрительные и мускульно-осязательные образы прежнихъ впечатлѣній отъ того же стола и подобныхъ ему. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ процессовъ мое непосредственное зрительное впечатлѣніе превращается въ „воспріятіе“, т. е. „оно апперципируется“. Для опредѣленія всѣхъ чувствительныхъ элементовъ, входящихъ въ весь этотъ апперципированный процессъ, и приблизительный подсчетъ затруднителемъ. Но если всѣ эти апперцепціонные процессы только въ десять разъ увеличатъ число чувствительныхъ элементовъ, функционирующихъ при непосредственномъ зрительномъ впечатлѣніи; то и въ такомъ случаѣ мы получимъ 102.000.000.000, т. е. сто два миллиарда чувствительныхъ элементовъ, которые принимаютъ участіе при моемъ апперципированномъ воспріятіи верхней доски моего письменнаго стола.

Прослѣдимъ этотъ процессъ на дальнѣйшей стадіи психическаго развитія. Зрительное впечатлѣніе моего стола запоминается. Если я его испытывалъ довольно часто, то я и черезъ десятки лѣтъ узнаю свой столъ, потому, что я его запомнилъ. По мнѣнію неврофізіологовъ, приведенному выше, узнаваніе и воспроизведеніе производится тѣми же мозговыми клѣтками, которыя функционировали и при непосредственномъ впечатлѣніи. (На самомъ дѣлѣ, какъ мы

видѣли при анализѣ узнаванія, для этого необходимо присутствіе въ сознаниі не только узнаннаго предмета, но сверхъ того еще и идей, сохраненныхъ въ душѣ отъ первичнаго тожественнаго впечатлѣнія, т. е., по мнѣнію физиологовъ — функционированіе соответственныхъ мозговыхъ клѣтокъ). Если-бы это ошибочное мнѣніе, отъ котораго впоследствии отказался Вундтъ, (Wundt, Grundr. d. Psych. § 16.), даже было вѣрно, то и въ такомъ случаѣ нужно предполагать для воспроизведеннаго моего воспріятія столько же чувствительныхъ элементовъ, сколько дѣйствовало при его первичномъ образованіи, т. е. 102 миллиарда. Слѣдовательно, и столько же субстратовъ памяти должно предположить для сохраненія только одного зрительнаго воспріятія! Однако подобныхъ зрительныхъ воспріятій я могу запомнить не сотнями и тысячами, а гораздо больше. Вся подвижность одной семьи, при квартирѣ въ пять комнатъ, можетъ состоять изъ разныхъ предметовъ, числомъ до 2000, которые хорошо нами помнятся; въ это число я не включаю томовъ бібліотеки, изъ коихъ одну тысячу тоже безъ затрудненій можно запомнить — т. е. и внѣшнюю форму книги, и обложку, и заглавіе, и даже мѣсто, занимаемое ею на полкѣ. Но мы помнимъ не только предметы своего подвижнаго имущества, мы помнимъ и свои комнаты — цвѣтъ стѣнъ, узоры обоевъ, потолоковъ, половъ. Чтобы себѣ составить хоть приблизительное понятіе, во сколько разъ больше понадобится чувствительныхъ элементовъ для воспріятія цѣлой комнаты, мы сопоставимъ верхнюю площадь моего стола съ шестью площадями, замыкающими одну комнату. Предположимъ, что мой столъ стоитъ рядомъ со стѣною, которая въ десять разъ длиннѣе стола; ширина площади, такъ какъ она горизонтальна, по наклонной проекціи на вертикальной стѣнѣ, предположимъ, займетъ тоже одну десятую всей высоты комнаты. Такимъ образомъ видимая верхняя площадь стола будетъ равняться одной сотой площади всей

стѣны¹⁾. Если всѣ шесть площадей комнаты — такой же величины, то для воспріятія ихъ всѣхъ понадобится въ 600 разъ больше чувствительныхъ элементовъ, чѣмъ при воспріятіи верхней площади стола, а именно — 61,200.000,000.000, т. е. 61 билліонъ и 200 милліардовъ чувствительныхъ элементовъ, или, по мнѣнію фізіологовъ — мозговыхъ клѣтокъ. Все это нужно для зрительнаго воспріятія только одной комнаты, правда большой — въ 12 метровъ длины. Но для воспріятія даже маленькой квартиры въ четыре комнаты во всякомъ случаѣ понадобится больше. Теперь примемъ во вниманіе, что каждый изъ насъ знаетъ и помнитъ подобныхъ квартиръ, залъ, помѣщений довольно много. Мы помнимъ дома, цѣлыя улицы и части города; мы помнимъ цѣлые города и страны, мѣстности, горы, озера, рѣки. Проѣзжая по желѣзной дорогѣ, я могу въ теченіе дня воспринять сотню различныхъ видовъ и запомнить въ общихъ чертахъ. Нѣкоторыя мѣстности, напр. родины, помнятся въ теченіе всей жизни. Спрашивается, хватитъ ли для сохраненія всего этого даже билліоновъ мозговыхъ клѣтокъ?²⁾ Кто со мной прослѣдитъ внимательно за всѣмъ разсужденіемъ, кто хоть сколько-нибудь вникнетъ въ сложность психическихъ процессовъ, тотъ не можетъ согласиться съ предположеніями фізіологовъ.

1) Мой подсчетъ, разумѣется, не можетъ быть точнымъ, такъ какъ обыкновенно разсматриваютъ всю стѣну съ одного мѣста, откуда углы зрѣнія для одинаковыхъ площадей не одинаковы. Но мы можемъ предположить, что разсматривающій стѣну проходитъ вдоль ея параллельно. Тогда ошибка выравнивается. Впрочемъ, въ мою задачу входитъ дать читателю только приблизительное понятіе о сложности психическихъ процессовъ, на что до сихъ поръ не обращалось вниманія. Точный подсчетъ тутъ невозможенъ; впрочемъ, онъ не игралъ бы никакой роли. Намъ не важна даже первая цифра всего числа, а только мѣсто занимаемое ею.

2) Проф. Сикорскій опредѣляетъ число всѣхъ нервныхъ клѣточекъ человѣческаго мозга въ нѣсколько милліардовъ, а число участвующихъ при узнаваніи знакомаго предмета нервныхъ клѣтокъ — „многими сотнями, а можетъ быть и тысячами“. См. Sikorsky, *Evolution psychique de l'enfant*, въ *Revoie philos.* 1885 ch. I. и его же „Сборникъ...“ кн. II. Кіевъ 1899 г. „Воспитаніе въ возр. перваго дѣтства“ стр. 5.

Я пока разсматривалъ число чувствительныхъ элементовъ органа зрѣнія. Но оно далеко еще не полно, въ чемъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго разсужденія. Предположимъ, что для зрительнаго воспріятія небеснаго свода и видимаго горизонта понадобится приблизительно столько чувствительныхъ элементовъ, сколько для нашей большой комнаты, т. е. 60 билліоновъ. Но это число чувствительныхъ элементовъ должно предполагать для одного цвѣта: оно недостаточно для всѣхъ цвѣтовъ. Дѣло въ томъ, что я могу быть на морѣ и видѣть небо и горизонтъ или синими, (когда небо безоблачно) или — сѣрыми, (когда небо покрыто облаками); при закатѣ и восходѣ солнца часть неба и моря могутъ быть освѣщены въ разные цвѣта отъ оранжеваго до фіолетоваго включительно; въ степи лѣтомъ весь видимый горизонтъ зеленый; зимою — бѣлый; тучи неба могутъ имѣть всевозможные оттѣнки; наконецъ звѣзды я могу видѣть на всѣхъ мѣстахъ небеснаго свода, который имѣетъ кажущееся движеніе вокругъ небесной оси. Слѣдовательно, нужно предположить по меньшей мѣрѣ для каждаго цвѣта солнечнаго спектра (радуги) по 60 билліоновъ чувствительныхъ элементовъ — всего 420 билліоновъ.

Я съ умысломъ остановился на весьма простыхъ психическихъ процессахъ, — на зрительныхъ впечатлѣніяхъ, которые бываютъ и у ребенка, и у дикаря, и у животныхъ высшей организаціи. А что мы скажемъ о процессахъ разсудка? Напр., если я, глядя на половину видимаго горизонта произнесу сужденіе: „Эта мѣстность напоминаетъ мнѣ мою родину“. При этомъ очевидно, припоминается и родина; слѣдовательно, полусознательно или безсознательно приходятъ въ дѣйствіе всѣ соотвѣтствующіе ей субстраты памяти. Сверхъ того, происходитъ сравненіе съ видимой мѣстностью и, наконецъ, устанавливается отношеніе сходства. А что мы скажемъ о сужденіи, которое обнимаетъ всѣ впечатлѣнія дня во время ѣзды по ж. д. — если я, напр.,

скажу фразу: „Всѣ эти виды не похожи на мою родину“? Подобныя сужденія можетъ формировать и ребенокъ.

Весь разсмотрѣнный матеріаль познанія (не исключая и приведенныхъ выше примитивныхъ сужденій) относится къ области зрѣнія, — правда, самаго богатаго и самаго совершеннаго органа чувствъ. Но мы сверхъ этого обладаемъ и слухомъ, и осязаніемъ, и мускульнымъ и тепловымъ чувствами; мы обладаемъ обоняніемъ и вкусомъ, мы помнимъ и наши органическія ощущенія; мы помнимъ и наши чувствованія и волевые акты — желанія, намѣренія, дѣйствія; мы помнимъ и наши произведенія фантазіи, и наши умственные процессы, — многіе изъ нихъ помнятся въ теченіе всей жизни.

Что мы скажемъ о числѣ сохраненныхъ образовъ въ теченіе всей жизни? Что мы скажемъ о сложныхъ умственныхъ процессахъ мыслителя-философа? Для всего этого неврофизиологія не имѣетъ ни достаточнаго числа мозговыхъ клѣтокъ, ни даже приблизительной схемы для ихъ сочетанія.

Всѣ приведенныя разсужденія имѣли въ виду показать, сколь огромно должно быть число предполагаемыхъ чувствительныхъ элементовъ и субстратовъ памяти для всего разнообразнаго матеріала нашихъ впечатлѣній, получаемыхъ извнѣ. Но этимъ еще далеко не исчерпана вся сложность психическихъ процессовъ.

Число нужныхъ чувствительныхъ элементовъ и приблизительно не подходитъ къ числу всѣхъ субстратовъ памяти. Дѣло въ томъ, что человѣческой духъ одаренъ способностью комбинировать элементы и образовать новыя сочетанія при всякомъ умственномъ творчествѣ — въ произведеніяхъ искусствъ, наукъ, ремесль. Число возможныхъ комбинацій тутъ можетъ возрастать до безконечности¹⁾. А вѣдь намъ извѣстно, что мы запоминаемъ не только

1) Чтобы читатель составилъ себѣ хоть приблизительное понятіе о томъ, насколько число комбинацій превосходитъ число входящихъ въ

сплошныя цвѣтныя поверхности, но и контуры, рисунки, очертанія различныхъ цвѣтовъ, деревьевъ, горъ, облаковъ; формы животныхъ, произведеній искусствъ, ремеслъ, и т. д.

Въ виду всего изложеннаго очевидно, что предполагаемое число мозговыхъ клѣтокъ, недостаточное даже для чувствительныхъ элементовъ впечатлѣній и воспріятій, для несоизмѣримо большаго числа субстратовъ памяти и подавно недостаточно: полученное нами минимальное число въ 420 билліоновъ пришлось бы возвести въ кубъ.

До сихъ поръ мы стояли на почвѣ несомнѣнныхъ фактовъ. Но несостоятельность клѣточной гипотезы обнаружится еще рѣзче, если мы примемъ за фактъ ундуляціонную теорію свѣта, т. е. волнообразныхъ колебаній эѳира, которая пока еще держится и среди психологовъ, хотя и сильно поколеблена новѣйшими открытіями¹⁾. По этой теоріи каждый цвѣтной лучъ спектра представляетъ собою рядъ быстрыхъ волнообразныхъ колебаній эѳира, которыя производятъ на сѣтчатку сотни билліоновъ толчковъ въ 1 секунду²⁾. Если взять среднее число этихъ толчковъ въ 500 билліоновъ, то тогда на это число нужно помножить

нихъ элементовъ, я приведу нѣсколько примѣровъ. Изъ 24 греческихъ буквъ составлено больше 100 тысячъ греческихъ словъ; изъ какихъ-нибудь 50 музыкальныхъ элементовъ (или ихъ знаковъ) составлены безчисленныя музыкальныя пьесы — мелодіи и гармоніи; изъ чиселъ отъ 1 до 90 включительно возможно составить около полумилліона комбинацій по пяти чиселъ. (На этомъ расчетѣ основанъ государственный доходъ отъ малой лотереи, существующей въ Австріи).

1) См.: G. F. Lipps, Grundr. d. Psychophysik 1903, S. 115—118.

2) Это предположеніе раздѣляетъ и Спенсеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагаетъ, что элементъ ощущенія еще не есть простѣйшій элементъ духа. По его мнѣнію, элементъ ощущенія долженъ получиться отъ ряда быстрыхъ толчковъ, воспринимаемыхъ центростремительными нервами. При этомъ онъ все-таки держится клѣточной гипотезы, считая мозговую клѣтку простѣйшимъ субстратомъ духа: сдѣлай онъ приведенный выше подсчетъ чувствительныхъ элементовъ, быть можетъ, онъ былъ бы иного мнѣнія. (См.: H. Spencer, Princ. of Psychology, I. § 74. Рус. пер. СПб. 1876 I. т. II. ч. стр. 190—191.

Тотъ же взглядъ раздѣляетъ и Геккель. См.: Э. Геккель, „Клѣточные души и душевныя клѣтки“, рус. пер. 1880.

полученное выше минимальное число зрительныхъ элементовъ, (нужныхъ для непосредственнаго, не апперципированнаго впечатлѣнія отъ верхней площади моего стола) т. е. 10.200,000000. Отъ этого умноженія получится слѣдующее число: **5,100000,000000,000000,000000**, т. е. пять слишкомъ квинтильоновъ.

Этому числу будетъ равно число воспринятыхъ сѣтчаткою въ 1 секунду толчковъ эфира при разсматриваніи верхней площади моего стола. Такъ какъ подобное воспріятіе можетъ длиться (и помниться неослабно) въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, и у меня получается непрерывное и цѣльное по времени впечатлѣніе цвѣта: то очевидно, дѣйствіе этихъ быстро смѣняющихся толчковъ не пропадаетъ сейчасъ же, а сохраняется (помнится) не только до полученія слѣдующаго толчка, но и значительно дольше¹⁾.

Такимъ образомъ оказывается, что ундуляціонная теорія свѣта никакъ не совмѣстима съ клѣточной теоріей, считающей мозговья клѣтки за простѣйшіе субстраты чувственныхъ элементовъ духа, или элементовъ ощущенія. Затрудненія клѣточной теоріи еще больше, если принять во вниманіе быстроту психическихъ процессовъ. Но объ этомъ будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ.

VII.

Изъ приведенныхъ выше разсужденій можно убѣдиться, что мозговая клѣтка не можетъ считаться элементарнымъ субстратомъ ни чувственнаго элемента, ни памяти. Сверхъ того, мы убѣждаемся, что до сихъ поръ не удалось ни гистологіи мозга, ни неврофізіологіи, ни психопатологіи установить параллелизмъ между строеніемъ и нервными

1) Дѣло въ томъ, что и по прекращеніи дѣйствія внѣшняго возбудителя (освѣщеннаго стола) я и при закрытыхъ глазахъ черезъ нѣсколько секундъ могу себѣ живо вообразить видѣнный столъ, т. е. могу воспроизвести видѣнный образъ.

процессами мозга съ одной стороны и высшими душевными процессами, доступными интроспективнымъ психологическимъ анализамъ, съ другой. Доказательства, приводимыя Спенсеромъ въ пользу предполагаемаго параллелизма, для меня не убѣдительны¹⁾. Предполагаемый въ восходящемъ ряду животныхъ параллелизмъ между количествомъ мозга и увеличиваемою сложностью нервной системы съ одной стороны и постепеннымъ осложненіемъ психическихъ отправления съ другой не вездѣ наблюдается. Такъ напр., большинство перелетныхъ птицъ, перелетающихъ тысячи верстъ и черезъ годъ отыскивающихъ свои гнѣзда, обладаетъ отличной „памятью мѣста“ (т. е. зрительной и пространственной памятью). Между тѣмъ количество ихъ мозга не превосходитъ количества мозга у перелетныхъ такой же величины²⁾.

Еще болѣе поразительный примѣръ представляетъ память мѣста у нѣкоторыхъ перепончатокрылыхъ, напр. у пчелъ. Пчела-работница, сотни и тысячи разъ перелетая съ цвѣточка на цвѣтокъ, все же вечеромъ и съ разстоянія нѣсколькихъ верстъ возвращается къ своему улью, который отличаетъ отъ сотенъ другихъ, стоящихъ рядомъ. Въ самомъ же ульѣ она среди десятка тысячъ отыскиваетъ оставленную ею ячейку, въ которой продолжаетъ начатую работу. Все это было бы невозможно безъ отличной памяти мѣста, каковой не обнаруживаетъ даже самый выдаю-

1) См. Н. Spencer, Princ. of Psychol. 2. ed. § 41. Въ рус. перев. Спб. 1876, I. т. стр. 103—105.

2) Впрочемъ, если имѣется въ виду число мозговыхъ клѣтокъ, то количество мозга слѣдуетъ принимать во вниманіе по сравненію съ величиной отдѣльной клѣтки, а не по сравненію съ тѣломъ животнаго. На самомъ дѣлѣ, при сравненіяхъ зоологи и біологи принимаютъ во вниманіе относительную величину мозга, т. е. по сравненію его съ вѣсомъ всего тѣла животнаго. Это сравненіе вполнѣ умѣстно только въ отношеніи самоподвижности животнаго, при чемъ все же нужно принимать во вниманіе и среду, въ которой оно движется, способъ передвиженія. а также сложность самыхъ движеній. Относительно же интеллекта животнаго относительный вѣсъ мозга, по моему, ничего не говорить.

щійся человѣкъ¹⁾. Между тѣмъ всѣ первныя узлы пчелы, взятые вмѣстѣ, совершенно крохотны по сравненію съ „зрительными центрами“ не только человѣка, но даже мыши. Предполагаемый параллелизмъ не подтверждается вполнѣ и въ человѣческомъ родѣ (*homo sapiens*). Незначительное увеличеніе мозга у культурныхъ народовъ по сравненію съ дикарями не соотвѣтствуетъ огромной разницѣ, существующей въ ихъ интеллектахъ²⁾. Впрочемъ, и само это увеличеніе мозга сомнительно. Такъ напр., по словамъ Спенсера, самый малый мозгъ, констатированный у одной дикой бушменки, равнялся 872 граммамъ, между тѣмъ какъ

1) Для вѣрнаго сравненія относительно совершенныхъ разными животными передвиженій нужно принимать во вниманіе отношеніе длины тѣла къ произведенному передвиженію. Для пчелы, которая въ 160 разъ короче человѣка, разстояніе въ пять верстъ должно представлять приблизительно то же, что для человѣка средняго роста представляютъ 800—1000 верстъ.

2) Нѣкоторымъ мѣриломъ интеллекта, въ особенности же памяти словесной, можетъ служить количество словъ, понимаемыхъ однимъ человѣкомъ. Если количество словъ, понимаемыхъ какимъ-нибудь дикаремъ, опредѣлить въ тысячу, то количество словъ какого-нибудь образованнаго культурнаго человѣка, понимающаго только три европейскіихъ языка, можно смѣло опредѣлить въ сто тысячъ. Полный словарь любого культурнаго европейскаго языка содержитъ въ себѣ около ста тысячъ словъ. Если же предположить, что изъ нихъ только одна треть узнается и понимается однимъ опредѣленнымъ живымъ европейцемъ, то и въ такомъ случаѣ интеллектъ этого образованнаго европейца превосходить въ тысячу разъ интеллектъ дикаря. — Сообщенія нѣкоторыхъ путешественниковъ и миссіонеровъ, будто языки нѣкоторыхъ дикихъ племенъ состоятъ всего изъ 200—300 словъ, я считаю неточнымъ — число словъ я считаю слишкомъ умаленнымъ, хотя знаменитый языковѣдъ Максъ Миллеръ его принимаетъ на вѣру безъ провѣрки. Закрываю я это изъ слѣдующаго. На основаніи моихъ наблюденій мнѣ удалось составить словарчикъ словъ, употребленныхъ ребенкомъ, имѣвшимъ 18 мѣсяцевъ отъ роду. Въ этотъ словарчикъ занесено 197 словъ; изъ нихъ и 10 не наберется культурныхъ словъ, которыя были бы неизвѣстны дикарю. Что это число словъ ребенка уже черезъ годъ утроится, можно считать весьма вѣроятнымъ. Но формированіе языка, даже конкретныя хъ понятій, какъ извѣстно, не прекращается у дитяти и послѣ трехлѣтняго возраста. Мнѣ а priori кажется невѣроятнымъ, чтобы интеллектъ дикаря въ такой степени уступалъ интеллекту трехлѣтняго ребенка культурнаго народа.

средній мозгъ культурнаго человѣка, по его же сообщенію, колеблется между 1400 и 1500 граммовъ¹⁾. Но другія взвѣшиванія, произведенныя въ Іенѣ, установили минимумъ человѣческаго мозга въ 880 граммовъ, а максимумъ въ 1600 граммовъ²⁾. Слѣдовательно, минимумъ у бушменки Спенсера только на 8 граммовъ меньше минимума, найденнаго среди высококультурнаго народа въ Іенѣ. Но Бишофъ нашелъ минимальный вѣсъ мозга среди 397 женщинъ всего только въ 820 граммовъ, между тѣмъ какъ для мужчинъ на основаніи 559 взвѣшиваній онъ его опредѣляетъ въ 1018 граммовъ³⁾. Изъ этихъ данныхъ видно, что сообщенное Спенсеромъ количество мозга у дикарей не представляетъ ихъ особенности: такой же небольшой мозгъ встрѣчается и у высококультурныхъ народовъ. Далѣе, мозгъ у выдающихся по своему уму людей не всегда превосходитъ средній вѣсъ человѣч. мозга. Такъ напр., мозгъ знаменитаго оратора и политическаго дѣятеля Гамбетты оказался всего въ 1246 граммовъ, т. е. на сто слишкомъ граммовъ меньше средняго мозга⁴⁾. Равнымъ образомъ, мозгъ Деллингера (знаменитаго анатома и фізіолога), равный всего 1207 граммамъ, ниже средняго почти на 200 граммовъ; а мозгъ знаменитаго математика Гауса равняется 1492 граммамъ; также и мозгъ знаменитаго фізіолога, физика и психофизика Гельмгольца, обнаружившаго сверхъ упомянутой ученой дѣятельности и выдающіяся музыкальныя способности, имѣлъ всего 1430 граммовъ: слѣдовательно, оба эти мозга не превышаютъ средняго человѣческаго мозга⁵⁾. Для объясненія этихъ отступленій отъ предполагаемаго параллелизма неврофізіологи и психопат-

1) См.: Акад. кн. И. Р. Тархановъ, Духъ и тѣло, СПб. 1904. стр. 49.

2) тамъ же.

3) тамъ же.

4) См. Проф. И. А. Сикорскій, Сборникъ . . . кн. I. ст. IV. стр. 82.

5) См.: Тархановъ, loco cit.

тологи прибѣгаютъ къ вспомогательнымъ гипотезамъ. Такъ напр., возвращаются къ брошенному было предположенію френологовъ, будто извилины мозга играютъ важную роль въ психическомъ развитіи. Это предположеніе, очевидно, придаетъ значеніе уже не числу мозговыхъ клѣтокъ, но поверхности мозговой коры; но такъ какъ эта поверхность покрыта студенистой массой, весьма бѣдной мозговыми клѣтками — неврогліей; то роль высокаго развитія интеллекта переносится на невроглію. Впрочемъ, и эта подпорка клѣточной гипотезы не особенно надежна: Мержеевскій наблюдалъ мозгъ кретиноподобнаго существа, который тоже былъ очень богатъ извилинами¹⁾. И вотъ, тутъ пришлось искать новой подпорки означенной гипотезѣ. Означенный мозгъ кретиноподобнаго существа, по наблюденіямъ Мержеевскаго, былъ бѣденъ „ассоціаціонными волокнами“. Чтобы спасти параллелизмъ, не подтверждаемый ни количествомъ мозга, ни его извилинами, отводятся и для ассоцірованія представленій особые анатомическіе субстраты въ видѣ нервныхъ волоконъ и особыхъ „ассоціативныхъ центровъ“²⁾. По этому поводу Флехсигъ говоритъ слѣдующее: „По моему мнѣнію, существуютъ распространенныя кортикальныя области (Kindenbezirke), дѣятельность которыхъ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы ассоціировать состоянія возбужденій (Erregungszustände) различныхъ чувственныхъ сферъ. Мозговья клѣтки (Ganglienzellen) этихъ кортикальныхъ областей суть центральные органы между прочимъ и ассоціаціи представленій“³⁾. Такимъ образомъ, по мнѣнію Флехсига, незначительная часть мозговой коры должна исполнять функцію

1) *op. cit.* pag. 50.

2) См.: Flechsig, Die Localisation der geistigen Vorgänge, Leipzig 1896, S. 59 - 62, 79 (Anmerk. 35); S. 80. (Anmerk. 38)

3) *op. cit.* pag. 60.

ассоціацій, которую, какъ было показано выше, мы не были въ состояніи объяснить участіемъ даже всего мозга! Я ничуть не отвергаю существованія прирожденныхъ связей (ассоціацій) между отдѣльными областями чувствъ (напр. между зрительными и осязательными ощущеніями — въ этомъ насъ убѣждаютъ интроспективные психологическіе анализы): но эти прирожденные ассоціаціи слишкомъ малочисленны по сравненію съ приобрѣтенными. Флехсигъ и сторонники его взгляда упускаютъ изъ виду, что въ нашемъ опытномъ (не прирожденномъ) познаніи возможно ассоціировать всякій элементъ чувственности съ любымъ психическимъ актомъ: мы по произволу посредствомъ повтореній можемъ закрѣпить въ своей памяти любую ассоціацію — любую комбинацію элементовъ. Такимъ образомъ въ самомъ мозгу должна заключаться возможность образованія всевозможныхъ новыхъ комбинацій, которыя никакъ не могутъ быть объяснены весьма ограниченнымъ числомъ соединительныхъ волоконъ и незначительнымъ числомъ клѣтокъ „ассоціативныхъ центровъ“ Флехсига. Вышеприведенные психологическіе анализы могли убѣдить читателя, что даже число нужныхъ чувственныхъ элементовъ не можетъ быть покрыто числомъ въ сѣхъ мозговыхъ клѣтокъ. По моему мнѣнію, все усложненіе и увеличеніе мозга при прогрессирующемъ психическомъ развитіи животныхъ можетъ быть отнесено на низшую сферу душевной дѣятельности — на увеличеніе и усложненіе чувственныхъ воспріятій и, главнымъ образомъ, на усложненіе двигательныхъ аппаратовъ, т. е. мускульно-моторныхъ центровъ. Всѣ же предположенія относительно памяти и высшихъ психическихъ отправленій пока еще не имѣютъ строго научной почвы: они представляютъ собою неопредѣленные, хотя и смѣлыя, предположенія, не сообразованныя съ самонаблюденіями и психологическими анализами.

Но всѣ приведенныя мною возраженія неизвѣстны психологикамъ. Флехсигъ высокомѣрно и насмѣшливо относится

къ интроспективной психологіи, которая сторонится отъ анатоміи мозга и предполагаетъ „какую-то душу“¹⁾.

Гипотеза психо-физиковъ, считающихъ память сохраненіемъ молекулярныхъ размѣщеній въ мозговыхъ клѣткахъ, встрѣчаетъ затрудненія и въ объясненіи общеизвѣстныхъ психическихъ фактовъ. Къ таковымъ относятся факты упражненія памяти. Относительно упражненія психологической опытъ отмѣтилъ два факта: 1) Отъ повторенія опредѣленнаго впечатлѣнія A_1, A_2, A_3 его воспроизведеніе a_1, a_2, a_3, a_4 становится легче и быстрѣе. Но это упражненіе, т. е. совершенствованіе отъ повторенія, имѣетъ свои предѣлы. 2) Повтореніе одного психическаго факта, говоря вообще, не усиливаетъ оживаемости другого псих. факта (т. е. функціональной дѣятельности другого субстрата памяти), если между первымъ и вторымъ нѣтъ ничего общаго. Для объясненія этихъ фактовъ психофизики прибѣгаютъ къ разнымъ образнымъ сравненіямъ и аналогіямъ: Герингъ пользуется аналогіей съ усиленіемъ отъ упражненія мускульной дѣятельности и функціональной способности другихъ органовъ тѣла; другіе говорятъ о „проторенныхъ

1) См.: Flechsig, op. cit. pag. 11 „Lust- und Unlustgefühle werden noch gegenwärtig von namhaften Psychologen . . . als . . . Reaction einer „Seele“ hingestellt“. Это мнѣніе онъ даже не удостоиваетъ разсужденія. См.: также предисловіе цитированнаго сочиненія. Его Флехсигъ начинаетъ словами: „Im Aufbau unseres Geistes . . . spiegelt sich klar und deutlich die Architektur unseres Gehirns wieder“. Несмотря на это рѣшительное утвержденіе, нѣсколькими строками ниже авторъ все же признаетъ, что это „основное положеніе“ . . . „для полнаго и общеубѣдительнаго доказательства, безъ сомнѣнія, нуждается еще въ безконечно большой работѣ“. Но къ этому онъ тутъ же прибавляетъ: „Am wenigsten überrascht es mich, dass die introspective Psychologie . . . sich mit Händen und Füßen dagegen sträubt, besagtem Princip Eingang zu gewähren“. (Op. cit. pag. 3), Флехсигъ не удивляется, что интроспективная психологія не принимаетъ за доказанный фактъ гипотезу, „для полнаго и убѣдительнаго доказательства которой, по словамъ самого же Флехсига, еще требуется безконечно большая работа“. Но это непризнаваніе клѣточной гипотезы за доказанный фактъ онъ объясняетъ незнаніемъ со стороны психологовъ анатоміи мозга. (Ib. pag. 4). Болѣе вѣскія соображенія психологіи внутренняго опыта Флехсигу, очевидно, неизвѣстны.

дорожкахъ въ мозгу“; иные же говорятъ, что нервныя токи, подобно электрическому, должны распространяться по пути наименьшаго сопротивленія; а прежніе-де пути именно и должны представлять меньше сопротивленія, чѣмъ новыя. Всѣ эти образныя сравненія и аналогіи не убѣдительно по отношенію къ психическимъ процессамъ, какъ таковымъ: они могутъ имѣть только значеніе мнемоническаго приема, а не научной гипотезы. Научная гипотеза 1) не должна противорѣчить ни одному наблюдаемому факту, и 2) она должна объяснять сложное болѣе простымъ, менѣе извѣстное болѣе извѣстнымъ или даже несомнѣннымъ; но никакъ не наоборотъ.

На всѣ эти „объясненія“ можно возразить слѣдующее: 1) Сопоставленіе мозга, какъ органа мысли и памяти, съ другими органами тѣла, которые отъ упражненія увеличиваютъ свою функціональную способность, содержитъ въ себѣ *petitio principii*: не только не доказано, но, какъ было показано выше, даже сомнительно, чтобы воспроизведеніе и сохраненіе психическихъ актовъ ограничивалось функціонированіемъ однѣхъ только мозговыхъ клѣтокъ. 2) „Ассоціативныя волокна“ соединяютъ только незначительныя части головного мозга; число этихъ волоконъ весьма ограничено даже по сравненію съ числомъ всѣхъ мозговыхъ клѣтокъ, а по сравненію съ числомъ всѣхъ чувственныхъ элементовъ оно прямо ничтожно. О сравненіи же ихъ съ числомъ возможныхъ комбинацій чувственныхъ элементовъ и говорить нечего: число таковыхъ превосходитъ всѣ наши обычныя понятія, — его можно считать почти безконечнымъ. 3) Въ виду высказанныхъ соображеній приходится предположить, что ассоціаціи, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ образующія новыя комбинаціи чувственныхъ элементовъ, совершаются безъ участія „ассоціативныхъ волоконъ“. Дѣло въ томъ, что и новыя ассоціаціи уже черезъ нѣсколько секундъ закрѣпляются въ памяти настолько, что нѣкоторое время (отъ 2-хъ минутъ до нѣсколькихъ часовъ) сохраняютъ

способность къ воспроизведенію въ той же группировкѣ (комбинаціи). Чтобы за нѣсколько секундъ для таковой новой ассоціаціи образовались новые пути, т. е. „ассоціативныя волокна“, это предположеніе противорѣчитъ всему опыту относ. органическихъ новообразованій въ человѣческомъ тѣлѣ. Такое короткое время недостаточно для размноженія даже низшихъ организмовъ, каковыя — бактеріи, плазмодии и кокки. 4) Совершенно недоказано, чтобы проводимость по старымъ путямъ (сформированнымъ ассоціативнымъ волокнамъ) была быстрѣе, чѣмъ по „новымъ“. Болѣе скорое сокращеніе мускуловъ, которые подвергались упражненію, а равно и усиленіе ихъ дѣятельности можетъ быть объяснено бѣльшимъ накопленіемъ и болѣе быстрымъ разряженіемъ накопленной въ самыхъ мускулахъ кинетической энергіи. То же можно сказать и о болѣе скоромъ воспроизведеніи обычныхъ, т. е. часто повторявшихся, ассоціированныхъ комплексовъ. Быть можетъ, сравнительная скорость ихъ воспроизведенія обуславливается болѣе скорымъ функционированіемъ самыхъ субстратовъ памяти, а не болѣе скорой проводимостью по предполагаемымъ ассоціативнымъ путямъ (волокамъ или нервнымъ осевымъ цилиндрамъ).

Въ виду всѣхъ приведенныхъ затрудненій должно притти къ заключенію, что упомянутыя гипотезы анатомогистологовъ и невро-фізіологовъ не могутъ объяснить ни фактовъ узнаванія (памяти), ни упражненія, ни даже простаго воспроизведенія. Такимъ образомъ гипотеза психофизическаго параллелизма далека еще до построенія мало-мальски удовлетворительной теоріи памяти.

VIII.

Въ предыдущемъ я разсматривалъ затрудненія гипотезы психофизическаго параллелизма и въ частности клѣточной гипотезы. Но отъ подобныхъ затрудненій по нашему

вопросу не свободны и гипотезы чистыхъ психологовъ, исходящихъ отъ данныхъ внутренняго опыта. Такъ напр., ближе къ наблюдаемымъ фактамъ внутренняго опыта стоитъ гипотеза Бэнэке о субстратахъ (Vermögen) и „слѣдахъ“ (Spuren¹⁾); но и она имѣетъ свои затрудненія. Такъ, напр., Бэнэке предполагаетъ, что каждое новое ощущеніе обусловлено дѣятельностью особаго психическаго субстрата²⁾. Съ этимъ предположеніемъ можно согласиться. Но Бэнэке предполагаетъ дальше, что отъ cadaго повторенія одного и того же ощущенія сохраняется въ душѣ особый „слѣдъ“. „Поэтому, говоритъ Бэнэке, представленія, чувствованія, волевые акты, которые мы очень часто образовали (повторяли), которые, слѣдовательно, даны въ очень многихъ слѣдахъ, развиваются до полнаго сознанія“³⁾. Такимъ образомъ Бэнэке 1) число субстратовъ памяти увеличиваетъ почти до безконечности; 2) само сліяніе „слѣдовъ“ во единый сознательный актъ дѣлаетъ крайне непонятнымъ: одинъ и тотъ же предметъ, напр. письменный столъ, можетъ нами восприниматься въ продолженіе одного года въ теченіе 10 милліоновъ секундъ и больше. Слѣдовательно, мы тутъ даже по истеченіи одного года имѣли бы при представленіи не только всего стола, но и каждой его видимой точки сліяніе милліоновъ „слѣдовъ“, т. е. субстратовъ памяти. Подобное предположеніе чрезвычайно осложняетъ вопросъ; сверхъ того, оно и противорѣчитъ дѣйствительности, а именно, — ограниченности нашего сознанія. Самые привычные психическіе процессы, какъ извѣстно, менѣе всего сознательны, иногда они прямо безсознательны.

Отъ этихъ затрудненій не свободна и гипотеза Гербарта о субстратѣ души и о представленіяхъ (Vorstellungen), которая въ общихъ чертахъ оказывается копіей гипотезы

1) B e n e k e, Lehrbuch der Psychologie, Berlin 1833, § 36 S. 29 u. § 40 S. 31.

2) ibid. § 76. S. 56.

3) ibid. § 104. S. 79.

Лейбница о монадахъ. Правда, и самъ Гербартъ, и его послѣдователи игнорируютъ факты упражненія — они ихъ совсѣмъ не разсматриваютъ. Но эти факты не объяснимы гипотезой Гербарта. „Представляющій субъектъ, по словамъ Гербарта, есть простая субстанція, по справедливости именуемая душой. Представленія¹⁾ не содержатъ ничего принятаго извнѣ; однако они производятся не сами собою, но подъ внѣшними условіями, и относительно своего качества опредѣляются [= формируются] какъ этими, такъ и самою природою души. Слѣдовательно, заключаетъ Гербартъ, душа не есть первоначально представляющая сила, но она становится таковою при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. И самыя представленія, взятыя порознь, несомнѣнно, не суть силы; но они становятся таковыми благодаря ихъ противоположности“²⁾ „когда они встрѣчаются вмѣстѣ въ одномъ и томъ же субъектѣ. . . Тогда представленія обнаруживаютъ активность, вслѣдствіе которой они выходятъ изъ себя наружу. Тогда одно представленіе тѣснитъ другое, потому что оно само тѣснимо другимъ. Оба же представленія тѣснятъ другъ друга всилу существующей между ними противоположности³⁾. Самыя же представленія, по теоріи Гербарта, суть „самосохраненія души“⁴⁾.

Для уясненія сказаннаго мы обратимся къ метафизиче-

1) Представленія Гербарта обнимаютъ всѣ познавательные акты: и ощущенія, и воспріятія, и образы фантазій, и образы памяти, и всѣ понятія. Чувствованія и волевые акты Гербартъ считаетъ производными процессами представлений. См.: Herbart, Psychologie als Wissenschaft. I. Th. § 37. (Ausgabe 1824, S. 149).

2) *op. cit.* § 31 (pag. 112). Ср.: § 39 (pag. 152, 153).

3) *op. cit.* § 39 (pag. 153 et 154).

4) *op. cit.* § 39 (pag. 141), § 94 (pag. 316). Словомъ „представленіе Гербартъ обозначаетъ явленіе сознанія; а выраженіемъ „самосохраненіе души“ — реальный актъ, непосредственно производящій явленіе. Самъ этотъ реальный актъ не бываетъ предметомъ сознанія: онъ есть само дѣяніе, обусловливающее сознаніе, („die Thätigkeit selbst, welche das Bewusstsein möglich macht.“) (*Op. cit.* § 98, pag. 337).

ческой теории Гербарта. По этой теории, понятие о вещи со множеством качеств, равно как и понятие нашего „Я“, как источника всех наших чрезвычайно разнообразных представлений, заключаютъ въ себѣ логическое противорѣчiе — ингеренци множества въ одномъ. Это противорѣчiе, по мнѣнiю Гербарта, можетъ быть устранено только предположенiемъ множества простыхъ реальныхъ существъ (монадъ), изъ коихъ каждое обладаетъ однимъ, безусловно простымъ качествомъ. Это качество у разныхъ существъ различно; эти качества могутъ быть прямо противоположны. Совокупность множества такихъ простыхъ существъ (Realen) будто обуславливаетъ въ нашемъ объединяющемъ сознании явленiе вещи со многими качествами, которыя суть не что иное, какъ отношенiя одной вещи къ другимъ вещамъ. Сами по себѣ эти реальные существа не подвержены перемѣнамъ; но, будучи разсматриваемы въ отношенiи къ другимъ реальнымъ существамъ, они являются движущимися равномерно по прямымъ линiямъ. Вслѣдствiе этого они могутъ встрѣчаться въ одной точкѣ съ другими, и тогда они проникаютъ другъ друга. Если при этомъ они не одинаковаго качества, то тогда ихъ совмѣстность вызываетъ нарушение (Störung) внутренняго покоя. Такое нарушение не уничтожаетъ въ совмѣстныхъ существахъ ихъ сущности: они, какъ субстанци, т. е. какъ устойчивое бытiе, не разрушима. Они сохраняютъ себя противъ направленнаго на нихъ нарушенiя. Это нарушение подобно давленiю, а самосохраненiе подобно сопротивленiю¹⁾. Нѣчто подобное происходитъ и съ душой, простой нематериальной монадой. И она подвергается дѣйствию множества другихъ, различныхъ отъ нея по качеству реальныхъ существъ. Находясь съ ними совмѣстно, она реагируетъ, сохраняя себя. Эти самосохраненiя души и суть представленiя²⁾. Самыя пред-

1) а) Herbart, Hauptpunkte der Metaphysik §§ 1, 2, 5. б) Herbart, Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie §§ 97, 101, 113.

2) Представленiя въ свою очередь обуславливаютъ и наше само-

ставленія тоже бываютъ во взаимодействіяхъ другъ съ другомъ: однородныя изъ нихъ сливаются, противоположныя задерживаютъ другъ друга (hemmen) по мѣрѣ ихъ противоположности. „Задержки (Hemmungen), какъ непосредственныя слѣдствія противоположностей, такъ же, какъ и эти, необходимо имѣютъ свои степени“. „Слѣдствіемъ задержки является затемнѣніе объекта и превращеніе акта представленія въ стремленіе представлять“. (Таковыми стремленіями суть и всѣ явленія воли). „Затемнѣнія тоже имѣютъ свои степени, слѣдовательно подлежатъ измѣренію“. „И процессы представленія, независимо отъ затемнѣнія и задержекъ, имѣютъ свою степень силы“¹⁾. Изъ сопоставленія степеней силы представленія съ величиной противоположности Гербартъ посредствомъ математическихъ выкладокъ старается вычислить „степени затемнѣнія, задержки и стремленія, а также процесса представленія, остающагося въ дѣйствительности“. Эти теоретическія разсужденія составляютъ его „Статику“ и „Механику духа“²⁾. Въ этихъ отдѣлахъ Гербартъ разсматриваетъ только воспроизведеніе, т. е. условія поднятія представленій надъ „порогомъ сознанія“, а также образованіе сліяній и комбинацій (ассоцірованія) представленій. Но ни въ этихъ отдѣлахъ, ни вообще во всей своей психологіи онъ и не касается вопросовъ памяти — ни забвенія, ни узнаванія, ни упражненія. Само слово память, хотя оно раза два встрѣчается во всемъ сочиненіи, нигдѣ не опредѣляется

сознаніе. „Только тогда, когда представляются нѣсколько объектовъ, говоритъ Гербартъ, нѣчто изъ нихъ принадлежитъ представляющему субъекту, а именно, ихъ объединеніе (Zusammenfassung) въ одинъ актъ представленія (in ein Vorstellen), а равно и то, что изъ этого вытекаетъ“. Herbart, Psychol. als Wissensch. I. § 28) Это — „подвижность самаго процесса представленія (Regsamkeit des Vorstellens) въ его задержанномъ видѣ (in seiner Hemmung)“. „Она-то и составляетъ наше „Я“. „То, что можетъ быть причислено къ памяти и волѣ, это входитъ въ наше „Я“. (Ibid. § 38).

1) Herbart, Psychologie als Wiss. I. Th. § 28, 34—37, 39, 57.

2) Op. cit. §§ 41—80.

Гербартомъ 1). Весь вопросъ съ точки зрѣнія его теоріи оказывается какъ-бы лишнимъ.

Теорія Гербарта, несомнѣнно, имѣетъ много преимуществъ передъ клѣточной теоріей. 1) Такъ какъ „реальныя существа“ (монады) Гербарта непротяженны, то число ихъ въ мозгу или въ человѣческомъ тѣлѣ можетъ быть увеличено до любого предѣла. 2) Такъ какъ эти реальныя существа нематеріальны, то мыслима совмѣстность или встрѣча въ одной точкѣ множества такихъ существъ (монадъ). Такимъ образомъ возможно объяснить чрезвычайную сложность психическихъ процессовъ. 3) Вслѣдствіе вышеприведенныхъ двухъ свойствъ можно объяснить образованіе новыхъ ассоціаций, безъ участія мозговыхъ клѣтокъ и ассоціативныхъ волоконъ. Такимъ образомъ можно объяснить творчество какъ въ области искусствъ, такъ и въ области наукъ.

Однако, несмотря на эти преимущества, Гербартова теорія не можетъ объяснить вышеупомянутыхъ вопросовъ памяти. Сверхъ того, нѣкоторымъ ея положеніямъ противорѣчатъ факты внутренняго опыта, и наконецъ, другія положенія самого Гербарта, приводимыя имъ въ томъ же сочиненіи. Въ нижеслѣдующемъ я приведу возраженія, касающіяся нашего вопроса.

1) Гербартъ предполагаетъ, что ускользаніе представленій изъ сознанія зависитъ только отъ ихъ „затемнѣнія представленіями противоположными“, которыя ихъ „задерживаютъ“ въ своемъ естественномъ стремленіи къ сознательности. Это предположеніе невѣрно. Даже безъ всякаго противодѣйствія и задержекъ (Hemmungen) представленія не могутъ длиться, какъ сознательные процессы, безконечно долго: они имѣютъ ограни-

1) См.: Herbart, Psychol. als Wiss. § 13, pag. 32 et 33. Здѣсь Гербартъ приводитъ два взгляда на память, которые онъ отвергаетъ; но своего опредѣленія онъ все же не даетъ. Впрочемъ, и въ дальнѣйшемъ онъ этого нигдѣ не дѣлаетъ.

ченную длительность. Ежедневный внутренний опыт въ этомъ достаточно насъ убѣждаетъ. Даже при наличности не измѣняющихся внѣшнихъ и внутреннихъ условій наши сознательные акты имѣютъ свою ограниченную длительность. Такъ напр., слабыя воспріятія бываютъ прерывными, даже при усиленномъ вниманіи и желаніи воспринимать внѣшнія впечатлѣнія. Это наблюдается при разсматриваніи малыхъ звѣздъ, полета отдаленной птицы, дальней лодки на морѣ, миражныхъ образовъ въ степи; при слуханіи журчанія ручейка, плеска фонтана, дальняго городского шума, шума отдаленнаго водопада; далѣе, — при воспріятіи запаха, сильно насыщающаго весь окружающій воздухъ, напр. во время цвѣтенія бѣлой акаціи, липы, розъ; а также въ аптекѣ, въ анатомическомъ театрѣ, въ химической лабораторіи ¹⁾). Такихъ примѣровъ — множество. Еще менѣе продолжительны образы фантазіи и памяти: ихъ нельзя долго удержать въ сознаніи даже при большихъ усиліяхъ. Всякій душевный процессъ имѣетъ свою ограниченную длительность, независимо отъ противодѣйствія другихъ противоположныхъ процессовъ (представленій). Впрочемъ, о противоположности можно говорить только относительно простыхъ качествъ одного и того же органа чувствъ, да и то не всѣхъ. Спрашивается, что противоположно синей точкѣ? Красная ли или желтая? Что противоположно треску электрической искры? Что противоположно тону „Re“?

2) По теоріи Гербарта, представленія суть явленія сознанія, производимыя самосохраненіями души при совмѣстности неодушевленныхъ монадъ съ монадой-душой. Слѣдовательно, они — процессы, или же — по старой терминологіи, — модусы субстанцій. По словамъ самого Гербарта, они получаютъ свое качественное содержаніе не

1) Въ послѣднихъ случаяхъ объясняютъ прерывность ощущаемаго запаха притупленіемъ обонятельнаго нерва; но относ. зрѣнія и слуха почему-то этого не дѣлаютъ.

только отъ неодушевленныхъ монадъ, но и отъ самой души. Слѣдовательно, они не имѣютъ самостоятельнаго бытія, независимо отъ души и отъ соответственныхъ имъ неодушевленныхъ монадъ. Между тѣмъ Герbartъ обращается съ ними, какъ съ самостоятельными существами, какъ съ субстанціями: онъ приписываетъ имъ разныя качества — „присущее имъ стремленіе (einen innewohnenden Trieb) въ опредѣленномъ направленіи“¹⁾; онъ приписываетъ имъ „предикаты, возникающіе при случайной встрѣчѣ представленій“²⁾; суть представленій Герbartъ видитъ „въ созиданіи и удерживаніи ихъ представленнаго образа“ (im Erzeugen und Festhalten ihres vorgestellten Bildes³⁾).

3) По Герbartу, въ противность Лейбницу, монады не имѣютъ представленій: ни монада-душа, ни неодушевленные монады, ни самыя представленія „первоначально не суть представляющія силы“; онѣ становятся таковыми при совмѣстности и противодѣйствіи. Если монады первоначально не обладаютъ представляющей силой, то становится совершенно непонятнымъ, какъ одна совмѣстность можетъ вызвать несуществовавшія раньше силы. Герbartъ не упоминаетъ даже о скрытыхъ силахъ: онъ до того увлекся своей полемикой противъ прежней теоріи способностей души, что пренебрегаетъ всякими прирожденными и скрытыми силами (потенціями). Такимъ образомъ у него изъ ничего рождаются представляющія силы, противодѣйствія, задержки и цѣлая механика духа.

4) По теоріи Герbartа, представленія, появившіяся вслѣдствіе совмѣстности неодушевленныхъ монадъ съ монадой-душой и вслѣдствіе самосохраненія души, продолжаютъ существовать, какъ силы, и ниже порога сознанія, т. е. послѣ того какъ ихъ затемнили другія представленія. Они удерживаютъ свое „естественное и постоянное стрем-

1) Herbart, Psychol. als Wiss. § 40. S. 157.

2) op. cit. § 71, pag. 234.

3) ib. § 39, pag. 153.

леніе освободиться отъ задержки“ (Hemmung¹), т. е. подняться выше порога, или по нашей терминологіи — стремленіе къ воспроизведенію. „Это стремленіе въ каждый моментъ дѣйствуетъ настолько, насколько это позволяютъ обстоятельства“²). „Паденіе представленій (ниже порога сознанія) есть вынужденное затемнѣніе представляемаго“³). Если это стремленіе „постоянно“, то безусловнаго забвенія, по теоріи Гербарта, не существуетъ; что на самомъ дѣлѣ и утверждаютъ гербартіанцы. Если бы въ дѣйствительности ускользаніе изъ сознанія (паденіе представленій ниже порога) зависѣло только отъ противодействій противоположныхъ представленій, находящихся выше порога: то тогда при отсутствіи всякихъ подобныхъ представленій, должны были бы подняться выше порога (воспроизвестись) всѣ задержанныя въ теченіе жизни представленія. А такъ какъ состоянія души, свободныя отъ всякихъ сознательныхъ процессовъ, бываютъ: то въ такихъ случаяхъ мы должны были бы наблюдать свободное всплываніе всѣхъ задержанныхъ представленій. Изъ внутренняго опыта достаточно извѣстно, что бываетъ глубокой сонъ и обмороки безъ всякихъ сознательныхъ представленій. Послѣ таковыхъ, по теоріи Гербарта, должны были бы всплывать всѣ задержанныя представленія. На самомъ дѣлѣ этого не бываетъ. И послѣ глубокаго сна, и послѣ обморока всплываютъ, какъ и всегда, немногія представленія — или недавняго прошлаго, или же дѣлаются сознательными впечатлѣнія внѣшняго міра, постепенно узнаваемыя и вызывающія связанныя съ ними обычныя представленія недавняго прошлаго. Впрочемъ, намъ изъ внутренняго опыта достаточно извѣстно, что значительное большинство нашихъ представленій не можетъ быть воспроизведено,

1) Herbart, Psychol. § 40, S. 157.

2) *ibid.*

3) *op. cit.* § 74, pag. 246.

несмотря на наличность весьма благопріятныхъ условій воспроизведенія. Конечно, изъ отсутствія воспроизведенія нельзя еще заключать, что не воспроизведенное не существуетъ въ душѣ, ни даже того, что оно когда-либо не будетъ воспроизведено. Но съ точки зрѣнія феноменизма, отождествляющаго память со способностью воспроизведенія, временное забвеніе существуетъ. И самъ Гербартъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ о забвеніи слѣдующее: „Мы еще ничего не знаемъ о законахъ, по которымъ представленія сперва задерживаются до степени забвенія, а затѣмъ, какъ принадлежность памяти, снова поднимаются“¹⁾. Изъ этого же мѣста можно заключить, что и самъ Гербартъ признаетъ забвеніе только относительное, т. е. какъ временную задержку. Но если это такъ, если всѣ представленія „неослабно“ (unvermindert) продолжаютъ существовать, какъ силы²⁾: то изъ этихъ силъ, однородныя должны суммироваться и должны производить огромное противодѣйствіе на поднятіе выше порога любого противоположнаго представленія. И Гербартъ, подобно Лейбницу, признаетъ существованіе безчисленнаго множества безсознательныхъ представленій, обусловливая эту безсознательность состояніемъ равновѣсія всѣхъ представленій³⁾. А такъ какъ между ними есть весьма различныя, и равновѣсіе бываетъ чрезвычайно рѣдко, то всѣ остроумныя и глубокомысленныя математическія выкладки Гербарта съ двумя и тремя представленіями лишаются всякаго реального значенія; тогда становится совершенно непонятнымъ, какъ вообще можетъ у взрослого человѣка подняться выше порога какое-нибудь представленіе, если, какъ онъ самъ доказываетъ, „достаточно налич-

1) op. cit. § 37, pag. 150.

2) op. cit. § 37, pag. 148.

3) op. cit. § 47, pag. 174. „Изъ слабыхъ представленій, говоритъ Гербартъ, можетъ быть налицо безконечное число, хотя бы сознаніе ихъ нисколько не ощущало, пока бы оно находилось и пребывало въ состояніи равновѣсія всѣхъ представленій“.

ности двухъ представлений, чтобы совершенно вытѣснить изъ сознанія третье¹⁾.

5) По теоріи Гербарта, сохраняются всѣ представленія, какъ таковыя, хотя и задерживаются ниже порога. Само же ихъ поднятіе выше порога, т. е. воспроизведеніе, объясняется устраненіемъ задержки. Если это такъ, то мы имѣемъ только воспроизведеніе однихъ и тѣхъ же фактовъ, иногда осложненныхъ компликаціями (ассоціаціями разнородныхъ элементовъ). По этой теоріи, равно какъ и по клѣточной гипотезѣ, необъяснимы факты узнаванія; равнымъ образомъ и упражненіе, состоящее въ усиленіи функціональной способности субстратовъ памяти. Если повторенія одного и того же представленія ничего не прибавляютъ къ субстрату этого представленія; то какъ объяснить увеличеніе и ускореніе его дѣятельности? Этими вопросами ни Гербартъ, ни его послѣдователи не занимаются: они и не разрѣшимы ихъ теоріей.

Противъ рассмотрѣнныхъ теорій Гербарта и вообще противъ всякихъ метафизическихъ предположеній возражаютъ современные приверженцы психологическаго феноменизма, что о существованіи сохраненныхъ „слѣдовъ“, или же „безсознательныхъ представлений“ мы ничего не знаемъ, да и врядъ ли что-нибудь можемъ узнать²⁾. Намъ-де

1) *ibid.* pag. 175.

2) Brentano прямо отвергаетъ безсознательные психическіе акты. „Die Frage, giebt es ein unbewusstes Bewusstsein in dem Sinne, in welchem wir sie gestellt hatten, ist demnach mit entschiedenem Nein zu beantworten“. (Brentano, *Psychologie* I. Bd. Leipzig 1874, II. Cap. § 13. S. 180). Самый же терминъ „сознаніе“ Brentano употребляетъ въ смыслѣ совокупности психическихъ актовъ, говоря: „So gebrauche ich ihn (= den Ausdruck „Bewusstsein“) am liebsten als gleichbedeutend mit psychischem Phänomen oder psychischem Acte“. (Ib. § 1. S. 132 unten).

Геддингъ, напротивъ, призываетъ за фактъ безсознательную дѣятельность души; но считаетъ невозможнымъ доказать сохраненіе въ видѣ слѣдовъ, осадковъ или расположеній. (Höffding, *Psychologie* 2. Aufl. S. 191 u. 192).

Лэддъ даже само удерживаніе считаетъ метафизическимъ предположеніемъ (G. T. Ladd, *Psychology Descriptive* ... chap. XVII.)

даны явленія, и ихъ-то мы должны изучать независимо отъ всякихъ метафизическихъ гипотезъ и понятій. Сёлли по этому поводу говоритъ: „Если, какъ нѣкоторые предполагаютъ, представленіе (percept) имѣетъ внѣ сознанія нѣкотораго рода существованіе, продолжающееся въ промежутокъ, предшествующій оживанію, то мы не можемъ имѣть непосредственного знанія (direct knowledge) этого факта“¹⁾. Это утвержденіе вѣрно, если не считать „непосредственнымъ знаніемъ“ убѣжденія въ своемъ личномъ существованіи, убѣжденія въ тождествѣ воспоминаемыхъ образовъ и душевныхъ фактовъ. Въ такомъ случаѣ у насъ очень мало окажется непосредственныхъ знаній, пожалуй, что и совсѣмъ ихъ не окажется. Тогда пришлось бы усумниться въ существованіи другихъ одушевленныхъ существъ и даже своей собственной личности. Но этого не дѣлаютъ и самые строгіе феноменисты. И Сёлли не ограничивается однимъ „непосредственнымъ знаніемъ“: и онъ говоритъ, какъ о фактахъ, не только о „силахъ“ и „способностяхъ“, но и „о безсознательныхъ процессахъ“ (subconscious ideation)²⁾ и о дѣятельности мозга при процессахъ воспроизведенія³⁾, о которыхъ ничего не было извѣстно философамъ въ теченіе болѣе двухъ тысячъ лѣтъ⁴⁾. Поэтому и намъ позволительно выйти за предѣлы „непосредственнаго знанія“ въ смыслѣ психолога Сёлли и феноменистовъ. Такъ какъ мы имѣемъ воспоминанія, связанныя съ процессами узнаванія, т. е. съ воспріятіемъ тождества воспроизводимой идеи и нѣкоего ея оригинала; такъ какъ благодаря этому обстоятельству у насъ возможны обобщенія и знанія вообще (алгебра, геометрія основаны на опредѣленіяхъ и на сужденіяхъ равенства и

1) См. Sully, *Outlines of psychology*, London 1894. chap. VIII. p. 170.

2) *ibid.*

3) *Op. cit.* pag. 169.

4) Въ новѣйшее время Лейбницъ впервые отмѣтилъ безсознательные душевные акты; а Гоббсъ и Декартъ впервые стали объяснять психич. акты физиологическими процессами.

тожества): то мы имѣемъ и убѣжденія, что не только наша личность сохраняется, но даже и отдѣльныя наши впечатлѣнія, идеи и знанія.

Изъ всего изложеннаго выше мы убѣждаемся, что сохраненіе душевныхъ актовъ мы можемъ считать фактомъ, такимъ же несомнѣннымъ, какимъ астрономы считаютъ существованіе небесныхъ свѣтилъ послѣ ихъ заката. Никакой астрономъ не видѣлъ ихъ послѣ заката, однако никто не сомнѣвается въ продолженіи ихъ существованія. Такъ же недоступны непосредственному наблюденію физика разныя имъ предполагаемыя скрытыя силы; а между тѣмъ никто въ нихъ не сомнѣвается.

Что этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, можно убѣдиться и изъ экспериментальныхъ изслѣдованій памяти Эббинггауза и цѣлаго ряда его послѣдователей¹⁾. Объ этомъ будетъ подробно изложено во второй части моей монографіи о памяти.

IX.

Точка зрѣнія современныхъ феноменистовъ беретъ свое начало отъ англійской ассоціаціонной психологіи, изучавшей душевные процессы независимо отъ всякихъ метафизическихъ гипотезъ. Родоначальникомъ этого направленія можно считать *Д. Юма*, который въ новѣйшее время впервые открылъ такъ называемые законы ассоціаціи идей. Эти законы устанавливають зависимость воспроизведенной идеи отъ другой, раньше воспроизведенной, или же отъ предшествовавшаго воспроизводимой идеѣ впечатлѣнія.

1) a) Ebbinghaus, Gedächtniss, Leipzig 1885.

b) Müller und Schumann, Gedächtniss, Zeitschrift f. Psychol. 1894, S. 95.

c) A. Jost, Die Associationsfestigkeit... Zeitschr. f. Psych. 1897. S. 436.

d) G. E. Müller und A. Pilzecker, Exper. Beitr. z. Lehre vom Gedächtniss, Leipzig 1900.

e) Z. R. Chadji-Denkow, Untersuchungen über d. Gedächtniss f. räuml. Dist. Philos. Studien 1900, XV. Bd. S. 318—452.

Впрочемъ, самый этотъ фактъ связи идей давнымъ давно былъ извѣстенъ не только философамъ, но и простымъ смертнымъ. Еще Аристотель установилъ три закона, по которымъ происходитъ воспроизведеніе и припоминаніе ¹⁾. Въ новѣйшее время между рационалистами нашего материка еще Спиноза установилъ тотъ взглядъ на проблему о памяти, который раздѣляютъ многіе изъ психологовъ нашего времени. А именно, Спиноза утверждаетъ: „Память есть только нѣкоторое сдѣяніе идей (*concatenatio idearum*), заключающихъ въ себѣ природу вещей, которыя находятся внѣ челоуѣческаго тѣла; это сдѣяніе происходитъ въ душѣ соотвѣтственно порядку и сдѣянію возбужденій челоуѣческаго тѣла“ ²⁾. Между англійскими философами еще Гоббсъ касался этого вопроса ³⁾. Локкъ тоже посвятилъ цѣлую главу этому вопросу въ своемъ знаменитомъ „Опытѣ“, употребляя уже терминъ „*association*“, подъ которымъ онъ разумѣетъ только ассоціацію по смежности ⁴⁾. Но Юмъ впервые возвелъ законы ассоціаціи идей, въ основной принципъ психологіи. Ими онъ объясняетъ эмоціональные и волевые процессы и даже самосознаніе, или наше „Я“, а также понятіе причинности. Такихъ законовъ ассоціаціи Юмъ установилъ три: а) по сходству, б) по смежности во времени и пространствѣ, в) по причинности ⁵⁾. Эти три закона по сравненію съ Аристотелемъ не представляютъ существенной разницы ⁶⁾: контрастъ Аристотеля

1) Эти законы слѣдующіе: 1) по сходству (*ἀπὸ ὁμοίων*), 2) по противоположности (*ἀπὸ ἐναντίων*), 3) по смежности (*ἀπὸ τοῦ συνέγγους*). См.: *Aristoteles, De Memoria et Reminiscencia*, cap. II. ed. Didot. pag. 497.

2) *Spinoza, Ethica, pars II. propos. XVIII, schol.*

3) *Th. Hobbes, „Leviathan...“ Amst. 1668, cap. III. „De consequentia sive serie imaginationum“.*

4) *J. Locke, An Essay conc. hum. underst. II. b. chap. XXXIII.*

5) *D. Hume, Enquiry conc. hum. underst. III.*

6) Эти три закона Юмъ, повидимому, открылъ и установилъ независимо отъ Аристотеля. По крайней мѣрѣ онъ самъ приписываетъ себѣ эту заслугу; съ Аристотелевымъ сочиненіемъ о памяти онъ, повидимому, не былъ знакомъ.

можно разсматривать какъ частный случай сходства (т. е. однородности качества при различіи количества или направленія дѣйствующей силы, напр.: холодъ — тепло, свѣтъ — тьма, вверхъ — внизъ, большой — малый); а причинность съ психологической точки зрѣнія можно разсматривать за частный случай ассоціаціи по смежности во времени. Самъ Юмъ причинность, даже какъ метафизическое понятіе, представляетъ какъ дѣйствіе смежности, часто повторявшейся въ нашемъ опытѣ. Этотъ третій законъ Юма и былъ оставленъ ассоціаціонной психологіей послѣдующаго времени.

Уже современникъ Юма *Д. Гертли* свелъ законы ассоціаціи идей на два закона — одновременной и преемственной ассоціаціи; эти законы онъ считаетъ общими и основными законами психической жизни¹⁾. Но эти же основные законы психологіи онъ связываетъ съ предполагаемыми колебаніями (вибраціями) эѳира, передаваемыми по нервамъ головному мозгу. „Моя главная задача, говоритъ Гертли во введеніи къ I-ой главѣ своего знаменитаго сочиненія, состоитъ въ томъ, чтобы объяснить, установить и примѣнить ученія о вибраціяхъ (колебаніяхъ эѳира) и объ ассоціаціи“. . . „Ассоціацію можно разсматривать, какъ дѣйствіе вибрацій, а послѣднія какъ причины ассоціаціи“²⁾. Гертли впервые подробно проводитъ параллелизмъ между физическими движеніями (вибраціями) съ одной стороны и состояніями души съ другой: его можно считать основа-

1) D. Hartley, „Observations on man...“ I. vol. trad. de R. A. Sicard, P. 1802. prop. X, XII et corol. 2—6, XIV cor. 1—12, XXXIII, XXXVI. LX, LXI, LXIX.

2) *op. cit.* chap. I. Ученіе о колебаніяхъ эѳира, какъ самъ Гертли неоднократно подтверждаетъ, было ему внушено сочиненіями Ньютона („Основными началами“ и „Оптикой“). Второе же, т. е. ученіе объ ассоціаціи идей, было ему внушено Локкомъ и „другими талантливými“ авторами. Между ними необходимо предполагать и Юма. Сочетаніе же этихъ двухъ ученій могло быть внушено ему Этикой Спинозы: во второй книгѣ его Этики уже содержится зародышъ теоріи психо-физическаго параллелизма. (Spinoza, *Ethica*, II. postul. V, propos. XVI—XIX, XXII—XXVI.)

телемъ этой теоріи, хотя онъ съ метафизической точки зрѣнія не исповѣдуетъ ни матеріализма Гоббса¹⁾, ни монизма Спинозы²⁾. На его ученіи я остановлюсь нѣсколько дальше.

Точка зрѣнія Гертли вѣрно опредѣлена его же словами. Онъ, дѣйствительно, преслѣдуетъ только одну цѣль — доказать параллелизмъ. Но при этомъ у него преобладаетъ физическая или физиологическая сторона³⁾. Психо-

1) Самъ Гертли избѣгаетъ упрека въ матеріализмъ, заявляя: „Я не имѣю въ виду ни утверждать, ни допускать способность матеріи чувствовать“. (Op. cit. V. pror.)

2) Гертли свое введеніе начинаетъ съ слѣдующихъ заявленій: „Человѣкъ состоитъ изъ двухъ частей — тѣла и души“. . . „Духъ есть та субстанція, тотъ дѣятель, то начало, къ которому мы относимъ ощущенія, идеи, удовольствія, страданія и произвольныя движенія“.

3) Основныя черты его ученія о вибраціяхъ, т. е. о колебаніяхъ ээира можно свести къ слѣдующему. Нютонъ, на котораго Гертли постоянно ссылается, предполагаетъ, что всю вселенную пронизываетъ тонкая, по упругая жидкость, называемая имъ ээиромъ. Этотъ эфиръ наполняетъ всѣ поры физическихъ тѣлъ (слѣдовательно и поры нервовъ и мозга) а также пустыя пространства, не занятыя матеріей, воспринимаемой нашими органами чувствъ. (Op. cit. proros. V.) Виѣшніе предметы различнымъ образомъ дѣйствуютъ на наши органы чувствъ; при этомъ вызываются сперва въ нервахъ, на которые они дѣйствуютъ, а затѣмъ и въ мозгу колебанія ээира, которыя передаются маленькимъ и даже мельчайшимъ частицамъ головного мозга. (Ib. pror. IV.) „Эти колебанія возбуждаются, распространяются и сохраняются частью ээиромъ . . . , частью однородностью, непрерывностью, мягкостью и активностью субстанціи головного мозга“. (Ib. pror. V.) Въ мозговой субстанціи „частицы, возбужденныя (колебаніями ээира) послѣдними, могутъ легко передавать свои колебанія частицамъ смежнымъ, расположеннымъ одинаковымъ образомъ, безъ перерыва и почти безъ уменьшенія силы“. (Ib. pror. V. pag. 34.) „Колебанія мозговыхъ частицъ могутъ измѣняться четырьмя способами: 1) по степени (т. е. въ зависимости отъ амплитуды колебаній), 2) по виду, (т. е. въ зависимости отъ числа колебаній въ единицу времени, или отъ скорости колебаній), 3) по положенію (въ мозговой субстанціи), 4) по направленію (токовъ, исходящихъ отъ нервовъ и передаваемыхъ въ направленіи ихъ длины). (Ib. pror. V. Cogol. I.) „Колебанія сопутствуютъ ощущеніямъ, идеямъ и всѣмъ нашимъ движеніямъ, и пропорціональны имъ. Мы можемъ ихъ разсматривать за причины ощущеній, идей, движеній . . .“; но эти „колебанія вовсе не — адекватныя причины ощущеній, идей и движеній . . . мои предположенія, говоритъ Гертли, не безусловно точны“. (Ib. pror. V. schol.) Этимъ ограниченіемъ Гертли, очевидно, желаетъ показать, что въ произведеніи ощу-

логическая сторона, даже по сравненію съ Локкомъ и Юмомъ, не отличается ни глубиною, ни полнотою. Тѣмъ не менѣе и эта сторона его ученія, по моему, не уступаетъ многимъ, даже современнымъ, сочиненіямъ фізіологовъ, пишущихъ о душѣ. Поэтому я счелъ не лишнимъ остановиться на ней нѣсколько дольше, тѣмъ болѣе что Гертли рѣдко цитируется фізіологами. Дѣленіе психическихъ фактовъ у Гертли сдѣлано болѣе научно, чѣмъ у Юма и Локка. Гертли дѣлитъ всѣ душевные акты на ощущенія (воспріятія) и на идеи (въ широкомъ смыслѣ¹). Между идеями онъ опять различаетъ чувственныя идеи, которыя похожи на ощущенія, (*ideas of sensation*) и интеллектуальныя идеи. Но въ дальнѣйшемъ невѣрно его мнѣніе, отождествляющее чувственныя идеи съ простыми идеями (Локка), а также его мнѣніе, будто „чувственныя идеи суть элементы, изъ коихъ составляются всѣ остальные идеи“²). Съ гносеологической точки зрѣнія Гертли можно считать сенсуалистомъ, хотя онъ въ своемъ введеніи признаетъ за духомъ нѣкоторыя способности, отличныя отъ ощущеній. Онъ говоритъ: „Человѣческій духъ можно разсматривать надѣленнымъ способностями памяти, воображенія, разсудка, чувства (= эмоцій) и воли“³). Но эти способности Гертли

щепей, идей, движеній (произвольныхъ) принимаетъ участіе и душа. Мѣстомъ нахожденія чувствующей души, или *sensorium*, онъ считаетъ мозгъ. (*Ib. prop. V. corol. III*) Такова физическая сторона ученія Гертли. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать за Гертли преимуществъ передъ многими современными фізіологами мозга: ему не нужны ни ассоціаціонныя волокна, ни ассоціаціонныя центры. Въ самыхъ колебаніяхъ онъ констатируетъ четыре различныхъ стороны, которыя въ комбинаціяхъ съ огромнымъ числомъ мельчайшихъ частицъ скорѣе могутъ объяснить чрезвычайную сложность психическихъ процессовъ, чѣмъ современная клѣточная гипотеза.

1) „Ощущенія суть внутренніе акты духа, которые берутъ свое начало отъ впечатлѣній, производимыхъ внѣшними предметами на различныя части нашего тѣла“. „Всѣ остальные наши внутренніе акты можно назвать идеями“. (*Op. cit. введ.*)

2) *Ibid.*

3) *Ibid.*

не разсматриваетъ, какъ особыя силы, и не пользуется ими при объясненіи разныхъ душевныхъ процессовъ; онъ ограничивается одними ассоціаціями.

Такъ напр., „память, по словамъ Гертли, есть та способность, которая намъ возобновляетъ, или припоминаетъ, ощущенія и идеи точно или приблизительно въ томъ же порядкѣ и въ томъ же отношеніи, какъ будто они представлены намъ въ дѣйствительности“¹⁾. Различія между первичной памятью и памятью въ собственномъ смыслѣ, которое отмѣчено Бэномъ, Гертли еще не дѣлаетъ; но и ему уже извѣстны факты преемственныхъ образовъ зрѣнія, которые онъ объясняетъ согласно съ Ньютономъ, — равно ему извѣстны и преемственные слуховые образы. На основаніи этихъ фактовъ Гертли дѣлаетъ обобщеніе на всѣ ощущенія, утверждая, что они „остаются въ духѣ нѣкоторое время и послѣ удаленія воспринимаемыхъ предметовъ; но они становятся все слабѣе, пока не исчезнутъ; . . . въ ихъ первоначальномъ состояніи они составляютъ переходную ступень между ощущеніями и идеями“²⁾. Это явленіе Гертли объясняетъ физическими свойствами мозга. „Частое повтореніе ощущеній, говоритъ Гертли, оставляетъ опредѣленные слѣды, отпечатки или образы тѣхъ же ощущеній, которыя можно называть простыми чувственными идеями“³⁾. Но самыя „слѣды“ Гертли объясняетъ, какъ и современные психо-физики, опредѣленными „расположеніями въ мозговой субстанціи къ уменьшеннымъ вибраціямъ, которыя можно назвать минимальными“. Эти послѣднія вибраціи соотвѣтствуютъ вибраціямъ чувственнымъ и отличаются отъ нихъ только по степени (т. е. по амплитудѣ волнъ эѳира⁴⁾).

Понятіе ассоціаціи Гертли понимаетъ уже, чѣмъ

1) Op. cit. введение.

2) Ib. prop. III. et VIII. pag. 90 et 92.

3) Ib. prop. VIII. заголовокъ.

4) Ib. prop. IX.

современные ассоціаціонисты. 1) Онъ совсѣмъ оставилъ въ сторонѣ ассоціацію по сходству; 2) и ассоціаціей по смежности онъ признаетъ только прочно установившуюся связь между ощущеніями и идеями. По этому поводу Гертли говоритъ слѣдующее: „Всѣ ощущенія А, В, С, если они ассоціированы достаточнымъ числомъ повтореній, приобрѣтаютъ для соотвѣтственныхъ идей а, в, с, и т. д. способность возбуждать въ духѣ в, с, и остальные идеи, — чего ни одно изъ ощущеній А, еслибы оно было запечатлѣно одно, (т. е. безъ связи съ другими) не было бы способно сдѣлать“¹⁾. „Относительно ощущеній можно сказать, что они ассоціированы вмѣстѣ, когда ихъ впечатлѣнія образуются отчетливо и въ одно и то же время или же въ моменты непосредственно послѣдовательные. Поэтому мы можемъ раздѣлить ассоціацію — на ассоціацію одновременную и ассоц. преемственную“²⁾. „Въ ассоціаціяхъ преемственныхъ способность воспроизводить идеи развивается только (sic!) въ томъ порядкѣ, въ которомъ образовалась ассоціація“³⁾. „Способность ассоціаціи оказывается болѣе слабой, по мѣрѣ того какъ число одновременныхъ или преемственныхъ впечатлѣній увеличивается“⁴⁾. „Посредствомъ ассоціаціи простыя идеи обращаются въ идеи сложныя“. Такъ напр., если ощущеніе А въ разное время было ассоціировано съ каж-

1) *Ib. prop. X. pag. 104.*

2) *Ibid.* Далѣе поясняетъ Гертли свое положеніе примѣрами. Такъ напр., „имена, запахи, вкусы и осязательныя качества тѣлъ природы сообщаютъ воображенію ихъ видимыя явленія, т. е. возбуждаютъ ихъ зрительныя идеи и наоборотъ — эти видимыя явленія, которыя запечатлѣны зрѣніемъ, производятъ способность узнавать ихъ имена, ихъ запахи, ихъ вкусы, ихъ осязательныя качества, которыя собственно можно назвать ихъ идеями“. (*Ibid. pag. 105*).

3) *propos. X.*

4) *ibid. pag. 107.* Это положеніе, очевидно, имѣетъ въ виду фактъ такъ называемой узости сознанія, который отмѣченъ еще Локкомъ подъ названіемъ „narrowness of the human mind“. Но въ формулировкѣ Гертли это положеніе не совсѣмъ вѣрно и недостаточно опредѣленно.

дымъ изъ ощущеній В, С, D, порознь; то оно возбудить наконецъ b, c, d, одновременно, т. е. соединить ихъ одно съ другимъ¹⁾. „Когда предметы или идеи часто представлялись духу съ ихъ обычными комбинаціями, то единичный случай достаточенъ, чтобы длинный рядъ этихъ предметовъ и этихъ идей оставилъ слѣдъ, который воспроизводится въ воображеніи (и въ минимальныхъ частицахъ мозга) почти въ томъ же порядкѣ и въ томъ же отношеніи, какъ и въ этомъ единичномъ случаѣ. . . Эти соображенія, развитыя надлежащимъ образомъ, по мнѣнію Гертли, достаточны, чтобы объяснить основныя явленія памяти“²⁾.

Но не только явленія памяти Гертли считаетъ возможнымъ объяснить ассоціаціями; ими онъ объясняетъ и процессы разсудка, и чувствованія эстетическія и нравственныя. По этому поводу Гертли говоритъ: „Нѣсколько интеллектуальныхъ идей, каковы идеи красоты, чести, нравственныхъ качествъ и т. д. составлены изъ частей, которыя превращаются постепенно въ идею сложную. . .“ подобно тому, какъ изъ буквъ составляются слоги, слова, фразы³⁾. . .

Равнымъ образомъ и воспріятія (локалізація ощущеній, опредѣленіе пространственныхъ отношеній, простое и двойное зрѣніе, иллюзіи зрѣнія) Гертли объясняетъ ассоціаціями⁴⁾; а также мускульныя движенія — какъ произвольныя, такъ и полупроизвольныя⁵⁾.

Таково ученіе Гертли въ общихъ чертахъ.

1) propos. XII. pag. 117. Въ дальнѣйшемъ Гертли приводитъ и другіе типичные примѣры.

2) propos. XII, corol. VIII. Этимъ положеніемъ Гертли, очевидно, объясняетъ упражненіе памяти: благодаря оставшимся прежнимъ слѣдамъ легко можетъ образоваться новое сочетаніе, „которое воспроизводится почти въ томъ же порядкѣ“. Т. е. благодаря частымъ повтореніямъ извѣстныхъ элементовъ, они легко воспроизводятся и въ новомъ сочетаніи.

3) Propos. XII. 5 (pag. 120) et corol. X.

4) Propos.: XXXI, XXXII, LVII, LVIII, LIX.

5) Propos. XV et XXI. „Мускульныя движенія образуются вообще тѣмъ же способомъ, какъ ощущенія и идеи“. „Движенія произвольныя и полупроизвольныя могутъ быть сведены на ассоціацію“.

Совершенно независимо отъ всякихъ метафизическихъ гипотезъ обосновываетъ теорію ассоціаціи *Джемсъ Милль*. Что у Юма и Гертли было только намѣчено, то Джемсъ Милль развиваетъ подробно и старается доказать на основаніи данныхъ внутренняго опыта и психологическихъ анализовъ¹⁾. Благодаря обстоятельности своихъ изслѣдованій, благодаря послѣдовательности и ясности изложенія онъ имѣлъ большое вліяніе на преемниковъ этой школы, хотя онъ къ самой теоріи ассоціаціи ничего существеннаго не прибавилъ. И у него, какъ у Гертли, ассоціація представляетъ всеобщій законъ всѣхъ психическихъ процессовъ: она управляетъ возникновеніемъ и развитіемъ всѣхъ психическихъ процессовъ и способностей; она соединяетъ и координируетъ въ группы элементы нашей чувственности (*feeling*), образуя болѣе сложныя идеи и психическіе процессы²⁾.

Не только воспріятія внѣшнихъ предметовъ суть слѣдствіе ассоціацій; но даже самыя понятія субстрата, субстанціи и причины не выходятъ за кругъ ассоціаціи. Равнымъ образомъ и тожество нашего „Я“ у Джемса Милля, подобно какъ у Юма, это — рядъ преемственныхъ состояній сознанія, воспринимаемыхъ нами непосредственно. (Относительно другихъ лицъ это дѣлается посредственно, т. е. по аналогіи съ нашимъ „Я“). Такимъ образомъ тожество личности и у Джемса Милля, какъ у Локка и Юма, есть дѣйствіе памяти и ассоціаціи, а не

1) Въ противность своему предшественнику Гертли и своимъ преемникамъ, Джемсъ Милль, за исключеніемъ двухъ отрывковъ одной главы, не занимается фізіологіей и вовсе не задается цѣли устанавливать параллелизмъ между фактами фізіологическими и психическими.

2) Всѣ факты внутренняго и внѣшняго опыта для Джемса Милля не что иное, какъ ассоціированные элементарные психическіе акты (*feeling*). Подъ этимъ терминомъ Джемсъ Милль обнимаетъ всѣ факты нашей сознательной жизни, какъ Локкъ подъ терминомъ „идея“. Ихъ онъ дѣлитъ, какъ и Гертли: 1) на ощущенія и 2) на идеи. (*James Mill, Analysis of the phenomena of the human mind. London 1878, I. vol. pag. 52* цитир. по *L. Ferri*). Само понятіе ассоціаціи онъ понимаетъ тоже согласно съ Гертли.

самостоятельное начало. Вѣра въ тожество личности присоединяется къ вѣрѣ въ единство, обусловливаемое ассоціаціей. А сама эта вѣра есть иллюзія, вызываемая интенсивностью ассоціаціи. „Эта интенсивность производитъ два дѣйствія: 1) она связываетъ другъ съ другомъ соединяемые элементы такъ тѣсно, что ихъ множественность исчезаетъ передъ кажущимся единствомъ; 2) она дѣлаетъ комбинацію неразрывной, такъ что если одинъ изъ элементовъ существуетъ, и остальные существуютъ по необходимости“¹⁾. Неразрывной ассоціаціей Джемсъ Милль объясняетъ правильно нѣкоторые сложные процессы, между прочимъ и нѣкоторыя бессознательныя умозаключенія и дѣйствія. Въ этомъ состоитъ его оригинальное дополнение къ теоріи ассоціаціи. Къ ассоціаціямъ сводятся и процессы воли, активнаго вниманія, рефлексіи. Вся кажущаяся независимость нашего „Я“, по мнѣнію Джемса Милля, а равно и способность управлять и контролировать ходъ нашихъ мыслей и дѣйствій — однѣ только иллюзіи²⁾.

Такимъ образомъ Джемсъ Милль оказывается самымъ рѣшительнымъ и самымъ крайнимъ представителемъ всеобщности ассоціаціонной теоріи. Въ этомъ отношеніи не сравнялся съ нимъ ни одинъ изъ послѣдователей этой теоріи, жившихъ послѣ него.

Уже его сынъ *Джонъ Стюартъ Милль* внесъ значительныя поправки въ эту теорію, хотя и онъ работалъ въ томъ же направленіи и въ общемъ придерживается той же теоріи. Мало этого, онъ распространяетъ ее не только на психологію, но и на всѣ отрасли философіи, не исключая и метафизики. Но превосходя своего отца по глубинѣ ума и по обширности эрудиціи, онъ могъ глубже проникнуть въ механизмъ душевныхъ процессовъ: такъ онъ отмѣчаетъ

1) Op cit. chap. XI.

2) См.: L. Ferri; La psychol. de l'assoc. II. partie chap. I. pag. 86—93.

активность души въ болѣе сложныхъ душевныхъ процессахъ, каковы — процессы вниманія и отвлеченія, т. е. выработки общихъ понятій; а равно и въ эмоціяхъ, аффектахъ и актахъ воли ¹⁾). Вслѣдствіе этого Джонъ Ст. Милль распространяетъ понятіе ассоціаціи и на внутреннюю активность человѣческаго духа, а не только на ощущенія и внѣшнія условія ихъ образованія, какъ это дѣлаетъ его отецъ. И относительно воспроизведенія Джонъ Стюартъ расходится какъ съ нимъ такъ и съ Гертли: онъ возстановляетъ ассоціацію по сходству, какъ особый законъ, считая ее, согласно съ Юмомъ, первымъ и всеобщимъ закономъ воспроизведенія. Мало этого, законъ по смежности онъ считаетъ зависящимъ отъ перваго ²⁾). Законъ контраста (Аристотеля) и онъ, согласно съ Джемсомъ Миллемъ, не признаетъ за самостоятельный ³⁾).

Того же направленія, какъ Джонъ Стюартъ Милль, придерживается и *А. Бэнъ*; однако онъ ограничивается примѣненіемъ ассоціаціонной теоріи въ одной психологіи: общефилософскими вопросами, исключая своей Логики, онъ не занимается. Вообще Бэнъ и въ психологіи привязанъ болѣе къ детальнымъ фактамъ, которые онъ описываетъ; въ ихъ же объясненіе и обобщеніе онъ не всегда вдается. Такъ напр. общихъ свойствъ души, какова ея активность, Бэнъ не рассматриваетъ; но все же онъ приводитъ и описываетъ нѣкоторые факты, доказывающіе эту активность. Въ этомъ отношеніи онъ впервые отмѣчаетъ

1) Въ активную сторону души его отецъ Джемсъ Милль не вникъ и не выдѣлилъ ея надлежащимъ образомъ, хотя у него и встрѣчаются соотвѣтствующія названія, указывающія на активность души. Въ этомъ отношеніи Джонъ Стюартъ Милль придерживается ученія Рида и шотландской школы, а равно и относительно отдѣленія психологіи отъ физиологіи. Джонъ Стюартъ Милль совсѣмъ не допускаетъ изслѣдованія зависимости состояній духа отъ соотвѣтственныхъ состояній тѣла, придерживаясь изученія души исключительно съ ея субъективной стороны.

2) James Mill, *Analysis...* изд. Джона Стюарта Милля примѣч. къ III. гл.

3) John St. Mill, *Logic*. b. I. chap. V. § 6 et b. III. chap. XXIV.

самопроизвольныя движенія (мускульныя сокращенія), которыя независимы отъ ассоціацій¹⁾. Равнымъ образомъ Бэнъ подъ названіемъ первичной памяти приводитъ факты преемственныхъ образовъ, которые отмѣтилъ еще Гертли, и которые тоже не вяжутся съ ассоц. теоріей. Примѣненіе этой теоріи у Бэна къ психическимъ процессамъ недостаточно ясно очерчено. Такъ напр. первичныя отправленія интеллекта по Бэну состоятъ: въ различеніи (законъ относительности), въ ассимиляціи и въ удерживаніи; но послѣднее у него оказывается дѣйствіемъ двухъ первыхъ операцій, которыя, повидимому, относятся только къ образованію первичныхъ фактовъ сознанія (ощущеній и воспріятій²⁾. Подъ ассоціаціями Бэнъ разумѣетъ готовыя образованія (сочетанія элементовъ), а не самыя законы, управляющіе этими образованіями (сочетаніями). Таковыхъ законовъ онъ признаетъ два: 1) по смежности и 2) по сходству. А самыя ассоціаціи Бэнъ дѣлитъ: на простыя, сложныя, ассоц. по контрасту и ассоц. построительныя. (Въ этомъ дѣленіи Бэнъ, очевидно, руководствовался принципомъ сложности сочетаній.) Законъ смежности Бэнъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: „Дѣйствія, ощущенія и состоянія

1) То, что эти самопроизвольныя движенія не вяжутся съ ассоц. теоріей, Бэнъ не подвергаетъ обсужденію. Онъ склоненъ ихъ объяснять физиологическими процессами, связанными съ отдыхомъ. (См. A. Bain, *The Sens and Intellect*, b. I. chap. I.)

Тѣ же самопроизвольныя движенія въ послѣдствіи были наблюдаемы на дѣтяхъ Прейеромъ, который ихъ въ отличіе отъ рефлекторныхъ движеній называетъ „импульсивными“. (См.: Preyer, *Die Seele des Kindes* VIII. u. IX. S. 208 u. ff.)

Вундтъ ихъ тоже признаетъ подъ названіемъ „автоматическихъ“ функцій нервныхъ центровъ. Впрочемъ онъ ихъ распространяетъ не только на моторныя центры, но и на чувственные, благодаря которымъ „могутъ происходить и ощущенія и задержки“, т. е. задержки функцій другихъ центровъ. (См.: Wundt, *Physiolog. Psychol.* I Bd. V. cap. 2.)

2) Впрочемъ контрастъ Бэнъ разсматриваетъ и „какъ фазисъ первичной функціи ума, называемой различеніемъ или относительностью“ и какъ производную ассоціацію, которая можетъ быть сведена то на сходство, то на смежность, то на дѣйствіе нѣкоторыхъ эмоцій. (A. Bain, *op. cit.* chap. III. § 10.)

чувства (эмоціи), которыя представляются вмѣстѣ другъ съ другомъ или же въ непосредственномъ преемствѣ, стремятся соединиться одно съ другимъ такимъ образомъ, что если въ послѣдствіи одно представится въ умѣ, то и остальные могутъ быть вызваны мысленно¹⁾. Законъ воспроизведенія по сходству Бэнь формулируетъ такъ: „Дѣйствія, ощущенія, мысли, эмоціи настоящія стремятся воспроизвести сходныя съ ними изъ предшествовавшихъ впечатлѣній и состояній“²⁾. Этими двумя законами воспроизведенія Бэнь старается объяснить всѣ болѣе сложные душевные процессы не только интеллекта, но и эмоціональные и волевые.

Болѣе философски разсматриваетъ явленія духа *Гербертъ Спенсеръ*. Хотя и онъ придаетъ весьма широкое значеніе ассоціаціямъ въ объясненіи душевныхъ процессовъ; однако его нельзя считать феноменистомъ. Въ противность Юму, онъ признаетъ существованіе субстанціи духа въ отличіе отъ ея явленій. По его словамъ, „въ духѣ то, что продолжаетъ оставаться, несмотря на всѣ измѣненія, что поддерживаетъ единство агрегата, наперекоръ всѣмъ попыткамъ раздѣлить его, есть то, существованіе чего можетъ быть утверждаемо въ полномъ смыслѣ этого слова и что мы должны назвать субстанціей духа, въ отличіе отъ разнообразныхъ формъ, которыя онъ принимаетъ“. „То, что связываетъ вмѣстѣ впечатлѣнія и идеи, не отсутствуетъ никогда“³⁾. Процессы душевные, хотя ихъ Спенсеръ приводитъ въ связи съ явленіями физиологическими и біологическими, но все же не отождествляетъ съ этими: онъ ясно сознаетъ всю несостоятельность матеріализма, какъ метафизической гипотезы⁴⁾. Самъ

1) A. Bain, The Sens and Intellekt II. chap. I.

2) Ibid. chap. II.

3) H. Spencer, Princ. of Psychology II. chap. I. § 59, рус. перев. СПб. 1876, I. т. стр. 152.

4) По этому поводу Спенсеръ въ своей психологіи говоритъ слѣдую-

же Спенсеръ въ своей психологіи придерживается гипотезы психофизическаго параллелизма¹⁾; этотъ параллелизмъ онъ старается провести во всѣхъ областяхъ душевной жизни, распространяя его и на наслѣдственную преемственность въ цѣлыхъ рядахъ поколѣній, т. е. согласуя его съ эволюціонной теоріей. Классификацію „ближайшаго состава духа“, т. е. совокупности явленій духа, онъ проводитъ систематичѣ Бэна. По способу происхожденія онъ раздѣляетъ всѣ душевные акты (чувствованія = feeling) — на центральные (эмоціи) и периферическіе (ощущенія); а эти послѣдніе онъ подраздѣляетъ на ощущенія внутренняго происхожденія („энтопериферическія“) и ощущенія внѣшняго происхожденія („эпипериферическія“²⁾. По содержанію онъ дѣлитъ всѣ составныя части духа на два большихъ разряда — на чувствованія въ широкомъ смыслѣ (feeling) и на отношенія между ними. Первые „занимаютъ достаточно обширное мѣсто въ сознаніи“; „они имѣютъ нѣкоторую самостоятельность, ограниченную отъ сосѣднихъ частей сознанія качественными контрастами“; они представляются сознанію (при интроспективномъ наблюденіи) однородными. Напротивъ, отношенія „не имѣютъ никакого независимаго мѣста, никакой собственной индивидуальности“³⁾. „Отношеніе между чувствованіями есть часть сознанія, не раз-

щее: „Единица чувствованія (feeling) не имѣетъ ничего общаго съ единицею движенія; . . . можно было бы показать, что представленіе о колеблющейся молекулѣ построено изъ многихъ единицъ чувствованія, и что отождествлять его съ нервнымъ толчкомъ значило бы отождествлять цѣлую группу единицъ съ одной единицей“. (Op. cit. II. chap. I. § 62; рус. перев. I. т. стр. 164). „Идеи о веществѣ и движеніи представляютъ лишь простые символы непознаваемыхъ реальностей; онѣ суть сложныя состоянія сознанія, построенныя изъ единицъ чувствованія“. (Ib. § 63. стр. 166). „Еслибъ мы были принуждены избрать между двумя крайностями — между переводомъ душевныхъ явленій на явленія физическія или переводомъ физическихъ явленій на явленія душевныя: то мы согласились бы скорѣе принять послѣднюю альтернативу“. (Ib. § 63. стр. 165).

1) Ibid. §§ 61—63.

2) Op. cit. chap. VII. § 112, рус. пер. стр. 257.

3) Ibid. § 65, стр. 16.

дѣлимая на части“, между тѣмъ какъ самыя „чувствованія допускаютъ воображаемое подраздѣленіе ихъ на сходныя части по послѣдовательности или по сосуществованію“¹⁾. „Для существованія отношенія требуется возникновеніе нѣкотораго измѣненія — переходъ отъ одного однороднаго состоянія къ другому, предполагающій мгновенный толчекъ, произведенный наступленіемъ новаго состоянія“²⁾. Отношенія могутъ быть раздѣлены по ихъ содержанію („по степени и по роду измѣненія“) на отношенія сходства и отношенія несходства; послѣднія могутъ быть подраздѣлены на отношенія количественнаго несходства и на отношенія качественнаго несходства“³⁾. По порядку возникновенія Спенсеръ дѣлитъ отношенія: на отношенія сосуществованія и отношенія послѣдовательности⁴⁾. Значеніе отношеній для образованія сложныхъ психическихъ процессовъ Спенсеръ опредѣляетъ слѣдующими выраженіями: „Присутствіе относительныхъ элементовъ, проявляющееся во взаимныхъ ограниченіяхъ чувствованій, одновременныхъ и послѣдовательныхъ, сопровождается взаимной связностью чувствованій“⁵⁾. Рассматривая съ этой точки зрѣнія порознь различныя области сознанія Спенсеръ отмѣчаетъ фактъ, что чувствованія эпипериферическія, т. е. тѣ, которыя возникаютъ вслѣдствіе внѣшнихъ раздраженій, „отличаются большей частью преобладаніемъ относительныхъ элемен-

1) *ibid.* стр. 171.

2) *Ibid.* § 67, стр. 174.

3) *Ibid.* Всѣ маркировки цитированныхъ изъ соч. Спенсера мѣстъ принадлежать мнѣ.

4) „Однако это фундаментальное раздѣленіе отношеній, по словамъ Спенсера, зависитъ само отъ предыдущаго раздѣленія на отношенія равенства или сходства между чувствованіями и отношенія неравенства или несходства между ними“. (*Ibid.* § 67, стр. 174).

5) *Ibid.* § 69, стр. 179. „Рядомъ съ возрастающей опредѣленностью взаимнаго ограниченія идетъ и возрастающее стремленіе ко взаимному сдѣленію“, т. е. способность къ ассоцірованію. (*Op. cit.* § 112, стр. 258).

товъ“¹⁾. Этотъ фактъ констатированъ Спенсеромъ для чувствованій одной и той же группы. Относительно чувствованій различныхъ группъ Спенсеръ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что они не ограничиваютъ другъ друга такъ отчетливо, какъ чувствованія того же самаго порядка и что „чувствованія разныхъ группъ связываются между собою менѣе сильно, чѣмъ чувствованія той же самой группы“²⁾. „Способность къ ассоцірованію и оживаемость (способность воспроизведенія) идутъ рука объ руку“³⁾. „Оживаніе (воспроизведеніе) извѣстнаго чувствованія достигается только (sic!) при посредствѣ другого чувствованія или чувствованій, съ которыми оно ассоціровано. Отсюда слѣдуетъ, что тѣ условія, которыя благопріятствуютъ оживаемости, суть тѣ же условія, которыя благопріятствуютъ тоже и способности ассоцірованія“⁴⁾. Самые законы ассоцірованія, какъ они формулировались Бэномъ, Джонъ Стюартъ Миллемъ и другими предшественниками Спенсера, онъ не признаетъ за основныя. „Такъ называемый законъ ассоціаціи по смежности, по словамъ Спенсера, сводится на сходство отношенія во времени или въ пространствѣ, или въ томъ и въ другомъ“⁵⁾. Поэтому ассоцірованіе по смежности, какъ она обыкновенно понимается, Спенсеръ считаетъ „посредственнымъ“, т. е. совершаемымъ при участіи промежуточныхъ сходныхъ элементовъ⁶⁾. По разъясненіямъ Спенсера, „каждое чувствованіе въ моментъ своего возникновенія мгновенно ассоціруется не только со своимъ клас-

1) Ibid. § 70, стр. 181.

2) Ibid § 72, стр. 186. Изъ этого же факта явствуетъ, что чувствованія одной и той же группы имѣютъ свою собственную внутреннюю связь, независимую отъ опыта особы, т. е. отъ приобретенныхъ ею ассоціацій.

3) Ibid. § 112, стр. 258 и 259.

4) Ibid. стр. 259.

5) Ibid. § 120, стр. 274.

6) Ibid. § 113, стр. 260 и § 120, стр. 275.

сомъ, но также и со своимъ подклассомъ 1). „Первичная и существеннѣйшая ассоціація есть ассоціація между каждымъ чувствованіемъ и между классомъ, порядкомъ, родомъ, видомъ и разновидностью предшествовавшихъ чувствованій, подобныхъ ему самому“. (По всему вѣроятію, здѣсь Спенсеръ подъ предшествовавшими „чувствованіями“ разумѣетъ не самые сознательные акты, а ихъ слѣды или же бессознательное функционированіе ихъ субстратовъ, т. е. нервныхъ клѣтокъ). Дальше поясняетъ Спенсеръ: „Чувствованіе не можетъ вовсе стать элементомъ духа, если оно не будетъ ассоціровано съ предшествовавшими чувствованіями болѣе или менѣе той же самой природы. Въ процессѣ этой автоматической ассоціаціи каждое чувствованіе соединяется мгновенно съ большою группою, къ которой оно принадлежитъ; затѣмъ . . . подгруппою. . . Автоматическій характеръ процесса измѣняется только тогда, когда дѣло доходитъ до самыхъ мелкихъ группъ“ 2). Наконецъ, Спенсеръ заключаетъ § 115 въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Это соединеніе каждаго чувствованія съ прежде испытанными чувствованіями того же самаго класса, порядка, рода, вида и, насколько это возможно, той же самой равновидности есть единственный процессъ ассоціаціи чувствованій. Всѣ другія явленія ассоціаціи чувствованій суть послѣдствія соединенія этого процесса съ параллельнымъ и одновременнымъ процессомъ, который будетъ описанъ въ слѣдующей главѣ“, т. е. съ процессомъ ассоцірованія отношеній 3). Дѣло въ томъ,

1) Ibid. § 114, стр. 262.

2) Ibid. § 115, стр. 263. Этими разсужденіями Сп., очевидно, анализируетъ и объясняетъ процессы узнаванія и апперцепціи; но они не объяснимы его клѣточной гипотезой, по которой будто „ассоціація чувствованія съ предшествующими подобными же чувствованіями соотвѣтствуетъ физическому возбужденію сызнава (geexcitation) тѣхъ же самыхъ структурныхъ элементовъ“. (§ 116, стр. 265). Несостоятельность подобнаго предположенія опровергають мои возраженія и анализы, приведенные въ V. и VI. главахъ.

3) Ibid. стр. 264. Къ такому же результату привели и изслѣдованія

что по Спенсеру, и отношенія между чувствованіями, хотя они „не имѣютъ никакой собственной индивидуальности“, способны ассоціироваться другъ съ другомъ, подобно какъ и самыя чувствованія, а именно со своими классами и подклассами¹⁾. „Актъ распознанія отношенія, какъ такого-то, и актъ ассоціаціи, по Спенсеру, суть двѣ стороны одного и того же акта“²⁾.

Такимъ образомъ по Спенсеру основнымъ дѣятелемъ въ процессахъ познанія и воспроизведенія оказывается сходство (отношенія сходства). Въ образованіи же первичныхъ фактовъ сознанія играетъ существенную роль отношеніе несходства, вызываемое перемѣной въ состояніи сознанія. Сходство соединяетъ элементы сознанія, „интегрируетъ“ ихъ; а несходство разъединяетъ, „дифференцируетъ“ ихъ. Дифференціація и интеграція это — два

нашего психолога проф. Н. Ланге „о законѣ перцепціи“, опубликованныя 1893 года. Этотъ почтенный ученый по этому поводу говоритъ слѣдующее: „Работами Вундта, Экснера, Дондерса и др. было установлено, что существуетъ три формы простѣйшихъ психическихъ процессовъ, а именно: 1) воспріятіе, 2) различіе и 3) выборъ... Мое изслѣдованіе, говоритъ проф. Н. Ланге, привело меня къ убѣжденію, что въ основѣ всѣхъ этихъ процессовъ лежитъ одинъ принципъ. одинъ и тотъ же законъ, и притомъ законъ весьма общаго характера и весьма своеобразнаго содержанія. Этотъ общій законъ можно выразить такъ: *процессъ всякаго воспріятія состоитъ въ чрезвычайно быстрой смѣнѣ цѣлаго ряда моментовъ или ступеней, причемъ каждая предыдущая ступень представляетъ психическое состояніе менѣе конкретнаго, болѣе общаго характера, а каждая слѣдующая — болѣе частнаго и дифференцированнаго.* Такимъ образомъ, поясняетъ проф. Н. Ланге, всякое ощущеніе сознается нами въ первый моментъ какъ совершенно простой, безъ всякихъ качествъ „толчекъ въ сознаніи“: мы имѣемъ сознаніе о томъ, что *что-то* случилось, но *что* именно, въ этотъ моментъ мы еще не сознаемъ. Затѣмъ, во второй уже моментъ, является сознаніе о томъ, *какого* рода это раздраженіе, т. е. зрительное ли оно, или слуховое, или осязательное;... Въ слѣдующій, уже третій моментъ возникаетъ сознаніе о еще болѣе частныхъ свойствахъ появившагося раздраженія, т. е. мы знаемъ уже, какой именно это цвѣтъ, или какой именно это звукъ, и т. д. . . Знаніе о формѣ и точная локализація возникаютъ лишь въ четвертый моментъ“. (См. *Н. Ланге*, Психологич. изслѣдованія, Одесса 1893, стр. 1 и 2).

1) Ibid. § 117, стр. 266 и § 119, стр. 269.

2) Ibid. § 120, стр. 277.

основныхъ процесса, которые управляютъ развитіемъ духа. Въ то же время они представляютъ собою коррелаты соотвѣтственной имъ структуры и развитія нервной системы и даже отношеній внѣшняго міра, поскольку онъ дѣйствуетъ на живыя существа¹⁾).

Вотъ главнѣйшія положенія психологіи Спенсера, которыя имѣютъ отношеніе къ нашему вопросу. Спенсеромъ я заканчиваю рядъ выдающихся представителей ассоціаціонной психологіи въ Англіи.

У насъ, въ Россіи, къ этой же школѣ принадлежалъ покойный проф. *М. Троицкій*. Въ своемъ весьма содержательномъ и продуманномъ произведеніи „Наукъ о духѣ“ онъ въ общемъ проводитъ взгляды ассоціаціонной школы, оставляя однако въ сторонѣ фізіологію нервной системы. Зато онъ признаетъ въ составѣ духа „психическія потенціи, готовности и способности“,²⁾ а также разсматриваетъ „психическія отношенія производительныя“ и „возвратныя“³⁾. Подъ этими терминами проф. Троицкій разсматриваетъ факты творчества, самосознанія, самонаблюденія, самообладанія, которые не укладываются въ рамку ассоціацій, въ особенности, если ихъ разсматривать независимо отъ психическихъ субстратовъ или по крайней мѣрѣ субстанціи духа. Въ этихъ видахъ для этихъ процессовъ проф. Троицкому понадобилось не мало новыхъ терминовъ, подъ которыми, очевидно, нужно предполагать и особыхъ дѣятелей. Такимъ образомъ въ этихъ отдѣлахъ феноменизмъ проф. Троицкаго только кажущійся: какъ онъ ни избѣгаетъ терминовъ „я“ и „душа“; но самосознанія и самодѣятельности онъ не могъ замолчать, хотя и замаскировалъ эти дѣятельности разными „отношеніями“.

1) a) *Ibid.* § 273, стр. 367; et III. chap. XI. (рус. пер. т. II. стр. 100—108).

b) H. Spencer, *First principles*, chap. XV—XVII, XXIV, § 151—153.

2) М. Троицкій, *Наука о духѣ*, т. I. стр. 29—33. Въ этомъ сочиненіи проф. Троицкій разрабатываетъ съ психологической точки зрѣнія также и вопросы гносеологіи и соціологіи.

3) Тамъ же § 14—16 и 19.

Вопросъ о воспроизведеніи проф. Троицкій формулируетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Всѣ законы, управляющіе мышленіемъ человѣка, какъ произвольною рефлексією прошлой психической дѣйствительности, могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ, извѣстнымъ подъ общимъ именемъ законовъ ассоціаціи, и подъ спеціальными названіями закона смежности и закона сходства“¹⁾. Формулировка закона смежности была приведена выше (на стр. 14). „Закономъ сходства“ проф. Троицкій называетъ „стремленіе мышленія (sic!) къ рефлексіи всѣхъ прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ, сходныхъ съ фактами текущими“²⁾. Дальше поясняетъ проф. Троицкій „Каждый текущій фактъ психическаго существованія человѣка можетъ освѣтить (sic!) въ мысляхъ всѣ сходные съ нимъ прошлые психическіе опыты — какъ бы ни было велико по времени разстояніе послѣднихъ отъ перваго, — если такая умственная рефлексія не встрѣчаетъ какихъ-нибудь препятствій“³⁾. „Что законъ смежности и законъ сходства управляютъ всѣмъ мышленіемъ человѣка, какъ невольною рефлексією его прошлой психической дѣйствительности, — это, по мнѣнію проф. Троицкаго, всего удобнѣе доказать, изслѣдуя происхожденіе его основныхъ и произвольныхъ направленій: историческаго, логическаго и трансцендентнаго. Такія изслѣдованія, по мнѣнію проф. Троицкаго, приводятъ къ убѣжденію, что первое, т. е. историческое направленіе мышленія обязано своимъ происхожденіемъ собственно закону смежности; второе, логическое, — закону сходства; а третье, трансцендентное, — совмѣстному вліянію того и другого“⁴⁾.

1) Въ томъ же соч. II. т. § 288 стр. 65.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же стр. 66.

4) Тамъ же. „Трансцендентнымъ направлениемъ человѣческаго мышленія“ проф. Троицкій называетъ „наблюдаемое въ немъ же, и

Этими немногими выдержками я считаю достаточно охарактеризованными взгляды проф. Троицкаго на ассоціаціонную теорію: они почти совпадаютъ со взглядами Джемса Милля и Юма.

М. Троицкій представляетъ намъ послѣднюю фазу развитія ассоціаціонной психологіи. Дальше этого она, кажется, и не поидеть. Представители этого направленія ассоціаціонную теорію не ограничиваютъ однимъ воспроизведеніемъ душевныхъ актовъ, но распространяютъ ее и на разумъ, и на чувство (эмоціи), и на волю; этой теоріей они объясняютъ и самосознаніе и самодѣятельность и даже самые сложные процессы, каковы процессы художественнаго творчества. Ассоціаціонная психологія въ ея чистомъ видѣ, т. е. въ видѣ психологическаго феноменизма, въ настоящее время стала терять свое обаяніе даже въ Англіи; но въ союзѣ съ неврофізіологіей и съ гипотезой психофізическаго параллелизма она почти неограниченно господствуетъ и въ Европѣ, и въ Сѣверной Америкѣ.

современное обоимъ предыдущимъ (т. е. и историч. и логическому направленіямъ) стремленіе прошлой, слѣдовательно феноменальной, психической дѣйствительности — къ рефлексіи въ идеяхъ дѣйствительности нефеноменальной, — т. е. нефеноменального существа вещей, и ихъ нефеноменальныхъ отношеній“. (Тамъ же, стр. 65. Маркировки принадлежатъ самому автору „Науки о духѣ“). Даже изъ этого одного мѣста вполне явствуетъ точка зрѣнія почтеннаго профессора. Этими длинными и отвлеченными терминами проф. Тр. очевидно, хотѣлъ обозначить не что иное какъ стремленіе человѣческаго разума къ метафизикѣ. Но по словамъ почтеннаго профессора, не духъ и не разумъ человѣка имѣетъ стремленіе къ „рефлексіи въ идеяхъ нефеноменального существа вещей и ихъ нефеноменальныхъ отношеній“, а сама „прошлая психическая дѣйствительность“, т. е. по обычной терминологіи, „память“, или же „слѣды“ или „субстраты“ прошлыхъ душевныхъ актовъ. То, что связываетъ отдѣльные душевные акты, то, что обусловливаетъ ихъ узнаваніе и тожество, а съ нимъ и все наше познаніе, — въ этой ассоціаціонной теоріи отсутствуетъ. Весь человѣческій духъ расщепленъ только на „отношенія“, безъ связующаго ихъ начала. Даже матерія познанія (Канта) и то, что Спенсеръ называетъ чувствованіями въ широкомъ смыслѣ (feeling), и то сведено Троицкимъ на „отношенія“.

X.

Притязанія асоціаціонной теоріи объясняютъ всѣ душевные процессы встрѣтили отпоръ уже въ лицѣ Рида, равно и другихъ представителей шотландской школы, а затѣмъ и среди нѣмецкихъ психологовъ. Признавая въ общемъ законы асоціаціи въ процессахъ воспроизведенія, шотландцы то ограничивали ихъ, то формулировали различно, принаравливая ихъ къ своимъ основнымъ началамъ и воззрѣніямъ.

Прежде всего *Ридъ* сталъ оспаривать феноменизмъ Джорджа Беркли и Дэвида Юма, изъ коихъ первый отвергалъ матерію, а Юмъ субстанціи вообще. По Риду, Юмомъ душа представлена какъ рядъ идей и впечатлѣній безъ всякаго связующаго ихъ субстрата. вмѣстѣ съ тѣмъ Ридъ совершенно основательно указываетъ на неправильное пониманіе и употребленіе термина „идея“ въ „Опытѣ“ Локка и въ „Трактатѣ о человѣческой природѣ“ Юма, въ которыхъ идея отождествляется со слабой копией прежняго впечатлѣнія; вслѣдствіе такого предположенія мышленіе ошибочно сводится на образы отъ прежнихъ впечатлѣній¹⁾. Уже изъ этихъ опроверженій Рида вытекаетъ, что наше мышленіе (сужденіе) не можетъ быть сведено на воспроизведеніе по механическимъ законамъ асоціаціи, но что въ немъ проявляется самопроизвольная дѣятельность человѣческаго духа. Но Ридъ распространяетъ свое возраженіе противъ асоціаціонной теоріи на всѣ душевные процессы, признавая въ душѣ и самодѣятельное начало, помимо волевыхъ актовъ. По выраженію Рида, „изъ устройства самаго духа (mind) происходитъ всплываніе (ebullition) мыслей, постоянное внутреннее движеніе — и не только мыслей чисто спекулятивныхъ, но и чувствованій (sentiments) страстей и аффек-

1) См.: Th. Reid, Inquiry into the Human Mind on the Principles of Common Sense, II. sect. 3—9.

товъ“¹⁾. Такъ напр. относительно творчества Ридъ образно говоритъ слѣдующее: „Способность изобрѣтенія не производится идеями, но она предшествуетъ имъ, подобно почкѣ древесной, которая готова разорвать свои покровы, когда нѣкоторыя обстоятельства содѣйствуютъ ея вскрытію“²⁾.

Въ потокѣ идей (*train of ideas*) Ридъ отличаетъ два рода, которые впрочемъ могутъ и смѣшиваться³⁾. „Одинъ изъ нихъ — тотъ, который течетъ самопроизвольно (*spontaneously*), какъ вода изъ фонтана, безъ напряженія со стороны какого-нибудь руководящаго принципа, который бы его приводилъ въ порядокъ. Другой же (потокъ) упорядоченъ (*regulated*) и управляемъ дѣятельнымъ усиленіемъ духа, съ нѣкоторымъ намѣреніемъ и стремленіемъ (*view and intention*⁴⁾). Этотъ „правильный“ потокъ мыслей Ридъ не объясняетъ, подобно ассоціанистамъ, исключительно законами ассоціаций. Равнымъ образомъ онъ не допускаетъ „объясненій этой правильности теченія мыслей посредствомъ движенія жизненныхъ духовъ (*esprits animaux* Лейбница), вибрацій нервовъ (подобно Гертли), притяженія идей (подобно Юму и Цанотти⁵⁾), или посредствомъ другой, не мыслящей (*unthinking*) причины — ни механической ни случайной; эти объясненія онъ считаетъ „въ равной степени неразумными“ (*irrational*⁶⁾). Главную роль въ такомъ правильномъ потокѣ мыслей Ридъ приписываетъ волѣ мыслящаго субъекта, которая стоитъ выше ассоціаций, которая руководитъ ими.

1) Th. Reid, *Essays on the Intellectual Powers of Man*. Edinb. 1785 Ess. IV. chap. IV. pag. 406.

2) *Op. cit.* pag. 417.

3) Терминъ „идея“ и Ридъ принимаетъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, говоря: „Память, сужденіе, умозаключеніе (*reasoning*) страсти, аффекты и намѣренія — однимъ словомъ, каждый душевный процессъ, исключая ощущеній (*sense*), возбуждается при случаѣ въ потокѣ мыслей и имѣетъ свое мѣсто, какъ составная его часть“. (*ibid.*)

4) *Ibid.* pag. 407.

5) F. M. Zanotti, *Della forza attrattiva delle Idee*. (Издано подъ псевдонимомъ и подъ ложной датой Неаполь 1747, цитир. по Ferri.)

6) Th. Reid, *op. cit.* Ess. IV. chap. IV. pag. 413.

По этому поводу Ридъ приводит слѣдующее сравненіе: „Потокомъ мыслей можно руководить и управлять, подобно тому какъ мы объѣзжаемъ лошадь. Лошадь имѣетъ въ себѣ самой свою силу, свою подвижность, свою рѣшимость; она обучается опредѣленнымъ движеніямъ и нѣкоторымъ полезнымъ навыкамъ, которые ее дѣлаютъ болѣе подчиненной нашимъ намѣреніямъ и послушной нашей волѣ: но въ концѣ концовъ въ одинъ опредѣленный день она по неволѣ управляется вѣздокомъ“¹⁾.

Въ частности Ридъ дѣлаетъ слѣдующія возраженія противъ ассоціаціонной теоріи Юма. 1) Онъ справедливо замѣчаетъ, „что хотя она вѣрна въ томъ, что мысль объ одномъ предметѣ способна насъ повести къ мысли о его причинѣ или дѣйствиі, о предметахъ, смежныхъ съ нимъ по времени и мѣсту, или о предметахъ сходныхъ, — эта теорія все-таки не точна“²⁾.

Ридъ вѣрно замѣчаетъ, „что причинность, по мнѣнію Юма, не заключаетъ въ себѣ ничего болѣе, какъ постыжную связь, наблюдавшуюся между причиной и дѣйствиемъ; поэтому смежность должна заключать въ себѣ и причинность. Такимъ образомъ три принципа притяженія (идей, т. е. законы ассоціаціи Юма) сводятся къ двумъ“³⁾. Дальше разсуждаетъ Ридъ слѣдующимъ образомъ: „Когда же мы примемъ всѣ три принципа, то это перечисленіе на самомъ

1) Op. cit. Ess. IV. chap. IV. pag. 422.

2) Ibid. pag. 424. Ридъ совершенно вѣрно отмѣтилъ, что нужно отличать идею, саму по себѣ, отъ идеи вещи, дѣйствительно существующей независимо отъ возможной ея идеи, на что ассоціационисты не обращаютъ вниманія. Но и Ридъ увлекается, полагая, что при каждой всплывшей въ умѣ „идеѣ“ или „мысли“ подразумѣвается ея дѣйствительный коррелятъ, „вещь въ себѣ“ Канта. Поэтому въ психологической формулировкѣ законовъ ассоціаціи прибавка Рида къ слову „мысль“ ея дополненія „объ одномъ предметѣ“ не всегда нужна — напр. въ отношеніи законовъ сходства и смежности.

3) Ibid. pag. 425. Закона асс. причинности раньше Рида не признавалъ Гертли въ цитированномъ выше сочиненіи „Observations on man“, изданномъ 1749 года. (См. 94 стр. наст. работы).

дѣлѣ не полно. Каждое отношеніе между предметами имѣетъ стремленіе, въ большей или меньшей степени, приводитъ мысль въ мыслящемъ духѣ отъ одной къ другой, и не только каждое отношеніе, но и каждая вещь (kind) по противоположности и противорѣчію (contrariety and opposition). Что Mr. Hume говоритъ, будто противоположность (contrariety), пожалуй, можно разсматривать какъ смѣшеніе причинности и сходства, я (говоритъ Ридъ) могу такъ же мало понять, какъ еслибъ я сказалъ, что фигура (figure), пожалуй, можетъ быть разсматриваема какъ смѣшеніе цвѣта и звука“ (sound¹). Далѣе Ридъ дополняетъ связи между идеями, будто-бы пропущенныя Юмомъ: „Наши мысли, говоритъ Ридъ, легко переходятъ отъ цѣли къ средствамъ, отъ истины — къ очевидности ея обоснованія, къ заключеніямъ, которыя могутъ быть сдѣланы изъ нея, или же къ возможному примѣненію ея“. Далѣе, по словамъ Рида, „мы легко можемъ перевести мысль отъ части къ цѣлому, отъ субстанціи — къ ея качествамъ, или отъ предмета относительнаго — къ отношенію“²).

1) Ibid. Этимъ своимъ неудачнымъ сравненіемъ Ридъ вполне удовлетворяется, какъ будто непониманіе Рида уже представляетъ достаточное основаніе невѣрности утверждаемаго Юмомъ. На это можно возразить Риду слѣдующее. Хотя Юмъ по поводу ассоціаціи по контрасту не высказался полно и вполне опредѣленно, но все же его мысль имѣетъ нѣкоторое разумное основаніе. Въ каждомъ контрастѣ (не исключая даже и логическаго противорѣчія contradictorium), безспорно, есть сходные по качеству или по отношенію элементы, чего нельзя сказать о несходствѣ Спенсера и различіи (законѣ относительности) Бэна; но кромѣ того, въ контрастахъ есть и несходный элементъ (или элементы), которые во многихъ случаяхъ можно отнести къ несходству по количеству, напр.: тепло — холодъ, длинный — короткій, много — мало, сильный — слабый. Но иногда этотъ несходный элементъ можетъ быть отнесенъ къ направленію дѣйствующей силы, напр.: движеніе вверхъ — движеніе внизъ, движеніе впередъ — назадъ, повышеніе — пониженіе. Такимъ образомъ мысль Юма все же примѣнима къ нѣкоторымъ фактамъ. Но этими случаями, конечно, еще не исчерпываются контрасты: они могутъ существовать и между болѣе сложными отношеніями вышшаго порядка, напр.: добродѣтель — порокъ, красота — безобразіе, радость — печаль.

2) Ibid. Первые два способа правильнаго потока мыслей — отъ

Вторымъ своимъ возраженіемъ противъ теоріи Юма Ридъ ограничиваетъ область примѣненія ассоціаціи идей на низшія ступени душевнаго развитія, допуская дѣйствіе одной ассоціаціи по смежности у животныхъ, слабоумныхъ и отчасти у дѣтей, т. е. до пріобрѣтенія ими навыковъ¹⁾. „Если притяженія идей (Юма) суть единственная причина правильнаго распредѣленія мыслей (*regular arrangement of thought*) въ воображеніи (*fancy*), то они, по словамъ Рида, не имѣютъ примѣненія къ сужденію (*judgment*) или ко вкусу въ любомъ творческомъ произведеніи (*composition*) и, конечно, не имѣютъ никакого мѣста въ этой дѣятельности“ (*operation*)²⁾. Это свое общее положеніе Ридъ поясняетъ и подкрѣпляетъ

дѣли къ средствамъ и отъ истины къ выводу и примѣненію ея были приведены еще Гоббсомъ, и притомъ съ поясненіями, равнымъ образомъ у Гоббса сдѣлано уже дѣленіе потока мыслей (*series imaginationum*) на правильный и неправильный. (См. *Hobbes, Leviathan. . . Cap. III. De consequ. serie imag.*) Однако какъ эти два способа смѣны идей, такъ и послѣдніе три представляютъ собою отношенія, понятія соотносительныя, не мыслимыя одно безъ другого. Слѣдовательно они обыкновенно бываютъ вмѣстѣ въ сознаніи, и съ психологической точки зрѣнія должны быть сведены къ смежности Юма, хотя кромѣ смежности соотвѣтственныя идеи связываетъ и единство отношенія. (Внутреннія ассоціаціи Вундта). Такимъ образомъ мнимое пополненіе, сдѣланное Ридомъ, оказывается несущественнымъ, и нисколько не поправляетъ теоріи Юма.

1) *Ibid.* pag. 427.

2) *Ibid.* pag. 428. Эту формулировку Рида нужно считать не совсемъ удачною: ассоціаціи играютъ важную роль во всѣхъ душевныхъ процессахъ, не исключая и творчества; но одними ассоціаціями (законами воспроизведенія идей) не можетъ быть объяснено ни творчество, ни способность сужденія. По этому мѣсту можно предполагать, что Ридъ, подобно Вольфу и другимъ психологамъ и философамъ до Гербарта, считаетъ воображеніе (*phantasy, fancy*) за особую способность духа, различную отъ сужденія и творчества. Воображеніе (*imagination*) онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опредѣляетъ какъ живое представленіе (*conception*) предметовъ зрѣнія, т. е. какъ часть представленій. (*Op. cit. Ess. IV. ch. I. pag. 371 et Ess. IV. ch. III. pag. 396, 397*). Но въ другомъ мѣстѣ той же главы (*pag. 406*) онъ заявляетъ, что вмѣсто новаго выраженія *imagination*, имѣющаго нѣсколько значеній, онъ предпочитаетъ старыя *fancy* и *phantasy*. Такимъ образомъ, воображеніе (*fancy*), какъ часть *conception*, входитъ и въ процессы сужденія (*judgment*), какъ составная часть его, хотя и не составляетъ всего, что находится въ сужденіи.

примѣрами изъ внутренняго опыта, указывая, что на потокъ мыслей имѣютъ вліяніе и наше временное настроеніе духа, наши привычки (*habits*) — нравственныя или интеллектуальныя, и наши главныя занятія¹⁾. „Поскольку въ нашей власти дать направленіе нашимъ мыслямъ — а такую, по словамъ Рида, мы несомнѣнно имѣемъ въ большой степени — онѣ будутъ управляться дѣятельными общечеловѣческими началами (*active principles common to men*) — нашими влеченіями (*appetites*), нашими страстями (*passions*), нашими привязанностями (*affections*), нашимъ разумомъ и совѣстью (*conscience*). И что потокъ мыслей въ нашемъ духѣ управляется главнымъ образомъ этимъ, согласно съ однимъ или другимъ существующимъ въ данное время преобладаніемъ (*prevails at the time*), каждый найдетъ это въ своемъ опытѣ“²⁾. Это свое положеніе Ридъ удачно подтверждаетъ разными примѣрами: остряка, философа, купца, политика, писателя комедій и романовъ³⁾. Само это „временное преобладаніе“ Ридъ объясняетъ привычкой, говоря: „Потокъ мыслей, который при частомъ повтореніи дѣлается обычнымъ (*familiar*), будетъ самопроизвольно (*spontaneously*) представляться нашему воображенію; онъ не требуетъ, повидимому, никакого другого первичнаго качества, кромѣ способности привычки“ (*power of habit*⁴⁾).

Къ этимъ возраженіямъ Рида противъ теоріи ассоціаціи, сдѣланнымъ въ его *Essays*, можно прибавить еще и изъ его *Inquiry* тѣ мѣста его анализовъ и теоріи чувственныхъ воспріятій, въ которыхъ онъ отмѣчаетъ важное значеніе вниманія для воспроизведенія и образованія воспріятій, а также фактъ забвенія, въ зависимости отъ

1) *Ibid.* pag. 425.

2) *Ibid.* pag. 426.

3) *Ibid.* pag. 426 et 427.

4) *Ibid.* pag. 426.

вниманія и истекшаго времени¹⁾. Дѣло въ томъ, что и вниманіе (активное: пассивнаго Ридъ еще не знаетъ), и забвеніе, несомнѣнно, вліяютъ на способность воспроизведенія, нарушая или усиливая связь между ассоцірованными элементами духа. Однако законами ассоціаціи вниманіе и забвеніе не могутъ быть объяснены, на что не обратили вниманія ни Ридъ, ни ассоціационисты, включающіе и „законъ вниманія“, и „законъ забвенія“ въ теорію ассоціаціи²⁾. Таковы возраженія Рида и дополненія къ ученію о воспроизведеніи, которыя не согласуются или необъяснимы теоріей ассоціаціи идей.

Ученикъ Рида *Дюгальдъ Стюэртъ*, занимавшійся болѣе тщательно этой теоріей, внесъ въ нее нѣкоторыя незначительныя дополненія, раздѣляя въ общемъ взгляды Рида. Не считая возможнымъ установить точное число законовъ ассоціаціи, — такъ какъ-де всякое отношеніе между предметами познанія можетъ служить для ихъ соединенія въ нашемъ мышленіи, — онъ по этимъ отношеніямъ дѣлитъ ассоціаціи на двѣ группы: 1) на ассоціаціи чисто субъективныхъ отношеній, 2) на ассоціаціи логическихъ и необходимыхъ отношеній, которыя имѣютъ объективное значеніе. Къ первымъ онъ относитъ отношенія сходства, аналогіи, контраста, смежности во времени и въ пространствѣ и отношенія случайнаго совпаденія звуковъ въ различныхъ словахъ. Эти отношенія представляются въ умѣ сами по себѣ, безъ усилій съ нашей стороны. Къ ассоціаціямъ логическихъ отношеній онъ относитъ отношенія: причины и дѣйствія, средства и цѣли, посылокъ

1) Th. Reid, a) Inquiry, chap. V. sect. II.; chap. VI. sect. II—VIII, XIX—XX.

b) См. также: Essays on the Intell. Powers, Ess. II. chap. XVI—XVIII.

2) Къ нимъ прежде всего принадлежитъ Джонъ Стюартъ Милль; и онъ не замѣчаетъ, что эти законы не вяжутся съ теоріей ассоціаціи идей, въ которую они должны входить какъ „важная составная часть“. (См.: J. St. Mill, Examination of Sir W. Hamiltons, philos. chap. XIV.)

и заключенія и нѣкоторыя другія, которыя управляютъ теченіемъ мыслей философа при его изслѣдованіяхъ. Для воспріятія этихъ отношеній требуется усиліе вниманія со стороны мыслящаго субъекта¹⁾.

Относительно привычки, которую Ридъ разсматривалъ какъ самостоятельную способность (power of habit), Дюгальдъ Стюартъ полагаетъ, что правильнѣе будетъ разложить ее на ассоціаціи: привычка, по его мнѣнію, приобрѣтается вслѣдствіе повторенія ряда идей, которыя (наравнѣ съ движеніями) имѣютъ склонность къ ассоціированію все болѣе и болѣе тѣснымъ образомъ. Чисто интеллектуальныя привычки, по мнѣнію Дюгальда Стюарта, разрѣшаются всецѣло въ принципъ ассоціаціи²⁾.

Еще болѣе приближается къ ассоціаціонистамъ послѣдователь Д. Стюарта и Рида *Томасъ Броунъ*³⁾. Хотя вмѣстѣ съ ними и Броунъ отвергаетъ гипотезу Гертли и не одобряетъ его уклоненія отъ настоящей области психологіи, т. е. отъ анализовъ процессовъ интеллекта; однако онъ съ Гертли раздѣляетъ стремленіе по возможности упростить первоначальныя способности интеллекта, разлагая ихъ на составныя части⁴⁾. Ассоціаціямъ, хотя и подъ новымъ названіемъ, онъ даетъ болѣе широкое примѣненіе, чѣмъ его предшественники по школѣ, ограничивающіе ихъ примѣненіе памятью и воспроизведеніемъ. Самый терминъ

1) Dugald Stewart, Elements of the philosophy of human mind, trad. fr. t. I. p. 2. См.: P. Janet et G. Séailles, Hist. de la philos. pag. 212—214.

2) Ibid.

3) Это сближеніе произошло не безъ вліянія извѣстнаго обширнаго сочиненія Эразма Дарвина, озаглавленнаго „Зоономія“; въ этомъ сочиненіи авторъ не только намѣтилъ работы и біологическую теорію своего знаменитаго внука Чарльза, но касается и теоріи ассоціаціи и происхожденія нашихъ идей и познаній. Въ этомъ отношеніи однако онъ ничего новаго не представляетъ, чего бы нельзя найти въ сочиненіяхъ Юма, Гертли и Пристли. Послѣдній, впрочемъ, въ вопросахъ психологіи воспроизводитъ въ общемъ взгляды двухъ первыхъ. (См.: L. Ferri, op. cit. pag. 80 et 343—351).

4) Thomas Brown, Lectures on the Philosophy of the human Mind, Lect. : 43 et 11.

ассоціаціи (подъ которымъ обыкновенно разумѣютъ совершившееся сочетание идей) Броунъ при объясненіи разныхъ душевныхъ процессовъ замѣняетъ терминомъ „suggestion“, подъ которымъ нужно разумѣть вызваніе (внушеніе) новой идеи. Между этими „suggestions“ онъ отличаетъ simple suggestion (простое внушеніе), которое обнимаетъ субъективныя ассоціаціи (отношенія) Дюгальда Стюэрта, и relative suggestion (чувствованіе отношенія), которое обнимаетъ логическія или необходимыя ассоціаціи (отношенія) Дюгальда Стюэрта. Къ этимъ двумъ началамъ онъ сводитъ всѣ наши умственные способности. Послѣднее начало — чувствованіе отношенія представляетъ собою высшую способность, которую Броунъ отличаетъ отъ простаго внушенія, называемаго имъ ассоціативнымъ началомъ (associating principle). Этому низшему, т. е. ассоціативному началу Броунъ приписываетъ „воспроизведеніе воспріятій отъ предметовъ разрозненныхъ или ихъ частей“, которое имѣетъ мѣсто и въ высшихъ умственныхъ операціяхъ; а чувствованіе отношенія (relative suggestion) онъ считаетъ общимъ условіемъ сужденія (judgment), общихъ идей и процессовъ мозаключенія (reasoning¹). Изъ всего изложеннаго видно, что Броунъ ближе стоитъ къ ассоціационистамъ, чѣмъ къ Шотландской школѣ „здраваго смысла“.

Еще болѣе, чѣмъ Броунъ, пытался упростить теорію ассоціаціи *Сэръ Вильямъ Гамильтонъ*, который со своей обширнѣйшей философской эрудиціей соединяетъ и способность къ психологическимъ наблюденіямъ и анализамъ.

Ассоціацію по сходству (въ сложныхъ психическихъ явленіяхъ) онъ сводитъ къ ассоціаціи по смежности. А именно, сходство между двумя сложными идеями *A* и *B* мы находимъ тогда, когда онѣ имѣютъ общій элементъ, который воспроизводитъ и остальные элементы другой идеи *B*, ассоціированные съ нимъ. Это можно пояснить слѣдующей

1) Th. Brown, Op. cit. Lect. 33. См.: L. Ferri, op. cit. pag. 79—83.

схемой. Если $A = a + b + c$; а $B = b + d + e$, то общій обоимъ идеямъ элементъ b вызываетъ по смежности и элементы d, e , т. е. всю сложную идею B . Иногда же непосредственное самонаблюдение не находитъ въ своемъ сознаниі этого общаго связующаго элемента (Гамильтонъ приводитъ удачныя примѣры своихъ самонаблюдений), но при дальнѣйшемъ анализѣ такой элементъ открывается. Въ такихъ случаяхъ Гамильтонъ предполагаетъ, что этотъ не обнаруженный непосредственнымъ воспоминаніемъ элементъ остался скрытымъ, т. е. бессознательнымъ¹⁾. Сходство между простыми элементами (ощущеніями) Гамильтонъ считаетъ неразложимымъ процессомъ, особымъ началомъ, отличнымъ отъ ассоціацій; оно служитъ основаніемъ всѣхъ ассоціацій²⁾.

Ассоціацію по смежности (въ пространствѣ и времени, преемственную наравнѣ съ одновременной) Гамильтонъ сводитъ къ одному закону, именуемому имъ „закономъ возстановленія или цѣлаго“ (law of redintegration or totality). Этотъ „законъ цѣлаго“ онъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: „Идеи, которыя прежде составляли часть того же цѣлаго акта познанія, взаимно воспроизводятъ другъ друга“³⁾.

1) Sir W. Hamilton, Lectures on metaphysics and Logic, ed. by Mansel and Veitch, I. vol. pag. 352, 353. См. также L. Ferri, op. cit. pag. 255.

2) J. St. Mill, An Examination of Sir W. Hamiltons philosophy 3. ed. ch. XIV. tr. fr. E. Cazelles pag. 302.

3) S. W. Hamilton, op. cit. II 238, et seq. Возраженія противъ этого упрощенія, сдѣланныя Джонъ Стюартъ Миллемъ, не существенны. По этому поводу Милль говоритъ слѣдующее: „Ощущеніе сладкаго вкуса, испытанное сегодня, и ощущеніе, испытанное недѣлю тому назадъ, которое я вспоминаю, не составляли раньше части одного и того же акта сознанія. . . Эти два ощущенія такъ же мало одно и то же, какъ два человѣка, которые случайно были бы вполне схожи — одинъ и тотъ же человѣкъ. (J. St. Mill, Exam. of Hamilt. philos. ch. XIV) Этотъ примѣръ, выбранный неудачно, нисколько не можетъ доказать предполагаемое Миллемъ „весьма неудачное обобщеніе“ Гамильтона. Въ этомъ можно убѣдиться изъ болѣе подходящаго конкретнаго примѣра, проанализированнаго до конца. Возьмемъ напр., сладкій вкусъ апельсина (обозначимъ его буквой c); съ нимъ у насъ ассоціировано зрительное воспріятіе апельсина a (оранжевый цвѣтъ и круглая форма), а также — мускульно-осязательныя ощущенія b (ша-

Этотъ цѣлый актъ сознанія можетъ быть двухъ родовъ: субъективнымъ или психологическимъ (субъективныя отно-

ровиднаго, мягкаго шероховатаго тѣла). Совокупность этихъ признаковъ $a+b+c$ составляетъ наше понятіе апельсина A . Предположимъ теперь, что черезъ недѣлю мнѣ положить въ ротъ кусочекъ мякоти апельсина и я испытаю его сладкій вкусъ c_1 . При этомъ я конечно вспомню и зрительное воспріятіе a_1 и сочту его за шаровидное мягкое, шероховатое тѣло, свойственное апельсинамъ, т. е. я воспроизведу идею b . Говоря коротко, элементъ c_1 воспроизведетъ сперва прежнюю идею c , а затѣмъ и смежные съ нею эlementы b и a , т. е. все понятіе A . Этотъ процессъ, конечно, предполагаетъ еще отождествленіе элемента c_1 съ элементомъ c , т. е. по терминологіи Джона Стюарта Милля, ассоціацію по сходству. Безъ предварительнаго осуществленія этой ассоціаціи не мыслимо и воспроизведеніе a и b по смежности. Въ свою очередь, воспроизведеніе черезъ воспріятіе элемента c , входящаго въ цѣлое понятіе A , по ученію Гамильтона, можетъ быть сведено на ассоціацію по смежности, если идею c и воспріятіе c_1 разсматривать за сложныя; тогда общій между ними схожій элементъ γ , неразложимый на части, составляетъ первичное начало сходства, независимое отъ ассоціаціи, а напротивъ, служащее основаніемъ въ сѣхъ ассоціаціи. (Это же воззрѣніе раздѣляетъ и Джонъ Стюартъ Милль, только онъ не дѣлаетъ различія между первоначальнымъ сходствомъ простыхъ элементовъ духа и сходствомъ сложныхъ процессовъ).

Изъ анализа этого примѣра и формулировки Гамильтона (его закона *redintegration*) вовсе не вытекаетъ требованіе, чтобы идеи c_1 и c до совершившагося воспроизведенія abc составляли одинъ актъ сознанія (это дѣлается во время самаго воспроизведенія); но ассоціація abc , несомнѣнно, составляла раньше ея воспроизведенія одинъ актъ сознанія, который воспроизводится частью его, т. е. элементомъ c . Такимъ образомъ возраженіе Милля показываетъ, что онъ не достаточно вникъ въ кругъ мыслей Гамильтона.

Еще менѣе убѣдительно другое возраженіе Милля, будто „упрощеніе, введенное Гамильтономъ, смѣшиваетъ два ясныхъ понятія (подразум. сходства и смежности), давая на ихъ мѣсто познаніе смутное... такъ какъ-де оно содержитъ въ себѣ всѣ трудности метафизическія, связанныя съ идеями единства, цѣлаго и частей“. (*Ibid.*) Для пониманія формулы Гамильтона, можно замѣтить, вовсе не нужны метафизическія выкладки о цѣломъ и части или о единицѣ. Впрочемъ, эти понятія съ метафизической стороны нисколько не труднѣе для правильнаго ихъ пониманія, чѣмъ понятія сходства и смежности: въ послѣдней заключены понятія времени и пространства, о которыхъ до сихъ поръ спорятъ философы; тогда какъ о цѣломъ и части, а равно о единицѣ не спорять. Милль могъ бы сдѣлать другое возраженіе Гамильтону, такъ какъ онъ не скупится въ этомъ отношеніи. А именно, мысль Гамильтона не оригинальна: она вскользь была уже высказана Аристотелемъ въ сочиненіи, извѣстномъ Гамильтону, (*Aristoteles, De memoria, cap. II.*); но развита она впервые Гамильтономъ.

шенія Дюгальда Стюарта, *simple suggestion* Броуна) и объективнымъ или логическимъ (логическія отношенія Д. Стюарта, *relative suggestion* Броуна). Логическій актъ представляетъ собою связи внутреннія и необходимыя, (напр. связь сказуемаго съ подлежащимъ); а первый, субъективный, содержитъ связи внѣшнія или случайныя, т. е. ассоціаціи въ собственномъ смыслѣ. Въ послѣднемъ случаѣ внутренней связи не имѣется: объединеніе совершается въ актѣ духа, соединяющемъ предшествующее съ послѣдующимъ (*law of dependance or determined consecution*). Дѣло въ томъ, что всякое измѣненіе въ ряду сознательныхъ актовъ, по мнѣнію Гамильтона, есть дѣйствіе непосредственно предшествующаго акта, поскольку они оба составляютъ части одного цѣлаго¹⁾.

Таково упрощеніе законовъ ассоціаціи, сдѣланное Гамильтономъ. Существенной прибавкой къ теоріи ассоціаціи нужно еще считать включеніе въ нее Гамильтономъ безсознательныхъ промежуточныхъ элементовъ, въ рядахъ идей²⁾, которое признаетъ большинство современныхъ психологовъ³⁾.

Важное возраженіе противъ ассоціаціонной теоріи сдѣлалъ Гамильтонъ по поводу знакомыхъ зрительныхъ воспріятій. Онъ вѣрно замѣчаетъ, что мы можемъ имѣть общее впечатлѣніе несходства портрета съ оригиналомъ, не зная въ точности составныхъ частей фізіономіи: носа, лба, глазъ. . . Изъ этого онъ дѣлаетъ обобщеніе, что воспріятія не берутъ свое начало съ элементовъ (*minima*, которыя остаются безсознательными) и что цѣлое намъ

1) Ibid. Confer: P. Janet et G. Séailles op. cit. pag. 214—215.

2) Hamilton, Lect. I. 338 seq. et II. 209, seq.

3) a) Höffding, Psychologie, 2. Aufl. V. B. 6.

b) Sully, Outlines of psychol. chap. VIII.

c) H. Spencer, Princ. of psychology, 2. ed. § 201, 202.

d) Ebbinghaus, Gedächtniss, L. 1885. § 1.

См. также изъ прежнихъ: Lotze, Medic. Psychol. §§ 389, 411, 413.

Fortlage, System. d. Psychol. § 14.

лучше извѣстно, чѣмъ его части. Это явленіе Гамильтонъ считаетъ противорѣчащимъ „неразрывнымъ ассоціаціямъ“ Джемса Милля¹⁾.

Таковы измѣненія, которыя внесъ въ ассоціаціонную теорію Гамильтонъ, самый видный представитель шотландской школы послѣдняго періода.

XI.

Ученія этой школы, равно какъ и англійской, несомнѣнно, имѣли воздѣйствіе и на нѣмецкую психологію²⁾. Въ мою задачу не входитъ изложеніе всей ассоціаціонной психологіи и ея дальнѣйшаго развитія на нашемъ материкѣ и въ Америкѣ. Я счелъ нужнымъ изложить эту теорію въ общихъ чертахъ, а равно — и главнѣйшія возраженія противъ нея только потому, что значительное большинство современныхъ психологовъ къ этой теоріи сводитъ вопросъ о воспроизведеніи идей, съ которымъ нѣкоторые (т. е. феноменисты) отождествляютъ вопросъ о памяти другіе же воспроизведеніе считаютъ существеннымъ признакомъ памяти. Такъ какъ взгляды на этотъ вопросъ современныхъ

1) W. Hamilton, Lectures II. 144—151 и слѣд. Равнымъ образомъ и понятіе причины противорѣчитъ ассоц. теоріи Милля. Гам. согласно съ Кантомъ, считаетъ причинность априорнымъ, т. е. первичнымъ элементомъ мысли: привычная ассоціація можетъ дать сильную и спеціальную увѣренность; но она не можетъ дать чувства необходимости и общеобязательности. (Ibid. pag. 191 et seq.)

2) Уже на Ламбертъ и Тетенсъ ясно видно воздѣйствіе Локка и англійскихъ мыслителей. Кантъ главнымъ образомъ Юму и Риду обязанъ своимъ „Критицизмомъ“. (См. мой историч. оч. „Психологія внутр. оп. . .“ Юрьевъ 1904, стр. 49—72). Отъ воздѣйствія англійской психологіи не свободны даже философы-метафизики Гербартъ, Бэнэке и Лотце, которые эмпирическія данныя внутренняго опыта связываютъ со своими метафизическими гипотезами. Послѣ Бэнэке психологія въ Германіи не отрывалась отъ эмпирическаго изслѣдованія психическихъ фактовъ, хотя до сихъ поръ не переводятся и метафизическія направленія; въ особенности же теорія Гербарта. Въ послѣднюю половину истекшаго вѣка ассоціаціонная теорія въ связи съ клѣточной гипотезой приобрѣла и въ Германіи права гражданства.

психологовъ уже были приведены въ началѣ настоящей работы (стр. 7—38) и такъ какъ все существенное относительно ассоціаціонной теоріи уже изложено въ предыдущихъ двухъ главахъ: то я ограничусь двумя, болѣе оригинальными и выдающимися нѣмецкими психологами (они же и выдающіеся философы начала и конца истекшаго полу-вѣка), а именно — Лотце и Вундтомъ.

Германъ Лотце въ отношеніи ассоціаціонной теоріи вполне согласенъ съ Гамильтономъ¹⁾. По этому вопросу онъ говоритъ слѣдующее: „Именемъ ассоціацій обыкновенно обозначаютъ взаимное сцѣпленіе другъ съ другомъ впечатлѣній (*das gegenseitige Haften der Eindrücke an einander*), которое мы должны считать продолжающимся и въ ихъ безсознательномъ состояніи“²⁾ „Всѣ ассоціаціи представленій (идей) можно свести на ту общую точку зрѣнія, что душа сумму своихъ одновременныхъ состояній . . . механически соединяетъ какъ части связнаго цѣлага. . . Всякое воспроизведеніе состоитъ въ томъ, что ожившее снова не можетъ всплыть однимъ, но стремится привести съ собою цѣлое, часть котораго оно составляло раньше. . . Къ этой общей формулировкѣ можно свести отдѣльные случаи, которые обыкновенно различаютъ. Она обнимаетъ не только ассоціаціи представленій (идей) . . . но и чувствованій . . . стремленій . . . вліяніе которыхъ даже въ ряду представле-

1) Правда, онъ его не цитируетъ и даже не упоминаетъ въ своихъ психологическихъ сочиненіяхъ, гдѣ онъ касается этого вопроса: эти взгляды Лотце, должно быть, или считалъ уже общимъ достояніемъ просвѣщенной публики и Германіи, или же считалъ ихъ своими. Последнее менѣе вѣроятно, такъ какъ Гамильтонъ умеръ въ началѣ мая 1856-го года, въ которомъ появился только первый томъ „*Mikrokosmos*“ Германа Лотце, изъ котораго я цитирую его взгляды на ассоціаціонную теорію. Въ его „*Медицинской психологіи*“, изданной 1852-го года, въ которой онъ 21 страницу посвящаетъ вопросу „О теченіи представленій“, взгляды по этому вопросу, изложенные въ его *Микрокосмосѣ*, еще даже не намѣчены. (R. H. Lotze, *Medic. Psychologie*, S. 472—493.)

2) Hermann Lotze, *Mikrokosmos*, L. 1856. I. Bd. II. V. III. Kap. S. 235.

ній нельзя упускать изъ виду¹⁾. Воспроизведение по сходству Лотце тоже сводитъ на смежность: „оно основывается отчасти на непосредственномъ оживленіи сходнаго черезъ сходное; прежнее представленіе общаго обоемъ впечатлѣніямъ стремится возвратиться и приводитъ съ собою (посредственнымъ воспроизведеніемъ) и особыя черты, изъ-за которыхъ старое только похоже на новое, а не равно ему. Простыя представленія, сходство которыхъ состоитъ въ такомъ же простомъ невыразимомъ родствѣ ихъ содержанія, вызываютъ другъ друга съ незначительной живостью“²⁾. Воспроизведение прежней забытой идеи (*Vorstellung*) новымъ равнымъ впечатлѣніемъ Лотце считаетъ „самымъ простымъ изъ общихъ законовъ, управляющихъ теченіемъ воспоминанія“³⁾. Лотце признаетъ и тотъ фактъ, что „механизмъ ассоціацій предоставляетъ потоку мыслей множество возможныхъ путей, по которымъ онъ можетъ пойти и между которыми онъ долженъ выбирать“⁴⁾. „Рѣшеніе же того, которое изъ множества возможныхъ воспроизведеній въ каждый моментъ состоится первымъ, зависитъ отъ стеченія разныхъ условій“⁵⁾. „Дѣло въ томъ, что полное основаніе для формированія (*Gestalt*) каждаго слѣдующаго мгновенія заключается въ цѣломъ совокупномъ состояніи нашей души (*in dem vollständigen Gesamtzustande unserer Seele*) въ настоящій моментъ“⁶⁾. На воспроизведение вліяютъ, помимо указаннаго выше сходства, еще и привычка и интересъ (вниманіе), настроеніе духа и тѣла и наконецъ, — стремленія. „Отъ суммы всѣхъ этихъ условій въ ихъ совокупности зависитъ и самая ничтожная и мельчайшая черта нашего потока мыслей“⁷⁾.

1) *Op. cit.* pag. 235, 236.

2) *Ibid.* pag. 236.

3) *Ibid.* pag. 234.

4) *Ibid.* pag. 237.

5) *Ibid.* pag. 237.

6) *Ibid.* pag. 239.

7) *Ibid.* pag. 237-239.

Вотъ и все, что Лотце сообщаетъ относительно ассоціаціи идей. Въ общемъ онъ повторяетъ то же, что мы нашли у Гамильтона и Рида.

Ничего новаго не сообщаетъ по этому вопросу и *Вундтъ*, если не считать его гипотезы „волютаризма“, и возобновленной имъ теоріи „влеченій“¹⁾. Признавая за фактъ „единство сознанія“, которое „можетъ основываться только (sic!) на непосредственно данной общей связи одновременныхъ и преемственныхъ состояній“, Вундтъ въ „волѣ“ видитъ „единственную составную часть сознанія, которая даетъ (verleiht) эту связность (Zusammenhang) всему содержанію психическихъ фактовъ“ (Geschens²⁾). Воля, по мнѣнію Вундта, соединяетъ всѣ представленія (идеи) и чувствованія (Gefühle) во едино. „Но такъ какъ чувствованія и аффекты, по словамъ Вундта, имѣютъ значеніе болѣе или менѣе развитыхъ реакцій воли, которыя получаютъ движеніе (werden angeregt) отъ ряда представленій: то вся та дѣятельность воли обнаруживается въ связяхъ представленій, которыя находятся подъ ея вліяніемъ“³⁾.

1) Wundt, System der Philosophie, 2. Aufl. L. 1897, VI. Abschnitt. И въ этомъ послѣднемъ, глубоко заложеномъ, философскомъ сочиненіи Вундтъ все же придерживается точки зрѣнія психологическаго феноменизма, оставаясь вѣрнымъ основной философской гипотезѣ монизма; однако вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣлаетъ и нѣкоторыя уступки субстанціонализму: онъ признаетъ „цѣлесообразную дѣятельность (Zweckthätigkeit) органической жизни . . . какъ субстратъ духовнаго развитія“ . . . (помимо борьбы за существованіе и естественнаго подбора Дарвина). Равнымъ образомъ онъ допускаетъ и метафизическое расширеніе понятія „степени сознанія“ (Bewusstseinsgrad), подъ которымъ разумѣетъ то, что другіе называютъ бессознательными душевными актами, идеями или силами. А именно, Вундтъ относительно нѣкоторыхъ предполагаемыхъ бессознательныхъ элементовъ при воспріятіяхъ признаетъ ихъ существованіе, но находитъ болѣе подходящимъ выраженіе, приписываемое имъ Лейбницу, „eines verschwindenden oder unendlich kleinen Bewusstseinsgrades“. (Op. cit. 568). Какъ физиологическіе процессы, предваряющіе сознательные акты, эти выраженія, по мнѣнію Вундта, имѣютъ и эмпирическое содержаніе. (Ibid.)

2) Ibid. pag. 574

3) Вундтъ, повидимому, свою „волю“ подставилъ на мѣсто субстанціи

Эти связи представлений являются въ двухъ основныхъ формахъ . . . низшая изъ нихъ состоитъ въ ассоціа-

духа или же нашего „Я“, желая удержать свою точку зрѣнія психологическаго феноменизма, т. е. придерживаясь однихъ явленій сознанія и не выходя за область внутренняго опыта. Но въ этомъ случаѣ его „волютаризмъ“ находитъ самыя рѣшительныя опроверженія.

А) Ему противорѣчатъ данныя внутренняго опыта. Не только связи ощущеній и воспріятій наша воля не можетъ устранять или по произволу устанавливать, но порой даже не въ силахъ она задержать или подавить воспроизведеніе. Стукъ мостовой или свистки паровозовъ, слышимые въ моей квартирѣ, какъ я того ни желаю, моя воля не въ состояніи устранить; они мнѣ не только „даны“, но и не могутъ быть устранены моей „волей“, хотя бы я затыкалъ уши. Они связаны съ моей квартирой, которая находится вблизи жел. дороги, по бойкой улицѣ. Это меня заставляетъ предполагать что стукъ мостовой и свистки паровозовъ имѣютъ свою причину внѣ моего „Я“, во внѣшнемъ мірѣ. Поэтому это „Не-я“ никакъ нельзя свести къ однимъ только субъективнымъ идеямъ. Эти идеи я считаю дѣйствіями внѣшнихъ причинъ, которыя дѣйствуютъ по инымъ законамъ, чѣмъ мое „Я“, моя воля. Но и мои внутренніе акты далеко не всегда подчиняются моей волѣ. Такъ напр. какая-нибудь „врѣзавшаяся въ памяти“ мелодія, или „навязчивая идея“, которая меня постоянно преслѣдуетъ, не можетъ быть изгнана изъ моего сознанія, не смотря ни на какія усилія моей воли.

В) Самъ Вундтъ понимая свою волю, какъ явленіе сознанія, не держиваетъ своей точки зрѣнія. А именно, желая обосновать свою гипотезу и устранить возможное возраженіе, Вундтъ соединяетъ несоединимое. Съ одной стороны онъ говоритъ: „Даже тамъ, гдѣ въ тѣсныхъ предѣлахъ времени члены ряда идей обнаруживаютъ совершенную связь (*durchgängige Verbindung*), эта связь обоснована не столько въ самыхъ идеяхъ (*Vorstellungen*), сколько въ нашемъ связующемъ пониманіи (*zusammenhängende Auffassung*). . . Объективныя отношенія между представленіями ограничиваются только ролью матеріала, пригоднаго для отыскиванія таковыхъ отношеній“. (Въ этомъ отношеніи Вундтъ расходится во взглядѣ на ассоціаціи съ англійской школой, которая въ нихъ видитъ первичныя и самостоятельныя принципы). Дальше говоритъ Вундтъ, мотивируя свое мнѣніе: Чувствованія (*Gefühle*) . . . не пригодны для того, чтобы возстановить единство между душевными процессами. Такъ какъ они . . . оказываются (*sic!*) субъективными реакціями (подразумѣвается — воли) на содержаніе представленій сознанія; то послѣдняя причина ихъ происхожденія заключается въ волевой способности субъекта. . .“ Вундтъ въ данномъ случаѣ гипотезу весьма немногихъ философовъ принимаетъ за фактъ внутренняго опыта, что опять невѣрно: обыкновенное сознаніе, знакомое съ этой метафизической гипотезой, не станетъ разсматривать чувствованія за дѣйствія своей воли: ни боль при пораненіи пальца, ни радость при видѣ восходящаго солнца. Наоборотъ, если мы говоримъ о волѣ или о желаніи, то всегда при этомъ подразумѣвается еще допол-

ціяхъ, а высшая въ связяхъ интеллектуальныхъ или апперцептивныхъ“. „Ассоціацію можно раздѣлить на двѣ формы развитія: на ассоціацію по смежности и на ассоціацію отношеній“ (Beziehungsassociation). Обѣ эти формы ассоціаціи первоначально относятся, по мнѣнію Вундта, только къ элементарнымъ процессамъ, изъ которыхъ составляются сложные представленія¹⁾.

нительное слово. Глаголы „хотѣть“ и „желать“ имѣютъ смыслъ только съ дополненіемъ; а это уже ясно доказываетъ, что эти понятія выражаютъ дѣйствія въ отношеніи къ предметамъ желанія. Слѣдовательно, сознательная воля безъ ея предмета есть логическая абстракція, не имѣющая мѣста въ нашихъ конкретныхъ волевыхъ процессахъ. Не будь предметовъ желанія, не было бы и самыхъ желаній. *Ignoti nulla cupido*. Съ другой стороны Вундтъ уже черезъ четыре строчки признаетъ, что воля различна по содержанію, но имѣетъ совпадающія формы въ чувствованіяхъ дѣятельности, связанныхъ съ самымъ актомъ воли. Вотъ подлинныя слова Вундта: „So bleibt der Wille in seinen inhaltlich mannigfach verschiedenen, aber in den an den eigentlichen Willensact gebundenen Thätigkeitsgefühlen qualitativ übereinstimmenden Formen als der einzige Bestandtheil des Bewusstseins übrig, der dem gesammten Inhalt des seelischen Geschehens jenen Zusammenhang verleiht, der alle... Vorstellungen und Gefühle zu einer Einheit verbindet“. Такимъ образомъ Вундтъ признаетъ, что воля, различная по содержанію, сходна въ нѣкоторыхъ чувствованіяхъ дѣятельности. (Остается неизвѣстнымъ, что Вундтъ разумѣетъ подъ „eigentlichen Willensact“. Очевидно, нѣчто нефеноменальное, чего не можетъ обнаружить самонаблюденіе и внутренній опытъ). Такимъ образомъ „воля“ съ одной стороны объединяетъ все; съ другой она сама, будучи различной по содержанію, объединяется нѣкоторыми „чувствованіями дѣятельности“. Значитъ, эти чувствованія составляютъ болѣе первичные элементы, чѣмъ сама воля, которая ими объединяется. Такимъ образомъ Вундтъ самъ себя противорѣчитъ. Черезъ двѣ страницы Вундтъ постоянно факторъ волевыхъ процессовъ видитъ въ „качественномъ постоянствѣ актовъ апперцепціи“; но объ этомъ будетъ рѣчь впереди. Въ V. изданіи своей фізіологической психологіи (1903 г. т. III. гл. XVIII. стр. 513). Вундтъ по поводу процессовъ воспоминанія говоритъ, что „чувствованія составляютъ носителя отношенія новаго впечатлѣнія къ (соотвѣтственному) прежнему“, не упоминая ничего о волѣ. Это мнѣніе ближе къ истинѣ; но все же феноменъ чувствованія (т. е. кратковременный процессъ) безъ предположенія субстанціи, не можетъ объяснить узнаванія, т. е. признанія тождества настоящаго акта съ аналогичнымъ давнишнимъ.

1) Ibid. pag. 575. Въ этомъ случаѣ Вундтъ придерживается взгляда Локка, Гертли и Джемса Милля. Но этотъ взглядъ нуждается въ нѣкоторомъ ограниченіи, а съ точкой зрѣнія феноменизма Вундта онъ не со-

„Ассоціація по смежности, говорить Вундтъ, удерживаетъ (hält fest) прежде всего такія соединенія, которыя образовались благодаря внѣшнимъ условіямъ сознанія. Такъ сливаются одновременныя ощущенія въ одно совмѣстное представленіе (simultane Vorstellung); такъ акты представленія, образующіе опредѣленный во времени рядъ, удерживаются и возобновляются въ этомъ же порядкѣ. Всѣ такія соединенія становятся принадлежностью души, тѣмъ легче управляемой, чѣмъ чаще они повторяются“¹⁾.

гласуется. Какъ я показалъ выше, (въ гл. VI.) одно зрительное воспріятіе можетъ быть разложено интроспективнымъ психологическимъ анализомъ на билліоны элементовъ, изъ которыхъ каждый можетъ быть выдѣленъ при ретроспекціи, какъ отдѣльный сознательный элементъ, какъ минимальная видимая точка или какъ пространственное отношеніе между таковыми точками. Между тѣмъ обыкновенное сознаніе не различаетъ этихъ элементовъ, а имѣетъ одно цѣльное впечатлѣніе или воспріятіе реальнаго предмета. То же бываетъ и при образахъ памяти. Слѣдовательно отдѣльные элементы, его составляющіе, остаются безсознательными. Нельзя также предполагать, что психическое развитіе особи начинается съ воспріятія этихъ минимальныхъ точекъ и отношеній, которыя постепенно ассоціируются въ цѣльную сложную ассоціативную группу. Весь нашъ опытъ противорѣчитъ такому предположенію. Наконецъ, операціи надъ слѣжными и слѣпорожденными подтверждаютъ тотъ фактъ, что глазъ послѣ операціи воспринимаетъ цѣлыя цвѣтныя пятна, различая иногда и тѣлесность (пространство вглубь) (См. 1) E. Raehlmann, *Üb. d. Entwicklung der Gesichtswahrnehmungen in Zeitschr. f. Psychologie u. Physiol.* 1890, Bd. II.; 2) Челпановъ, Пробл. воспр. пространства, ч. I. гл. VI. стр. 250—260. 3) C. Stumpf, *Üb. d. psychol. Ursprung der Raumvorstellung*, L. 1873. S. 176—183.

1) Ibid. pag. 575. Въ этомъ сочиненіи Вундтъ уже склоненъ признать за фактъ и сохраненіе „соединеній“ (ассоціаций) и „актовъ представленія“: на это указываютъ его выраженія, поставленныя рядомъ, „werden festgehalten und wiedererneuert“. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ, что отъ повторенія (упражненія) ассоціаціи все болѣе и болѣе подчиняются волѣ. (То же мы видѣли у Рида).

Далѣе, Вундтъ признаетъ за фактъ (который онъ не признавалъ въ 3. изд. своей физиологич. психологіи), что признаніе воспроизведеннаго представленія за свое прежнее (т. е. узнаваніе) „можетъ основываться только на такихъ элементахъ (sic!), которые остаются постоянными при всякой перемѣнѣ ощущеній; а таковыя-де даны въ дѣятельности воли“. (Ibid. pag. 576). Изъ словъ Вундта видно, что первоначально соединеніе (ассоціація) образуется безъ участія воли, а только припоминаніе его (т. е. воспроизведеніе, связанное съ узнаваніемъ и соответствен-

„Изъ ассоціаціи по смежности, говоритъ Вундтъ, развивается ассоціація отношеній (*Beziehungsassociation*),

вымъ чувствованіемъ знакомости) происходитъ съ участіемъ воли, которая опять съ возрастающимъ упражненіемъ приобрѣтаетъ все болѣе и болѣе власти надъ ассоціаціей; т. е. опять воля и при повторяемыхъ воспроизведеніяхъ находится въ зависимости отъ числа повтореній. Слѣдовательно, она опять не представляетъ самостоятельнаго начала, а есть нѣчто производное, нѣчто зависящее отъ другихъ факторовъ психической жизни. Если однако первичное образованіе ассоціаціи происходитъ помимо воли, если воспроизведеніе безъ узнаванія тоже не нуждается въ постоянномъ элементѣ, въ связующемъ звенѣ воли; а воля обнаруживается только при узнаніи въ воспроизведеніи: то очевидно, воля, какъ не участвующая во всѣхъ фазахъ развитія одного и того же представленія, не можетъ образовать связности и устойчивости (*Constanz*) сознанія. Таковымъ дѣятелемъ должно быть нѣчто другое, намъ неизвѣстное! Вундтъ въ томъ же мѣстѣ даетъ такое объясненіе этихъ свойствъ сознанія. „Каждый конкретный волевой процессъ, говоритъ Вундтъ, можно мыслить психологически разложеннымъ на факторъ постоянный и факторъ измѣнчивый. Первый изъ нихъ находитъ свое выраженіе въ томъ качественномъ постоянствѣ (*Constanz*) апперцепціонныхъ актовъ, на которомъ основывается всякая связность (*Continuität*) сознанія. Второй обнаруживается въ качественномъ разнообразіи представленій и чувствованій, которыя входятъ въ волевой процессъ подъ названіемъ мотивовъ. . . “ „При возобновленіи представленій, соединенныхъ ассоціаціей, по словамъ Вундта, обнаруживаютъ свою дѣятельность оба фактора волевой дѣятельности — и постоянный и измѣнчивый. Первый дѣлаетъ возможнымъ включеніе въ связность сознанія (*Einordnung in die Continuität des Bewusstseins*), второй производитъ отношенія родства (*Affinitäten*) между первоначальными элементами представленія и между ихъ ассоціативными повтореніями“. (*Ibid.*) Итакъ Вундтъ въ послѣдней фразѣ, если я его вѣрно понялъ, утверждаетъ, что измѣнчивый элементъ воли въ процессѣ узнаванія устанавливаетъ сходство (*Affinität*) между идеей воспроизведенной и прежнимъ ея оригиналомъ. Но въ началѣ той же страницы онъ то же дѣйствіе приписывалъ „постояннымъ элементамъ“. Согласовать эти сужденія между собою я не берусь; а съ внутреннимъ опытомъ ни одно изъ нихъ не согласно, такъ какъ и воспроизведеніе, и узнаваніе чаще совершаются невольно, чѣмъ съ участіемъ нашей воли.

Итакъ Вундтъ не выдерживаетъ своей точки зрѣнія даже на одной и той же страницѣ. Къ сожалѣнію, онъ нашелъ себѣ послѣдователя и у насъ въ Россіи — въ лицѣ Н. Лоссаго, который въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходитъ Вундта. Въ послѣднемъ своемъ крупномъ произведеніи Н. Лосскій представилъ множество хорошо изложенныхъ примѣровъ самонаблденій и психологическихъ анализовъ, которые доказываютъ активность духа и могутъ опровергнуть заблужденія крайнихъ ассоціационистовъ; но все же и Лосскій не провѣрилъ основное положеніе волюнтаризма: въ своихъ анализахъ воли онъ не выходитъ за предѣлы положеній

вѣроятно, при существенномъ содѣйствіи эмоціональныхъ возбужденій“ (Gefühlserregungen). — „Благодаря этимъ однѣмъ ассоціаціонныя связи предпочитаютъ другимъ, слѣдовательно психическія образованія приводятся въ соотношенія. . . Привычная ассоціація получаетъ преимущество. . . Благодаря языку — общему орудію интеллектуальныхъ процессовъ — логическіе процессы снова превращаются въ ассоціаціи“¹⁾.

Въ связи съ теоріей ассоціаціи Вундтъ въ своей „Системѣ философіи“ разсматриваетъ и „влеченія“ (Triebe)²⁾. Это понятіе Вундтъ разъясняетъ довольно пространно, хотя и не очень убѣдительно. Я дословно выписываю здѣсь весь соотвѣтствующій уступъ, безъ пропусковъ. „Проявленія воли, говоритъ Вундтъ, которыя непосредственно вызываются ассоціаціями, мы обозначаемъ, какъ дѣйствія влеченій (Triebehandlungen). Каждое такое дѣйствіе влеченія есть однозначный (eindeutig) актъ воли, поскольку это дѣй-

Пфендера. (Pfähnder, Phaenomenologie des Willens, Leipzig 1900). Все приведенное выше опровергаетъ и формулированное Лосскимъ основное положеніе волюнтаризма, будто „всѣ сознательные процессы, поскольку мы относимъ ихъ на основаніи непосредственнаго чувства къ своему я, заключаютъ въ себѣ всѣ элементы волевого акта и причиняются „моими“ стремленіями“. (Н. Лосскій, Основныя ученія психологіи. . . СПб. 1903, стр. 47—48). Правда, эта формулировка нѣсколько уже Вундтовой, — она повидимому, исключаетъ „состоянія сознанія, данныя мнѣ“, т. е. воспріятія и органическія ощущенія; но все же она не исключаетъ эмоцій. Возьмемъ напр. чувствованія эстетическія или религіозныя. Развѣ мы ихъ не относимъ къ своему „Я“? Всякій понимаетъ, что они не имѣютъ коррелятовъ во внѣшнемъ мірѣ; однако они появляются въ насъ и совершенно независимо отъ нашихъ волевыхъ актовъ и могутъ вовсе не содержать элементовъ волевого акта.

1) Ibid. pag. 578 et 579.

2) Влеченіямъ раньше Вундта Фортлаге отвелъ въ своей психологіи обширное мѣсто, построивъ цѣлую систему „влеченій“; до Вундта эта теорія влеченій не нашла сочувствія среди психологовъ, хотя и въ ней заключается здоровое зерно истины, которое еще недостаточно использовано эволюціонной теоріей. Вундтъ, заимствуя это скорѣе метафизическое (въ смыслѣ Шопенгауэра) понятіе, старается его примирить со своей точкой зрѣнія психологическаго феноменизма; но это ему не совсѣмъ удается, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

ствіе опредѣляется однимъ только (eine einzige) представле-
ніемъ, всплывающимъ въ сознаниі, и чувствованіемъ, его
сопровождающимъ, которое само уже составляетъ существен-
ную составную часть этого волевого процесса. Это вполнѣ
соотвѣтствуетъ пассивной формѣ апперцепціи, которая
дѣйствуетъ при всѣхъ чистыхъ ассоціаціонныхъ процессахъ.
Подобно тому какъ при ассоціаціи установленіе связи
(*Auffassung*) между представленіями основано на простомъ
внутреннемъ актѣ воли, такъ каждое дѣйствіе влеченія
является простымъ внѣшнимъ актомъ воли¹⁾. Однако
внѣшній актъ воли можетъ осуществиться только посред-
ствомъ апперцепціи представленія о соотвѣтствующемъ дви-
женіи, и само волевое дѣйствіе, разсмотрѣнное съ психоло-
гической точки зрѣнія, есть не что иное, какъ этотъ актъ
апперцепціи, который одновременно сопровождается двига-
тельнымъ импульсомъ. Вслѣдствіе этого исчезаетъ всякое

1) *Op. cit.* pag. 580. (Всѣ маркировки этого уступа принадлежать Вундту). Подъ „внѣшнимъ актомъ воли“ Вундтъ, должно быть, разумѣетъ весь процессъ, вызывающій мускульныя сокращенія, доступныя внѣшнему наблюденію и другихъ субъектовъ.

„Пассивную апперцепцію“ Вундтъ тремя страницами раньше опредѣляетъ какъ „простѣйшій видъ волевой дѣятельности (*Willensthätigkeit*), которая обнаруживается при первомъ воспріятіи, равно какъ и при позднѣйшемъ возобновленіи представленій“. (*Ibid.* pag. 576). „Выраженіе (пассивной апперцепціи), по словамъ Вундта, должно показывать, что въ ней непосредственно, хотя и замѣчается дѣятельность, но не самодѣятельность. Эта-де самодѣятельность отличается отъ первой тѣмъ, что у первой есть на лицо дѣятельность воли, опредѣляемая только однимъ представляемымъ мотивомъ; между тѣмъ всякая самодѣятельность будто предполагаетъ множество противодѣйствующихъ другъ другу мотивовъ, изъ которыхъ затѣмъ избирается одинъ, какъ объектъ дѣятельности“. (*Ibid.* pag. 577). Въ этомъ разъясненіи Вундтъ, очевидно, смѣшиваетъ мотивъ дѣятельности съ предметомъ волевого акта, т. е. съ содержаніемъ дѣйствія, которое субъектъ осуществляетъ). Такое опредѣленіе „пассивной апперцепціи“, данное Вундтомъ въ его „Системѣ философіи“, совершенно искусственное и несогласное съ данными опыта, не проведено и самимъ Вундтомъ въ томъ же параграфѣ. Послѣ цитированнаго мѣста нѣсколькими строками дальше Вундтъ слово „апперцепція“ употребляетъ уже въ иномъ значеніи. Это слово вообще не имѣетъ у Вундта одного, строго опредѣленнаго значенія, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

существенное различіе между обыкновенной ассоціаціей, представляющеюся какъ внутренній процессъ, и между обнаруженіемъ влеченія. Послѣднее является ассоціаціей, въ которой съ пассивной апперцепціей одного изъ членовъ сочетанія представленій (*Vorstellungsverbinding*) связано импульсивное двигательное дѣйствіе¹⁾. „Далѣе, болѣе по-

1) *Op. cit.* 580 et 581. Разсмотримъ, подходит ли въ этомъ мѣстѣ опредѣленіе апперцепціи, данное Вундтомъ въ томъ же параграфѣ? Если его подставить въ послѣдней фразѣ, то получится слѣдующее: „Влеченіе является ассоціаціей, въ которой (съ пассивной апперцепціей, т. е.) съ простѣйшимъ видомъ волевой дѣятельности (опредѣляемой однимъ мотивомъ) одного изъ членовъ сочетанія представленій связано импульсивное двигательное дѣйствіе“. Проще, влеченіе есть особая ассоціація: въ ней одинъ изъ членовъ обнаруживаетъ простѣйшую волевою дѣятельность (пасс. апперц.), съ которой связано импульсивное двигательное дѣйствіе. Итакъ съ волевой („мотивированной“) дѣятельностью одного члена ассоціаціи (сочетанія представленій) связано импульсивное дѣйствіе. Но эти „импульсивныя“ дѣйствія, впервые такъ названныя Прееромъ (*Freyer, Die Seele des Kindes*), должны обозначать движенія самопроизвольныя, безъ всякой предварительной ассоціаціи и мотиваціи. Слѣдовательно, Вундтъ, ставящій ихъ въ зависимость отъ „мотивированной“ (хотя бы только однимъ „представленіемъ“) волевой дѣятельности, отнимаетъ этимъ самый существенный признакъ импульсивныхъ движеній, т. е. или это слово употребляетъ не въ его настоящемъ значеніи или же выраженіе „пассивной апперцепціи“ употребилъ въ иномъ значеніи. Мнѣ кажется, что Вундтъ, какъ обыкновенно, такъ и здѣсь слово „апперцепціа“ употребилъ не соотвѣтственно данному имъ опредѣленію. Это слово Вундтъ вообще употребляетъ, даже въ одно и то же время, въ нѣсколькихъ значеніяхъ, а именно, кромѣ выше приведеннаго, еще въ слѣдующихъ четырехъ: 1) Чаше всего онъ его употребляетъ въ значеніи „установки отношенія двухъ психическихъ данныхъ другъ къ другу“. (*Wundt, Grundriss d. Psychol.* 1896, § 17). 2) Онъ его отождествляетъ съ дѣйствіемъ вниманія; 3) — съ усиленіемъ сознательности (*Wundt, Physiol. Psychol.*: a) 3. Aufl. II. Bd. S. 236 u. 244; b) — 5. Aufl. III. Bd. S. 333 u. Anmerk.) 4) Вундтъ выраженіе „апперцепціа“ употребляетъ въ смыслѣ высшей разсудочной дѣятельности, „обусловленной всѣмъ предшествующимъ развитіемъ сознанія“; эта-де дѣятельность „подымаетъ опредѣленныя ассоціаціи во (внутреннюю) точку зрѣнія сознанія“ (*in den inneren Blickpunkt des Bewusstseins*); „она, по Вундту, есть отчасти соединяющая, отчасти разъединяющая функція“. (*Wundt, Physiol. Psychol.* 5. Aufl. L. 1903, XIX. Cap. § 3. S. 572—573 *Sp.* XVIII. Cap. S. 333, а также стр. 564). Итакъ я отмѣтилъ здѣсь, вмѣстѣ съ вышеприведеннымъ, пять значеній апперцепціи у Вундта, которыя никакъ не могутъ быть оправданы сдѣланнымъ имъ различіемъ „пассивной“ и „активной“ апп., т. е. наличностью одного или многихъ „мотивовъ“ (*Syst. d. Philos.* S. 577) или „чувствованія

дробный анализ чувственных воспріятій и другихъ элементарныхъ ассоціаціонныхъ процессовъ, по словамъ Вундта, показываетъ, что импульсивныя двигательныя дѣйствія съ соотвѣтствующими имъ мускульными ощущеніями не отсутствуютъ ни при одномъ изъ этихъ процессовъ¹⁾. Приведши послѣ этого нѣсколько примѣровъ, Вундтъ заключаетъ такъ: „Съ этой точки зрѣнія понятіе ассоціаціи представленій оказывается результатомъ отвлеченія, при которомъ въ мышленіи исключаютъ изъ даннаго комплекса всѣ тѣ элементы, которые не принадлежатъ опредѣленной области сознанія. . . Но эти элементы не отсутствуютъ, и самое образованіе представленій безъ нихъ вовсе не состоялось бы, какъ это показываетъ болѣе тщательный анализъ. Итакъ подобно тому какъ проявленія влеченій относительно области представленія могутъ быть разсматриваемы за ассоціаціи²⁾, такъ въ свою очередь послѣднія, если принять во

дѣятельности въ началѣ или концѣ психич. процесса“ (Physiol. Psychol. 5 Aufl. III. Bd. S. 333). Всѣ эти значенія апперценціи довольно трудно привести къ одному знаменателю. Этого не дѣлаетъ Вундтъ, и я тоже не берусь за эту задачу. Равнымъ образомъ считаю не производительнымъ трудъ подыскивать больше мѣстъ, которыя подтверждаютъ неустойчивость Вундта въ употребленіи этого слова. Лейбницъ, впервые введшій этотъ терминъ, употреблялъ его (въ противность простой перцепціи) въ смыслѣ сознательнаго усвоенія впечатлѣній (минимальныхъ или бессознательныхъ). (См.: Leibnitz, „Nouveaux essais...“ op. philos. ed. Erdmann, pag. 191 et 715). По моему, только въ этомъ значеніи терминъ апперценціи представляется необходимымъ для психологій внутренняго опыта. Но для Вундта, не признающаго бессознательныхъ перцепцій и актовъ души, считающаго таковыя „физиологическими процессами“, даже въ этомъ значеніи этотъ терминъ оказывается излишнимъ.

1) Op. cit. 581. Этими выраженіями Вундтъ, повидимому, хотѣлъ сказать слѣдующее. Влеченія представляютъ собою такія же ассоціаціи, какъ и всѣ другія, съ той разницей что влеченія содержатъ въ себѣ двигательный элементъ, обнаруживаемый „импульсивнымъ“ (т. е. самопроизвольнымъ) движеніемъ. Между тѣмъ въ чисто чувственныхъ ассоціаціяхъ (внутреннихъ, недоступныхъ непосредственному наблюденію другихъ субъектовъ) двигательный элементъ, хотя и не отсутствуетъ, но или не замѣчается (напр. при воспріятіяхъ) или же при дальнѣйшемъ развитіи (при образованіи понятій) исключается, какъ несущественный элементъ.

2) Вундтъ этимъ выраженіемъ, по всему вѣроятію, хотѣлъ сказать:

вниманіе всѣхъ содержимыя въ нихъ элементы, безъ исключеній должно причислить къ проявленіямъ влеченій. Такимъ образомъ влеченіе оказывается тѣмъ психологическимъ понятіемъ, которое обнимаетъ всѣ образованія психической жизни, связанныя съ одной пассивной апперцепціей. На низшей ступени всѣ психическія отправленія суть дѣйствія влеченій. . . Каждая ассоціація представленій есть вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствіе влеченія (Triebhandlung), и каждое настоящее дѣйствіе влеченія вмѣстѣ съ тѣмъ есть и ассоціація. . . Въ болѣе широкомъ смыслѣ вся низшая душевная жизнь можетъ быть рассматриваема за жизнь влеченій (Triebleben), такъ какъ не представленіе, и не чувствованіе, и не воля, но именно влеченіе, какъ соединеніе всѣхъ этихъ составныхъ частей, есть основное явленіе всякаго психическаго процесса (Geschehens). Съ этимъ согласуется и фактъ, (sic!) что въ природѣ низшія формы психической жизни съ объективной стороны вполнѣ носятъ характеръ обнаруженій влеченія¹⁾.

Такова возобновленная Вундтомъ теорія влеченій въ возможно близкомъ переводѣ подлинныхъ словъ Вундта.²⁾ Ее можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ :

1) Вундтъ понимаетъ влеченія (равно какъ и всѣ остальные волевые акты) какъ сознательные процессы. Безсознательной воли онъ не признаетъ³⁾.

2) Влеченіе (равно какъ и пассивную апперцепцію) Вундтъ опредѣляетъ, какъ „однозначный“ актъ воли, т. е. зависящій только отъ одного „опредѣляющаго“ его представленія (мотива) и сопровождающаго его чувствованія.

„явленія влеченій, съ субъективной стороны могутъ быть рассматриваемы за ассоціація“.

1) Ibid. pag. 582.

2) Хотя это изложеніе не отличается отъ его обычнаго способа выраженія, когда онъ пытается дать чисто психологическіе анализы; однако я считаю не лишнимъ вкратцѣ резюмировать эту теорію съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ разъясненій и поправокъ.

3) Op. cit. pag. 323.

Остальные же волевые акты (= активная апперцепция) по мнѣнію Вундта, обуславливаются нѣсколькими „опредѣляющими“ представленіями (мотивами¹).

3) Влеченіе, пассивная апперцепция, волевое дѣйствіе, ассоціація (въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. асс. смежности и асс. отношеній), по Вундту, въ сущности одно и то же. Во всѣхъ этихъ процессахъ заключается и волевой элементъ, а именно двигательное импульсивное дѣйствіе, которое или не замѣчается (при воспріятіяхъ) или же при отвлеченномъ мышленіи исключается²).

1) Дѣленіе всѣхъ волевыхъ актовъ по числу „мотивовъ“ на дѣлѣ неосуществимо. Даже у самаго опытнаго самонаблюдателя можетъ ускользнуть иной „мотивъ“ („опредѣляющее представленіе“). Еще болѣе рискованно предполагать одно „опредѣляющее представленіе“ у другихъ субъектовъ или даже у низшихъ животныхъ. Каждый сознательный фактъ представляетъ собою звено въ длинной цѣпи, порой же — одну волну среди океана. Гораздо легче осуществить и вѣрнѣе провести можно обычное дѣленіе дѣйствій (актовъ „воли“) на дѣйствія съ предварительнымъ обдумываніемъ (рѣшеніемъ) или же — безъ такового: Обдумываніе или рѣшеніе уже не такъ легко ускользнетъ отъ вниманія. Къ послѣднимъ дѣйствіямъ принадлежатъ: крѣпко усвоенныя привычныя дѣйствія, напр., обычные жесты и тѣлодвиженія; дурныя привычки въ родѣ кусанія ногтей, щипанія бороды, сосанія пальца — у дѣтей; всѣ рефлекторныя и часть инстинктивныхъ дѣйствій, напр. мимика; далѣе — раздражательныя дѣйствія; и наконецъ, вкоренившіяся страсти и отчасти аффекты, обнаруживаемые дѣйствіями. Такія дѣйствія обычнымъ языкомъ называются невольными; они совершаются даже противъ воли субъекта: весьма часто, даже при сильномъ желаніи, мы не можемъ ихъ подавить, какъ не всегда намъ удается подавить свое дыханіе, свой кашель или чханіе или выдѣленіе слезъ.

По опредѣленію Вундта, нѣкоторыя изъ перечисленныхъ дѣйствій совсѣмъ не попадутъ ни подъ одинъ изъ его терминовъ: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ отсутствуетъ „чувствованіе, составляющее существенную часть волевого процесса“; а у нѣкоторыхъ — даже „опредѣляющее представленіе“. Такія дѣйствія совершаются вполне автоматически и производятся сами собой, безъ внѣшнихъ „мотивовъ“, безъ „опредѣляющихъ представленій“. Въ нихъ самое тщательное самонаблюденіе не можетъ открыть и слѣда сознательной воли; а „безсознательной воли“ Вундтъ не признаетъ. (Op. cit. pag. 323). Подъ „волю“ Вундта не подходятъ и „желанія“, въ которыхъ нѣтъ элементовъ движенія, напр., желаніе невозможнаго. (Въ 5. изд. Физ. психол. Вундтъ этого дѣленія воли не упоминаетъ).

2) Если всѣ эти термины обозначаютъ одно и то же, то зачѣмъ

4) „Влеченіе, какъ соединеніе представленія, чувствованія и воли, есть основное (sic!) явленіе всякаго психическаго процесса“. „Вся низшая душевная жизнь можетъ быть разсматриваема за жизнь влеченій“¹⁾.

Таково дополненіе Вундта къ теоріи ассоціаціи идей, сдѣланное имъ въ его „Системѣ философіи“ 1897-го года.

ХІІ.

Болѣе подробно, но нѣсколько иначе излагаетъ *Вундтъ* тотъ же вопросъ объ ассоціаціяхъ въ своихъ сочиненіяхъ *по психологіи*. Уже въ первомъ изданіи своего „Очерка психологіи“ 1896-го года Вундтъ смѣло критикуетъ англійскую ассоціативную психологію; но эта критика не попадаетъ въ цѣль. Вундтъ не обнаруживаетъ надлежащаго

ихъ употреблять въ наукѣ? Съ другой стороны Вундтъ терминъ „воля“, очевидно, употребляетъ въ двухъ, если не въ трехъ, значеніяхъ. Если онъ говоритъ, что влеченіе есть однозначный актъ воли, зависящій отъ „опредѣляющаго его представленія и сопровождающаго его чувствованія; а въ другомъ мѣстѣ — что влеченіе соединяетъ въ себѣ и волю, и чувствованіе, и представленія: то въ послѣднемъ случаѣ „воля“, по всему вѣроятію, обозначаетъ нѣчто другое, чѣмъ въ первомъ. А если онъ говоритъ, что воля въ теченіе жизни субъекта объединяетъ всѣ разновременныя сходныя представленія, то опять этотъ терминъ употребленъ въ другомъ значеніи — въ значеніи единой неизмѣнной субстанціи. Этихъ различныхъ значеній своей „воли“ Вундтъ не различаетъ.

1) Вундтъ сложные процессы, находящіеся въ зависимости отъ многихъ разнородныхъ элементовъ и условій, считаетъ „основнымъ явленіемъ“ психической жизни. (Ср.: W u n d t, Grundriss d. Psychol. 4. Aufl. 1901, S. 36 u. 220). Такое употребленіе этого слова расходится съ принятымъ въ наукѣ взглядомъ. Истинная наука стремится разложить сложное, хотя бы въ дѣйствительности не встрѣчались его элементы порознь; истинная наука стремится изучить свойства элементовъ и ихъ взаимоотношенія: разъ сложное зависитъ отъ элементовъ, то эти элементы представляютъ болѣе первичное въ дѣйствительности. Такъ поступаетъ, напр., химія. Ея примѣру слѣдуетъ и англійская ассоціативная психологія, хотя она иногда просматриваетъ элементы эмоціональные и волевые. Вундтъ, наоборотъ, видитъ ихъ тамъ, гдѣ они не существуютъ, по крайней мѣрѣ, какъ сознательные акты; а съ точки зрѣнія феноменизма это недопустимо.

знакомства ни съ однимъ изъ главнѣйшихъ представителей этого направленія, на знакомство его съ подлинными сочиненіями представителей асс. психологіи нѣтъ даже намека: Вундтъ приписываетъ этой школѣ положенія, какихъ она не держалась и даже не высказывала. Такъ напр., будто словомъ „ассоціаціи“ обозначаются исключительно (sic!) сочетанія представлений¹⁾. Далѣе, будто „подъ ассоціаціями до новѣйшаго времени понимали только (sic!) тѣ формы воспроизведенія представлений, при которыхъ ассоціированныя представленія слѣдуютъ другъ за другомъ во времени“²⁾. Втретьихъ, — будто „представленія суть постоянные объекты, которые то исчезаютъ, то снова появляются“ въ сознаніи³⁾. . . Менѣе рѣшительно повторяетъ Вундтъ эти утвержденія въ 4-мъ изданіи своего Очерка и въ 5-мъ изданіи своей Физиологической психологіи; но въ общемъ обнаруживаетъ то же незнакомство съ сочиненіями англійской ассоціаціонной психологіи по данному вопросу и вмѣстѣ съ тѣмъ еще бѣльшее предубѣжденіе и пренебреженіе къ этой школѣ, не покидая своего благого

1) Wundt, Grundriss der Psychologie, L. 1896, § 16. Вундтъ ошибочно полагаетъ, что англійскіе философы терминъ „idea“ употребляютъ въ смыслѣ термина „Vorstellung“. (См.: Wundt, Grundriss d. Psychol. 4. Aufl. L. 1901, S. 268). Между тѣмъ еще Локкъ употреблялъ терминъ „idea“ гораздо шире, включая въ него не только акты интеллекта, но и чувствованія и акты воли. (См. J. Locke, An Essay conc. hum. underst. b. II. chap. I. § 4). Въ такомъ же широкомъ смыслѣ его употребляетъ и Д. Юмъ. (См. D. Hume, Enquiry conc. hum. underst. sect. II.) Слѣдовательно ассоціаціи идей у англичанъ обнимаютъ и чувствованія и даже волевые акты. Впрочемъ, даже изъ изложенныхъ выше краткихъ выдержекъ это видно безъ сомнѣнія.

2) Ibid. См. также Wundt, Physiol. Psych. 5. Aufl. III. Bd. S. 567. Что это утвержденіе Вундта невѣрно, видно изъ двухъ прежнихъ главъ (IX. и X.) Уже Гертли выдѣлилъ изъ ассоціаціи по смежности особую группу — асс. одновременной. (См. стр. 92.)

3) Wundt, Physiol. Psychol. 5. Aufl. L. 1903. III. Bd. S. 558. И этого никто не утверждалъ. Уже Джемсъ Милль нѣкоторыя ассоціаціи назвалъ „неразрывными“, а это доказываетъ, что онъ не все ассоціаціи считалъ таковыми. Стало-быть, онъ признавалъ, что есть ассоціаціи, т. е. сложные представленія, и „неустойчивыя“.

намѣренія исправить ея „ошибки“¹⁾. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ психологіи Вундтъ въ главахъ объ ассоціаціяхъ совсѣмъ умалчиваетъ о роли „воли“, которую она должна играть при образованіи ассоціацій, а равно и о „влеченіяхъ“. Апперцепція въ Очеркѣ 1901-го года опредѣляется такъ же, какъ и въ изданіи 1896-го года; но совсѣмъ различно, чѣмъ въ „Системѣ философіи“²⁾; а въ 5-мъ изданіи Физиологич. психологіи повторяется то же образное поясненіе апперцепціи, что и въ 3-емъ изданіи отъ 1887-го года³⁾. Но въ главахъ объ ассоціаціяхъ и воспроизведеніи въ послѣднемъ изданіи его капитальнаго труда „Физиологической психологіи“ ни одно изъ упомянутыхъ понятій — ни его „апперцепція“, ни „воля“, ни „влеченія“ не играютъ никакой роли: глава объ ассоціаціяхъ могла бы занять мѣсто въ любомъ сочиненіи англійской ассоціаціонной психологіи, не нарушая въ общемъ основъ этого направленія⁴⁾. Въ

1) a) Wundt, Grundriss d. Psychol. 4. Aufl. L. 1901. S. 267—271.

b) Wundt, Physiol. Psychol. 5. Aufl. III. Bd. XIX. Cap. S. 518—560 u. XVIII. Cap. S. 477. Что эти утвержденія невѣрны, читатели могли убѣдиться даже изъ моихъ краткихъ выдержекъ въ IX. и X. главахъ (стр.: 91, 96, 97, 98, 99, 101, 103, 104, 105, 111).

2) a) Wundt, Grundriss d. Psychol. L. 1896. § 15, 4.

b) Wundt, Grundriss d. Psychol. 4. Aufl. L. 1901. S. 250. Въ обоихъ изданіяхъ Вундтъ опредѣляетъ апперцепцію слѣдующими словами: „den einzelnen Vorgang, durch den irgend ein psychischer Inhalt zu klarerer Auffassung gebracht wird, (nennen wir) die Apperception“. Вундтъ это опредѣленіе даетъ одновременно съ перечисленными выше пятью опредѣленіями. Оно болѣе подходитъ подъ 3-е, т. е. „усиленіе сознательности“.

3) Wundt, Physiol. Psychol. V. Aufl. III. Bd. L. 1903, S. 333. Здѣсь Вундтъ повторяетъ почти дословно опредѣленіе 3-го изданія, а именно, слѣдующими словами: „Den Eintritt einer Vorstellung in den (inneren) Blickpunkt wollen wir die Apperception nennen. Ist die App. von Anfang an von dem subjectiven Gefühl der Thätigkeit begleitet, so bezeichnen wir sie als eine active; geht dagegen dieses Gefühl erst aus einem ursprünglich vorhandenen entgegengesetzten Gefühl des Erleidens hervor, so wollen wir sie eine passive nennen“. (О числѣ мотивовъ волевого акта, представляющаго, по тексту „Системы философіи“, апперцепцію, уже нѣтъ и помину). Ср. то же соч. стр. 574.

4) Въ способѣ выраженія разница, конечно, громадная: Вундтъ, какъ

XVIII главѣ Вундтъ не обинуясь прямо говоритъ: „Воспоминаемая представленія уходятъ и приходятъ большей частью безъ нашего вѣдома и воли“ (Die Erinnerungsvorstellungen gehen und kommen meist ohne unser Wissen und Wollen¹). „Воспоминаемые образы, говоритъ Вундтъ, никогда (sic!) не равны (gleich) предшествующимъ непосредственнымъ воспріятіямъ чувствъ, къ которымъ мы ихъ, пожалуй, относимъ, а въ весьма многихъ случаяхъ едвали и похожи“²). „Такъ называемые образы воспоминанія, по словамъ Вундта, не копии (Abbilder) . . . нашихъ непосредственныхъ воспріятій; и тогда, когда они бываютъ до известной степени отдѣлимы (отъ нихъ и сопутствующихъ имъ процессовъ), они состоятъ изъ разлетающихся (zerflatternden) и постоянно измѣняющихся чувственныхъ комплексовъ“. „Образовъ воспоминанія, которые будто свободно и самостоятельно противопоставляются чувственнымъ воспріятіямъ, вообще не существуетъ, даже и въ тѣхъ постоянно измѣняемыхъ чувственныхъ комплексахъ; отно-

нѣмецкіе философы вообще, не отличается ни ясностью, ни краткостью изложенія. Равнымъ образомъ у Вундта встрѣчаются нѣкоторые термины, не усвоенные ассоц. психологіей: напр., заимствованные у Гербарта Verschmelzung, Complication, Vorstellung, Hemmung, Schwelle des Bewusstseins; затѣмъ Vorgang (вм. лат. Process), Geschehen (вм. лат. Act) Verbindung (вм. Association) и т. под. замѣны латинскихъ словъ соотв. нѣмецкими; сверхъ того излюбленное выраженіе „Grenzfälle“.

1) Wundt, *Physiol. Psychol.* 5. Aufl. S. 477. Въ примѣчаніи, въ которомъ онъ возражаетъ Спенсеру, онъ говоритъ о „принудительной силѣ (Zwang), съ которой воспроизведенія могутъ сопротивляться всякому произвольному измѣненію“. (Ibid.)

2) Wundt, *Physiol. Psychol.* 5. Aufl. S. 478. Для подтвержденія своего положенія Вундтъ приводитъ примѣръ субъективныхъ зрительныхъ образовъ, которые знаменитый Гёте по произволу могъ вызывать въ потемкахъ. Этотъ примѣръ, подобно какъ и псевдогаллюцинаціи, доказываетъ, что бываетъ воспроизведеніе (игра фантазіи) безъ узнаванія образовъ, и притомъ помимо обычныхъ законовъ ассоціаціи; такія воспроизведенія никто не называетъ памятью. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что не существуетъ памяти, и будто воспроизведенные образы никогда не равны своимъ оригиналамъ, т. е. предшествовавшимъ имъ соотвѣтственнымъ воспріятіямъ: сознаниемъ они часто признаются за такіе.

шеніе новаго впечатлѣнія къ прежнему обнаруживается только въ ассимилятивномъ процессѣ, которымъ опредѣляется отчасти чувственное содержаніе (*Empfindungsgehalt*), отчасти эмоціональный характеръ новаго представленія; этому онъ сообщаетъ производимыя имъ чувствованія, которыя служатъ субстратомъ (носителемъ) отношенія новаго впечатлѣнія къ старому“. „Эти ассимилятивныя соединенія суть вообще главная составная часть процессовъ воспроизведенія“¹⁾. . . Таковы новѣйшіе взгляды Вундта относительно характера воспроизведенныхъ образовъ.

Терминъ ассоціаціи онъ употребляетъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, чѣмъ англійская школа, а именно въ смыслѣ сочетанія „чисто субъективныхъ отношеній“ Дюгальда Стюарта. Къ нимъ онъ относитъ: слиянія (*Verschmelzungen*), ассимиляціи, компликаціи, ассимилятивныя ассоціаціи воспоминанія и преемственныя ассоціаціи воспоминанія. На основаніи всѣхъ этихъ „ассоціацій“, по мнѣнію Вундта, при содѣйствіи воли образуются сочетанія высшаго порядка, такъ называемыя „апперцептивныя соединенія“ (которыя въ прежнихъ изданіяхъ Вундтъ называлъ также внутренними ассоціаціями), то что Ридъ (и еще раньше Гоббсъ) называлъ правильнымъ потокомъ мыслей²⁾. „Всѣ процессы сознанія, которые оказываются соединеніемъ изъ нѣсколькихъ составныхъ частей“, Вундтъ обозначаетъ общимъ терминомъ

1) *Op. cit.* S. 513. Въ „Системѣ философіи“ Вундтъ подобнымъ субстратомъ (носителемъ), объединяющимъ настоящее впечатлѣніе съ соотвѣтственнымъ прежнимъ, считалъ волевой актъ. (См. стр. 130). Но съ точки зрѣнія феноменизма Вундта предположеніе особаго „носителя отношенія новаго впечатлѣнія къ старому“ вообще излишне. Разъ „воспоминаемые образы никогда не равны непосредственнымъ воспріятіямъ“, а „весьма часто“ даже непохожи: то становится непонятнымъ узнаваніе, т. е. само появленіе „отношенія новаго впечатлѣнія къ старому“ (подразумѣвается „аналогичному“: тождественныхъ по Вундту не бываетъ). Тогда можетъ быть рѣчь только о сходствѣ, но не объ „узнаваніи“, которое всегда предполагаетъ тождество, хоть въ главныхъ чертахъ. (См. гл. V. стр. 47—57).

2) *Op. cit.* 526.

„соединеній“ (Verbindungen¹). Факторами простѣйшихъ соединеній Вундтъ считаетъ „чистыя ощущенія и простыя чувствованія, которыя дальше уже не расложимы“²). Отвергая прежній „схематизмъ“, „гордо именуемый законами ассоціацій“, который будто на дѣлѣ не существуетъ, Вундтъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „Единственно дѣйствительныя явленія ассоціаціи представляютъ собою ассоціаціи психическихъ элементовъ, и произведенія этихъ ассоціацій никогда не состоятъ въ одномъ только сложеніи этихъ элементовъ“³).

„Самая основная форма ассоціаціи, говоритъ Вундтъ, есть ассоціативное сліяніе ощущеній. Но такъ какъ простыя ощущенія, по словамъ Вундта, не встрѣчаются въ нашемъ сознаніи, то каждое дѣйствительное представленіе есть продуктъ сліянія ощущеній“⁴). Между сліяніями Вундтъ отличаетъ двѣ разновидности: а) интенсивное сліяніе, при которомъ соединяются только однородныя ощущенія; б) экстенсивное, которое проис-

1) Этотъ терминъ ввелъ Вундтъ вмѣсто прежняго термина „ассоціаціи“ въ широкомъ смыслѣ.

2) Op. cit. 518. Что онъ разумѣетъ подъ чистыми ощущеніями и простыми чувствованіями, это остается неизвѣстнымъ читателю.

3) Op. cit. pag. 522 et 518—521. Маркировка принадлежитъ самому Вундту, который это положеніе, повидимому, считаетъ новымъ открытіемъ. Очевидно, ему неизвѣстны тонкіе психологическіе анализы ни Локка, ни Беркли, ни Юма, ни Гамильтона, ни Спенсера. Послѣдняго онъ разъ цитируетъ, возражая ему одной фразой; но повидимому, онъ совсѣмъ не знакомъ съ его аналитической частью психологіи. Спенсеръ гораздо глубже проводитъ свои анализы, чѣмъ Вундтъ, считающій простѣйшими психическими элементами „чистыя ощущенія и простыя чувствованія“; Спенсеръ на этомъ не останавливается. (См. Spencer, Principles of Psychology v. II. ch. II. § 74. рус. пер. СПб. 1876. стр. 190 и 191; v. VI. chap. XVII. § 347; рус. пер. III. томъ, стр. 243—244).

4) Op. cit. pag. 526. Если простыя ощущенія не встрѣчаются въ сознаніи, то признаніе таковыхъ за фактъ со стороны феномениста (считающаго предметомъ психологіи только „явленія сознанія“), представляется мнѣ непослѣдовательностью. Это допустимо только для тѣхъ ученыхъ, которые расширяютъ свои изслѣдованія за предѣлы явленій.

ходить отъ соединенія разнородныхъ ощущеній. Первое обнаруживается преимущественно при слуховыхъ ощущеніяхъ и чувствованіяхъ; послѣднее при зрительныхъ и осязательныхъ ощущеніяхъ. При всѣхъ сліяніяхъ одинъ элементъ получаетъ преобладаніе надъ остальными. Такъ напр. мы не воспринимаемъ обертоновъ за отдѣльные звуки; такъ при зрительныхъ впечатлѣніяхъ не сознаются какъ таковыя мѣстные знаки сѣтчатки и двигательныя ощущенія глаза ¹⁾.

Другую форму одновременной ассоціаціи Вундтъ называетъ ассимиляціей. „Эта обнаруживается тогда, когда вслѣдствіе появленія въ сознаніи новаго образованія (Gebilde) возобновляются прежніе элементы, которые соединяются съ новымъ въ одно совмѣстное цѣлое“ (simultanes Ganzes). Къ нимъ относятся иллюзіи и иллюзорныя воспріятія, пополняемая сходнымъ прежнимъ опытомъ ²⁾.

Смотря по условіямъ, ассимиляція можетъ перейти въ преемственную ассоціацію воспоминанія, если воспроизведеніе прежняго впечатлѣнія замедляется ³⁾. Въ этихъ случаяхъ обнаруживаются чувствованія узнаванія ⁴⁾. Если впечатлѣнію, подлежащему узнаванію, предшествовало нѣсколько аналогичныхъ при различныхъ обстоятельствахъ; то узнаваніе можетъ быть вызвано какими-нибудь второстепенными обстоятельствами, сопутство-

1) Op. cit. pag. 527. Эти сліянія совпадаютъ съ „неразрывными ассоціаціями“ Джемса Милля. (Ср. гл. IX. стр. 99). Самый терминъ „*Verschmelzung*“ заимствованъ у Гербарта. (См. гл. VIII. стр. 82).

2) Ibid. pag. 528 et 529. Эти явленія Сѣлли описалъ, классифицировалъ и объяснилъ вполне удовлетворительно еще двадцать лѣтъ тому назадъ въ особой монографіи, которая переведена и на нѣмецкій языкъ. (См.: J. Sully, *Die Illusionen*, L. 1884, Kap. III—VI.) Но Вундтъ о ней не упоминаетъ. Впрочемъ, и раньше Сѣлли эти факты разсматривались ассоц. психологіей — и Гамильтономъ, и Бэнномъ, и Спенсеромъ, но подъ названіемъ особаго вида ассоціаціи по сходству, который еще Гамильтонъ считалъ основой всѣхъ ассоціацій. (Ср.: a) Spencer, loco cit. pag. 264. b) A. Bain, *The Sens and Intellect*, b. II., chap II. c) X гл. наст. работы, стр. 120).

3) Ibid. pag. 535.

4) Ibid. pag. 536.

вавшими одному изъ прежнихъ аналогичныхъ (съ узнаваемымъ) впечатлѣній. Такое узнаваніе называютъ „посредственнымъ“ (*mittelbare Wiedererkennung*¹⁾). Подобные процессы Вундтъ, въ противность Гербарту, не приписываетъ апперцепціи²⁾.

„Самая неустойчивая форма ассоціаціи“, говоритъ Вундтъ, это „компликація“, подъ которой онъ, согласно съ Гербартомъ, разумѣетъ „соединенія представленій и чувствованій различныхъ (*disparater*) чувственныхъ областей“³⁾. Компликаціи во многихъ случаяхъ бываютъ совмѣстными (*simultan*), но часто могутъ появляться и преемственно (*successiv*). „Существованіе компликаціи, говоритъ Вундтъ, обыкновенно обнаруживается воспроизведеніемъ. А именно, если одно изъ чувственныхъ впечатлѣній, образующихъ сложное представленіе (*complexe Vorstellung*) отсутствуетъ,

1) *Ibid.* pag. 538.

2) *Ibid.* pag. 540. Итакъ Вундтъ полагаетъ, будто „преемственная ассоціація воспоминанія“ образуется изъ ассимиляціи; слѣдовательно —, будто ассимиляція генетически предшествуетъ соотвѣтственной преемственной ассоціаціи, сопровождаемой „чувствованіемъ узнаванія“. Это мнѣніе невѣрно, какъ это доказываютъ мои психологическіе анализы въ V. и VI. главахъ (стр. 47—61). Къ нимъ можно еще присоединить и общеизвѣстные факты упражненія и привычки (приведенныя въ настоящей главѣ въ примѣчаніи на стр. 136). Привычныя ассоціаціи, какъ извѣстно, постепенно теряютъ свои эмоціональные элементы, превращаясь въ „автоматическіе“ процессы, порою даже произвольные. Это Вундтъ упустилъ изъ виду. И такъ ассимиляцію Вундта, по моему, нужно считать процессомъ болѣе привычнымъ, утерывшимъ сопровождавшее его въ началѣ чувствованіе „узнаванія“ (*Bekanntheitsqualität* Гефдингга); слѣдовательно, ассимиляція образуется послѣ извѣстнаго упражненія (повтореній) изъ „преемственной ассоціаціи воспоминанія“, которая первоначально сопровождалась чувствованіемъ узнаванія; а никакъ не наоборотъ, какъ полагаетъ Вундтъ. Какъ видно, и Вундтъ, подобно „старой ассоціаціонной психологіи“, не проанализировалъ до конца процессовъ узнаванія (и отношенія ихъ къ ассимиляціямъ). И онъ сводитъ ихъ на однѣ ассоціаціи, только съ присоединеніемъ къ нимъ особаго чувствованія „узнаванія“. Но откуда берется это чувствованіе, Вундтъ на этомъ не останавливается. Сужденій тожества, на которыя я указалъ въ V. главѣ, а равно и апперцепціи (даже „пассивной“) Вундтъ не видитъ въ процессахъ узнаванія.

3) Въ ассоц. психологіи ее обозначаютъ терминомъ „одновременной ассоціаціи по смежности“.

то оно присоединяется воспроизведеніемъ, подобно какъ при ассимиляціи“. „Такимъ образомъ большинство нашихъ представлений о реальныхъ предметахъ суть complicаціи, такъ какъ каждый изъ нихъ имѣетъ признаки различныхъ чувственныхъ областей. Таковую напр., представляетъ зрительный образъ предмета, соединенный съ неотчетливыми ощущеніями его твердости и тяжести“¹⁾. Большое значеніе имѣютъ соединенія чувственныхъ впечатлѣній съ собственными движеніями, напр., при осязаніи — движенія рукъ, при зрѣніи — движенія глазъ; далѣе, — движенія пантомимическія и подражательныя, связанныя съ опредѣленными чувствованіями; движенія органа рѣчи, связанныя съ зрительными, слуховыми и другими представленіями²⁾.

Послѣдній видъ ассоціацій Вундтъ обозначаетъ терминомъ „преемственныхъ ассоціацій воспоминаванія“ (successive Erinnerungsassociationen). Подъ ними Вундтъ разумѣетъ то же, что ассоц. психологія обыкновенно обозначаетъ терминомъ „преемственной ассоціаціи“ (по смежности). Подвергая ее на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій подробной критикѣ, Вундтъ вноситъ въ свое прежнее ученіе объ ассоціаціи значительныя поправки: 1) Онъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что „обычные эксперименты надъ ассоціаціями . . . для познанія самыхъ ассоціаціонныхъ процессовъ ничего не прибавляютъ“. „Для этого они въ нѣкоторой степени могутъ сдѣлаться пригодными благодаря индивидуальному анализу сопровождающихъ каждый опытъ явленій при участіи самонаблюденія“³⁾. 2) Вундтъ на осно-

1) Ibid. pag. 541.

2) Ibid. pag. 542.

3) Ib. pag. 551. Свои выводы Вундтъ главнымъ образомъ основываетъ на экспериментахъ Кордеса. (G. Cordes, Experimentelle Untersuchungen über Associationen, Philos. Studien Bd. XVII. L. 1901. S. 30—77). При этомъ онъ упускаетъ изъ виду, что эксперименты не могутъ исчерпать всѣхъ, даже самыхъ типичныхъ случаевъ обыденной нормальной жизни внѣ психологическихъ лабораторій. Равнымъ образомъ Вундтъ совсѣмъ оставилъ безъ вниманія прежнія эксперим. работы, въ которыхъ

вані експериментовъ Кордеса дѣлаеть такое заключеніе: „Остается весьма сомнительнымъ, существуетъ ли вообще (преемственная) ассоціація, при которой предшествующій членъ совершенно исчезаетъ изъ сознанія, когда въ немъ появляется второй. Скорѣе нужно предполагать, что на дѣлѣ первый членъ вытѣсняется вторымъ только постепенно, или же и тутъ переходятъ отъ перваго представленія во второе просмтрѣнныя составныя части или же случайныя сопутствующія ощущенія и чувствованія“¹⁾.

Чаще, чѣмъ это предполагается, связующимъ членомъ при преемственныхъ ассоціаціяхъ, по мнѣнію Вундта, бываетъ чувствованіе, которое будто „прежде всего дѣйствуетъ ассимилятивнымъ способомъ. А именно, опредѣленное чувствованіе насъ переноситъ въ положеніе жизни, которому соотвѣтствуетъ одинаковое чувствованіе“²⁾. „Въ подобныхъ ассимиляціяхъ, по мнѣнію Вундта, коренится такъ часто появляемое чувствованіе, овладѣвающее нами при опредѣленномъ событіи (и вызывающее убѣжденіе) будто мы то же самое уже разъ пережили, будто мы подобныя вещи уже раньше видѣли“³⁾.

примѣнялось самонаблюденіе и которыя дали данныя, просмтрѣнныя прежней теоріей ассоціаціи. Таковыя работы Бинэ и Анри, которые впервые обратили вниманіе на эту сторону экспериментальныхъ изслѣдованій; затѣмъ, работы Миллера и Шумана и наконецъ, работы Ц. Родословова Хаджи-Денкова. (См.: мою работу „О памяти“ II ч. гл. XI. Б. II. 3). Въ виду этихъ пробѣловъ, неудивительно, что нѣкоторыя обобщенія Вундта оказываются слишкомъ поспѣшными, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

1) *Ib.* pag. 553.

2) *Ib.* pag. 554. Если связующимъ членомъ между двумя преемственно воспроизводимыми представленіями (идеями) служить общее обоимъ чувствованіе, то такое воспроизведеніе, по терминологіи Гамильтона, подходитъ подъ „ассоціацію цѣлага“, воспроизведеннаго однимъ его элементомъ; по обычной терминологіи оно сводится на асс. по смежности.

3) *Ibid.* Этимъ мнѣніемъ Вундтъ, очевидно, предполагаетъ объяснить такъ называемое явленіе „парамнэзи“, относительно котораго еще спорятъ психіатры. Мнѣ кажется правильнымъ объясненіе Лаланда, данное имъ въ *Année ps.* 1896. Мнѣніе же Вундта во всякомъ случаѣ ошибочно. Чувствованіе „знакомости“ можетъ появиться (какъ это раньше въ той же

Такъ называемыя „посредственныя ассоціаціи“ Гамильтона Вундтъ признаетъ доказанными экспериментами Кордеса, но не допускаетъ, чтобы посредствующее между двумя представленіями звено могло быть безсознательнымъ. (Вундтъ вообще не признаетъ безсознательныхъ процессовъ, такъ какъ онъ отождествляетъ сознаніе съ душою). Онъ только признаетъ, что это промежуточное звено (какъ оно иногда случалось при упомянутыхъ экспериментахъ) могло „ускользнуть изъ памяти“, что оно могло „остаться незамѣченнымъ“ или же что оно было „неясно сознано“; но безсознательнымъ оно быть не можетъ¹⁾.

Въ концѣ Вундтъ относительно преемственныхъ ассоціацій воспоминанія приходитъ къ заключенію, что таковыя

главѣ на стр. 534 признаетъ и самъ Вундтъ) при ассимилятивныхъ ассоціаціяхъ воспоминанія, т. е. при процессахъ узнаванія. Оно есть результатъ замедленной ассимиляціи новаго впечатлѣнія съ аналогичнымъ прежнимъ. А при парамнезіи мы имѣемъ ошибочное чувствованіе знакомости при впечатлѣніи, которое мы несомнѣнно испытываемъ первый разъ въ жизни. Мало того, это чувствованіе бываетъ такъ сильно, что разсудокъ не всегда можетъ разувѣриться въ обманѣ чувствованія. У нѣкоторыхъ субъектовъ при этомъ видимое въ первый разъ не только кажется знакомымъ; но еще сверхъ того получается ложная проекція во времени. Имъ кажется, будто они очень и очень давно уже разъ видѣли то же самое. Эта давность можетъ иногда казаться чрезвычайно отдаленной. Такъ напр., я знаю одну очень интеллигентную личность съ философскимъ складомъ ума, которая при нормальномъ состояніи души только благодаря своимъ парамнезіямъ вѣритъ, что ея душа за много вѣковъ до рожденія уже существовала и что ея „воспоминанія“ (парамнезіи) относятся къ этому доземному существованію. Вѣроятно, и Платонъ имѣлъ подобныя парамнезіи, которыя его привели къ его убѣжденію предсуществованія душъ. Эти явленія Вундту, повидимому, недостаточно извѣстны. И въ этомъ случаѣ (ложнаго узнаванія), и при всякомъ правильномъ узнаваніи чувствованіе знакомости можетъ быть только р е з у л ь т а т о м ъ сопоставленія узнаннаго съ прежнимъ аналогичнымъ фактомъ, а не причиной воспроизведенія давняго факта. (См. гл. V стр. 52—54). Чувствованіе знакомости одно и то же при всѣхъ узнаваніяхъ. Если бы оно было причиною воспроизведенія, то оно вызывало бы въ сознаніи всѣ или любое представленіе, которое сопровождалось этимъ чувствованіемъ. На дѣлѣ этого не бываетъ: оно вызываетъ только сходное представленіе (если уже дѣйствительно не бываетъ, какъ это полагаетъ Вундтъ, тождественныхъ).

1) Ibid. pag. 555—556.

„вовсе не существуютъ, какъ самостоятельныя воспроизводительныя формы (reproductive Formen) психическихъ процессовъ“. „Огромное большинство обыкновенно къ нимъ причисляемыхъ случаевъ состоитъ или изъ однѣхъ ассимиляцій . . . или же существенныя составныя части отъ перваго члена переливаются во второй. . . Эти ассоціаціи оказываются сравнительно рѣдкими переходными случаями (Grenz-fälle) ассимиляцій и комбинацій“¹⁾. „Ассоціація, какъ чисто преемственный процессъ, развивается изъ ассимиляціи, а иногда также изъ совмѣстной (simultane) комбинаціи, если непосредственное соединеніе элементовъ вліяющихъ другъ на друга представленій встрѣчаетъ препятствія, которыя совершенно вытѣсняють возбуждающее впечатлѣніе (inducirender Eindruck²⁾). И преемственная ассоціація соединяетъ не отдѣльныя устойчивыя представленія, но она всегда составляется изъ элементарныхъ соединеній, которыя сверхъ того сами могутъ измѣняться во время единичнаго ассоціаціоннаго акта“³⁾. „Такимъ образомъ, поясняетъ Вундтъ, осуществляется то расплывчатое и разлетающееся качество образовъ воспоминанія, которое въ гораздо бѣльшей степени составляетъ ихъ характерный признакъ (sic!), чѣмъ обычная ихъ слабость“⁴⁾.

Въ заключеніи того же параграфа Вундтъ дѣлаетъ слѣдующій приговоръ надъ „старыми ассоціаціонными схемами“. „Онѣ оказываются жалкими (nothdürftige) вспомогательными понятіями недостаточнаго психологическаго наблюденія. . . Эти категоріи, которыя обыкновенно выводятся какъ формы ассоціацій или даже какъ „законы ассоціаціи“, на дѣлѣ суть логическія искусственныя произведенія (Arte-

1) Ibid. pag. 557.

2) Ibid.

3) Ibid. 558.

4) Ibid. Ср. также стр. 140 и 141 наст. главы и W u n d t, Grundriss. . . VI. Aufl. (1904) S. 267, 269.

facte. Sic!), которыя имѣютъ въ виду только нѣкоторыя конечныя продукты ассоціаціонныхъ процессовъ¹⁾. . .

Сейчасъ же послѣ этого своего приговора Вундтъ помѣстилъ отдѣлъ подъ заглавіемъ „Психологическая теорія ассоціацій“. Суть этой „теоріи“ заключается въ слѣдующемъ²⁾.

1) Вундтъ предостерегаетъ отъ „предразсудка, господствующаго по нынѣшній день въ учении объ ассоціаціяхъ“, будто представленія (= идеи) постоянныя объекты³⁾. Напротивъ, они — процессы, постоянно измѣняющіеся⁴⁾.

2) Невѣрно, говоритъ Вундтъ, предположеніе, возведшее общія логическія понятія въ „законы ассоціаціи“, которые будто составляютъ причины явленій. „Элементарныя процессы, по словамъ Вундта, происходятъ не между самими представленіями, а только между отдѣльными процессами

1) Ibid. Этотъ приговоръ, добытый Вундтомъ на основаніи экспериментовъ Кордеса, долженъ показаться читателю очень строгимъ; а всѣ представители англійской ассоціаціонной психологіи и философіи, начиная съ Локка, Беркли и Юма и кончая Бэнномъ и Спенсеромъ, должны представиться по сравненію съ Вундтомъ жалкими пигмеями мысли, если они свои „искусственныя логическія произведенія“ принимали за дѣйствительныя „законы“ душевной жизни! Любопытно, что же Вундтъ подставилъ на мѣсто этихъ „искусственныхъ произведеній“?

2) Ib. 558—565. Въ изложеніи я придерживаюсь порядка, принятаго Вундтомъ, избѣгая по возможности его повтореній.

3) Ib. 558. Ср.: W u n d t, Grundriss VI. Aufl. III. Bd. S. 269 и стр. 138 наст. главы.

Этотъ „предразсудокъ“, какъ я отмѣтилъ выше, не можетъ быть отнесенъ на счетъ англійской ассоціаціонной школы. Уже Джемсъ Милль отличалъ „неразрывныя ассоціаціи“ (постоянныя представленія) отъ ассоціаціи неустойчивыхъ. Этотъ „предразсудокъ“ можетъ быть отнесенъ только къ ученію Гербарта. Впрочемъ, и онъ отличаетъ простыя представленія отъ слияній и complicаций, и прямо не утверждаетъ, что представленія никогда не мѣняютъ своей сложности, и что они „constante Objecte“.

4) Ib. 559—560. Удивительно, какъ при такомъ постоянномъ измѣненіи, при такомъ вѣчномъ Гераклитовомъ потокѣ (въ которомъ πάντα ῥεῖ καὶ οὐδὲν μένει) могутъ образоваться истинныя познанія, которыя остаются неизмѣнными не только въ теченіи жизни одной особи, но даже въ теченіе вѣковъ! И какъ это люди могутъ понимать другъ друга и даже писать науку о душѣ?

ощущений, изъ которыхъ состоятъ представленія (подразумѣвается „сложныя“) и не въ малой степени и между чувствованіями, связанными съ представленіями“. „Понятіе воспроизведенія — слово, въ которомъ сгустилось все ошибочное пониманіе дѣла — никогда не можетъ относиться къ готовому представленію, но только (sic!) къ элементамъ представленія, которые . . . безъ изъятія принадлежатъ многимъ, а иногда неограниченно многимъ прежнимъ представленіямъ“¹⁾.

3) „Всѣ ассоціаціи должно разсматривать за равнодѣйствующія (Resultanten) элементарныхъ процессовъ соединенія между простыми ощущеніями и чувствованіями или сравнительно ограниченными комплексами этихъ элементовъ. При такомъ взглядѣ возможны сами по себѣ (an und für sich) только два элементарныхъ процесса, существованіе которыхъ дѣйствительно подтверждается при всѣхъ ассоціаціяхъ. Эти процессы суть: соединеніе равныхъ (gleich) элементовъ и соединеніе такихъ, которые вступили въ одну функціональную связность (Zusammenhang) вслѣдствіе ихъ совмѣстнаго появленія“ (durch gemeinsames Vorkommen). Оба эти вида элементарнаго соединенія, говоритъ Вундтъ, мы будемъ называть соединеніемъ равенства (Gleichheitsverbindung) и соединеніемъ по смежности. . . . Однако этими названіями, оговаривается Вундтъ, мы не хотимъ сказать, что называемая обыкновенно ассоціація по сходству можетъ быть разложена на болѣе элементарныя соединенія равенства; а ассоціація по смежности на такія же соединенія по смежности. Напротивъ, анализъ сложныхъ ассоціацій

1) Ib. 559—560. Ср. примѣч. 3. на стр. 142 наст. главы и примѣч. 2. на стр. 143. Впрочемъ, мнѣніе Вундта, будто воспроизведеніе никогда не можетъ относиться къ готовому представленію, опровергается и опытомъ и его же собственнымъ утвержденіемъ, что отъ повторенія даже сложные „апперцептивныя соединенія“ (цѣлыя сужденія) превращаются въ простыя ассоціаціи. (См. W u n d t, *Physiol. Psychol.* V. Auf. III. Bd. S. 581.)

ясно показываетъ, что каждая изъ нихъ основана на одновременномъ дѣйствованіи (*Wirksamkeit*) обоихъ элементарныхъ процессовъ¹⁾.

4) „Первое дѣйствіе впечатлѣнія, возбуждающаго ассоціацію, состоитъ въ томъ, что оно вызываетъ одинаковые (*gleiche*) элементы прежнихъ впечатлѣній, которые сливаются съ одинаковыми элементами новаго впечатлѣнія; при этомъ замѣчается усиленіе интенсивности и ясности этихъ общихъ элементовъ. . . Этотъ первый элементарный процессъ, т. е. приведеніе въ дѣятельное состояніе (*das Actuellwerden*) соединеній равенства, необходимо должно начинать всякую ассоціацію. Но оно тотчасъ же ведетъ и къ другому процессу, а именно къ образованію элементарныхъ соединеній по смежности. . . Послѣднія происходятъ между различными элементарными процессами того же самаго или различныхъ представленій²⁾.

5) „Что первоначально было соединено черезъ совпаденіе внѣшнихъ возбужденій, то въ общемъ и воспроизводится въ этомъ соединеніи. Но затѣмъ къ этому присовокупляются дальнѣйшія соединенія, такъ что происходятъ усиленія одинаковыхъ и вытѣсненія (подразумѣвается „изъ

1) *Ibid.* 560. Можетъ показаться, будто этимъ разъясненіемъ Вундтъ вноситъ важную поправку въ теорію ассоціаціи. На самомъ дѣлѣ, оно сводится къ тому же, что Вундтъ утверждалъ выше (въ п. 2). Такъ какъ-де постоянныхъ представленій не бываетъ, то поэтому только ихъ элементы, какъ нѣчто устойчивое, могутъ воспроизводиться въ неизмѣнномъ видѣ. Поэтому-де только къ нимъ и примѣнимы ассоціаціи по смежности и по сходству (подразумѣвается, въ чистомъ видѣ). Невѣрность этого мнѣнія была показана выше. Къ ней можно присоединить еще слѣдующее возраженіе. Вундтъ нигдѣ не представляетъ анализовъ воспріятій, подобныхъ анализамъ Спенсера, равнымъ образомъ и подобнаго моему, приведенному въ VI. главѣ. Далѣе, и свои „чистыя ощущенія и чувствованія“ Вундтъ не считаетъ встрѣчающимися въ дѣйствительномъ опытѣ. Слѣдовательно его „элементы“ — или логическія абстракціи (*Artefacte*) или же бессознательные процессы, которыхъ Вундтъ, какъ феноменистъ, не признаетъ.

2) *Ibid.* 560—561. Съ этимъ взглядомъ мы уже встрѣчались у Спенсера и Гамильтона. См.: стр. 105—107 и 119—122.

сознанія“) противныхъ элементовъ“¹⁾. Такъ бываетъ при сліяніяхъ и ассимиляціяхъ.

6) „При компликаціи безъ изъятій преобладаютъ соединенія по смежности: между самыми соединенными представленіями исключена наличность одинаковыхъ (gleich) элементовъ. . . Изъ равныхъ элементарныхъ процессовъ, наконецъ, развиваются и преемственныя ассоціаціи воспоминанія, когда вслѣдствіе противодѣйствія противныхъ (heterogen) элементовъ задерживается сліяніе въ одно представленіе; тогда производится преемственность (Succession) сперва двухъ а иногда и бѣльшого числа представлений“²⁾.

7) „Всѣ ассоціаціи суть процессы, происходящіе въ сознаніи исключительно отъ дѣйствія внѣшнихъ возбужденій другъ на друга и на существующія расположенія представлений (Vorstellungsdispositionen), а равно и отъ взаимодействій послѣднихъ. Отъ этого дѣйствія происходитъ дальнѣйшая субъективная сторона ассоціаціонныхъ процессовъ. . . т. е. сопровождающее ихъ чувствованіе. Это чувствованіе въ общемъ имѣетъ исключительно (sic!) характеръ того эмоціональнаго процесса, который мы узнали какъ симптомъ пассивной апперцепціи, (т. е. чувствованіе претерпѣванія = des Erleidens). На основаніи этого чувствованія. . . поднимаются спеціальныя эмоціональныя формы (Gefühlsformen), характерныя для отдѣльныхъ ассоціаціонныхъ процессовъ, каковы чувствованія узнаванія, знакомости и чувствованіе припоминанія“ (Erinnerungsgefühl³⁾).

1) Ibid. 563.

2) Ibid. 564. Почему между соединенными представленіями исключена наличность одинаковыхъ элементовъ, понять не легко. Выше самъ Вундтъ признавалъ, что „каждая сложная ассоціація основана на одновременномъ дѣйствованіи обоихъ элементарныхъ процессовъ“. (Loco cit. 560).

3) Ibid. 564. Этотъ взглядъ совпадаетъ съ ученіемъ Гертли. (Ср. стр. 92—97 гл. IX.) Только при такомъ взглядѣ оказывается непослѣдовательностью возведеніе „воли“ въ „основное начало“ душевныхъ процессовъ: вѣдь, „воля“ Вундта въ концѣ концовъ оказывается дѣйствіемъ

Такова новѣйшая теорія ассоціаціи у Вундта¹⁾.

ХІІІ.

„Болѣе сложныя соединенія представленій, развивающіяся на основаніи всѣхъ перечисленныхъ ассоціаціи при содѣйствіи простыхъ процессовъ вниманія“, Вундтъ называетъ „апперцептивными соединеніями“. Эти, по его словамъ, характеризуются тѣмъ, что у нихъ обнаруживается „активная апперцепція (сопровождаяемая „чувствованіемъ дѣятельности“ — *Thätigkeitsgefühl*), которая „опредѣляется всѣмъ (*sic!*) предшествовавшимъ развитіемъ сознанія“. „Вслѣдствіе этого она получаетъ характеръ волевого процесса, мотивами котораго служатъ отдѣльныя подчиненныя (*disponibeln*) ему ассоціаціи; а эффектъ его состоитъ въ томъ, что осуществляютъ (*wirklich eintreten*) тѣ изъ ассоціаціи,

молекулярныхъ размѣщеній въ мозгу и внѣшнихъ возбужденій, которыя въ свою очередь опять — не что иное, какъ движенія молекулъ и атомовъ. Хотя Вундтъ отрекается (равно какъ и Гертли) отъ исповѣданія матеріализма, но на самомъ дѣлѣ его ученіе только маскируетъ настоящій матеріализмъ. „Воля“ Вундта — это не метафизическое начало, не субстанція, а производный и сложный мозговой процессъ. Спенсеръ гораздо послѣдовательнѣе Вундта: онъ все же признаетъ за фактъ существованіе субстанціи духа, хотя и не признаетъ ея познаваемости. (См. стр. 102 и 103 IX. гл.)

1) Въ ея изложеніи Вундтъ главнымъ образомъ руководился экспериментальными опытами Кордеса, опубликованными въ его же „*Philos. Studien*“ за 1901 годъ. Опыты Кордеса, безспорно, имѣютъ нѣкоторыя преимущества передъ подобными другими по этому предмету. Главное изъ нихъ заключается въ самонаблюденіяхъ испытуемыхъ лицъ, записанныхъ стенографически тотчасъ же послѣ cadaго отдѣльнаго испытанія. Такъ какъ между испытуемыми лицами были два съ ученой степенью доктора, то эти самонаблюденія имѣютъ свою цѣнность. Но все же и эти экспериментальныя изслѣдованія, по моему, не дали новыхъ неоспоримыхъ выводовъ относ. теоріи ассоціаціи. Важно въ нихъ одно, что они обратили вниманіе экспериментатора на сложность процессовъ въ воспроеизведенія, чего не замѣчали другіе экспериментаторы. Критическій разборъ какъ этихъ, такъ и другихъ экспериментальныхъ изслѣдованій по ассоціаціи и памяти, произведенныхъ за послѣднее пятилѣтіе будетъ сдѣланъ мною въ особомъ приложеніи къ III. части моего настоящаго труда.

которыя соотвѣтствуютъ господствующимъ мотивамъ всего процесса. Апперцепція, поднимая въ точку зрѣнія сознанія опредѣленные ассоціаціи то въ совокупности ея частей, то лишь единичныя изъ нихъ, бываетъ отчасти соединяющей, отчасти разлагающей функцией (*zerlegende Function*). Но оба раза она есть соотносящая функція (*beziehende Function*), и въ послѣднемъ признакъ преимущественно состоитъ ея характерное различіе отъ простой ассоціаціи. Какъ соединяющая апперцепція, она сопоставляетъ во взаимныя соотношенія соединенныя части; какъ разлагающая апперцепція — части, выдѣленные изъ раньше апперцепцированнаго цѣлаго¹⁾. „Апперцепція, какъ соединяющая функція, изъ ассоціированныхъ представленій формируетъ, по словамъ Вундта, сложныя образованія (*Gebilde*), элементы которыхъ соединены въ одно цѣлое, полное соотношеній (*beziehungsvoll*), которое въ свою очередь само тоже имѣетъ характеръ цѣльнаго (*einheitlich*) представленія. Первый толчекъ къ таковымъ соединеніямъ даетъ ассоціація. . . Первую степень апперцептивнаго соединенія представляетъ агглютинація представленій. Подъ ней, говоритъ Вундтъ, мы разумѣемъ то сплетеніе (*Verknüpfung*) соединенныхъ первоначально ассоціативнымъ способомъ представленій, при которомъ мы еще отчетливо сознаемъ составныя части, но уже образовали вытекающее изъ нихъ цѣлокупное представленіе“ (*Gesamtvorstellung*). (Какъ примѣръ подобной агглютинаціи Вундтъ приводитъ нѣмецкое слово — „*Kirchthurm*“). Затѣмъ, „изъ агглютинаціи происходитъ апперцептивное сліяніе“²⁾. Въ этомъ процессѣ Вундтъ признаетъ за „важный моментъ ослабленіе и исчезновеніе изъ сознанія опредѣленныхъ составныхъ частей цѣлокупнаго представленія“. Этому процессу Вундтъ приписываетъ образованіе понятій — конкретныхъ и отвлечен-

1) Ibid. 572—573.

2) Ibid. 573.

ныхъ, а равно и символовъ этихъ понятій и особаго „чувствованія понятій“ (Begriffsgefühl¹). „Къ соединяющей апперцепции, говоритъ Вундтъ, непосредственно примыкаетъ разлагающая функція апперцепции. Она состоитъ въ томъ, что цѣлокупныя представленія, образованныя активной апперцепціей, опять расчленяются на части; эти части вовсе не должны быть тождественными съ тѣми, изъ которыхъ первоначально составились представленія“. „Первоначальное цѣлокупное представленіе большей частію представляется нашему сознанию, какъ не отчетливый комплексъ . . . но всегда цѣлое должно апперципироваться раньше, чѣмъ его части“²).

„Дальнѣйшее качество апперцепции, по словамъ Вундта, находитъ свое выраженіе въ законѣ раздвоенія (Gesetz der Zweitheilung), по которому всегда (sic!) происходитъ апперцептивное расчлененіе представленій. Онъ-де ясно выразился въ категоріяхъ грамматическаго синтакса, каковы: подлежащее и сказуемое, имя и опредѣленіе, глаголъ и дополненіе и т. д. . . Этотъ законъ двойственности, управляющій логическими законами мышленія, по мнѣнію Вундта, беретъ свое начало изъ того же источника, какъ и развитіе господствующихъ элементовъ въ ассоціативныхъ сліяніяхъ и комбинаціяхъ“³). Это свое мнѣніе Вундтъ поясняетъ слѣдую-

1) Ibid. 574.

2) Ibid. 575. Ср: ученіе Гамильтона въ X. гл. стр. 120—123.

3) Ibid. 575. Своимъ „закономъ раздвоенія“ Вундтъ, очевидно, имѣетъ въ виду объяснить процессы сужденія и характеръ нашего словеснаго мышленія. Но изъ его изложенія видно, что Вундтъ не уяснилъ себѣ природу сужденія. Дѣло въ томъ, что въ конкретномъ актѣ сужденія, разсматриваемомъ какъ душевный процессъ въ моментъ его возникновенія, нужно различать не двѣ, а три составныя части — кромѣ подлежащаго и сказуемаго еще и связку. На это давно уже обращено вниманіе и въ логикѣ. (См. J. St. Mill, *Logic*, b. I. chap. IV. § 1). На нѣкоторыхъ языкахъ, правда, сужденія могутъ быть выражены и однимъ словомъ, чаще двумя; но изъ этого не слѣдуетъ, что даже въ сужденіяхъ, состоящихъ изъ одного слова, не имѣется на лицо всѣхъ трехъ элементовъ. Правда, въ безличныхъ предложеніяхъ недостаетъ даже подлежащаго, но оно подразумевается. Извѣстный филологъ Миклосичъ полагаетъ, что въ

щими разсужденіями. „Ассоціаціи содержатъ въ себѣ зародыши логическихъ соединеній мышленія, поскольку ассоціативныя отношенія представленій заключаютъ въ себѣ возможность превратиться въ логическія отношенія. Этотъ характеръ не можетъ имъ придать (aufprägen) одна только апперцепція, такъ какъ ассоціація, очевидно, приводитъ представленія только къ тѣмъ соединеніямъ, въ которыя они распредѣляются (sich ordnen) вслѣдствіе ихъ собственнаго свойства, независимо отъ какой бы то ни было дѣятельности воли (unbeeinflusst von jeder Willensthätigkeit). . . Представленія суть образы объективнаго бытія и процессовъ (Bilder eines objectiven Seins und Geschehens). . . Ассоціаціи получаютъ тотъ логическій характеръ, которымъ они готовятъ и наконецъ имъ только дѣлаютъ возможнымъ настоящее мышленіе, отъ самыхъ представляемыхъ вещей (sic!). . . Эти вещи, представляя мышленію матеріалъ для его дѣятельности, должны и въ своихъ собственныхъ отношеніяхъ соотвѣтствовать тѣмъ мысленнымъ отношеніямъ, которыя устанавливаетъ апперцепція. Это соотвѣтствіе не есть одинъ только внѣшній параллелизмъ двухъ видовъ бытія, которые въ остальномъ расходятся (sonst auseinanderfallen), такъ какъ дѣйствительность непосредственно дана намъ только въ нашихъ представленіяхъ. Слѣдовательно эти представленія (= душевные акты, или англійскія ideas) всилу ихъ собственнаго качества вступаютъ въ тѣ соединенія, которыя находятъ

нихъ подлежащее или неизвѣстно, или же не можетъ быть отыскано. Н. Ланге считаетъ возможнымъ объяснить природу сужденій „закономъ перцепціи“, съ которымъ мы познакомились при изложеніи теоріи ассоціаціи у Спенсера (стр. 106 и 107 примѣч. 3). Но Н. Ланге разсматриваетъ только одинъ видъ простѣйшихъ сужденій (Wahrnehmungsurteile), а именно, сужденія сравненія (Vergleichungsurteile), которыми далеко не исчерпывается природа всѣхъ сужденій. (См. Н. Ланге, Психологич. изслѣдованія, Одесса 1893. стр. 56—59). По этому вопросу болѣе всего поучительны анализы и описанія Гёффлера. (См. H ö f f l e r, Psychol. Wien 1897 §§ 38—43, а также его же „Logik“ (1890) §§ 41—43, 52—54 а также §§ 10 и 25).

свое выраженіе въ формахъ ассоціаціи, и въ этихъ соединеніяхъ они апперципируются¹⁾. Роль этой „апперципирующей“ дѣятельности Вундтъ поясняетъ такъ. „Такъ какъ отъ отдѣльнаго представленія развиваются (sic!) многократныя (mehrfache) отношенія къ другимъ представленіямъ, то въ сознаниіи можетъ возникнуть противодѣйствіе другъ другу (Widerstreit) многихъ ассоціацій, какъ особый видъ борьбы мотивовъ (разсмотрѣнной Вундтомъ по поводу волевыхъ актовъ въ XVII гл. на стр. 256). . . Теперь, по словамъ Вундта, дѣло апперцепціи состоитъ въ томъ, чтобы соединенныя представленія . . . состояли въ тѣхъ отношеніяхъ, которыхъ требуетъ связь мысленныхъ процессовъ. Поэтому-де развитіе апперцептивнаго теченія представленій стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ образованіемъ тѣхъ цѣлокупныхъ представленій, которыя, предвосхищая весь объемъ мысленнаго процесса (хотя бы и смутно сознаваемого въ его ббльшей части), этому процессу впередъ указываютъ направленіе происходящаго расчлененія на отдѣльныя представленія, а вмѣстѣ съ нимъ — ихъ поднятія къ ббльшей ясности“²⁾.

1) Ibid. 576. По этому мнѣнію Вундта, сужденія отличаются отъ простыхъ ассоціацій только присоединеніемъ къ послѣднимъ актовъ апперцепціи. Но такъ какъ эта въ свою очередь, по разъясненіямъ Вундта, оказывается, зависимой отъ чувствованій и представленій, а также и отъ ассоціацій, которыя „независимо отъ какой бы то ни было дѣятельности воли“, „приводятъ представленія къ соединеніямъ“: то этимъ разсужденіемъ Вундтъ повторяетъ взглядъ Гертли и крайнихъ ассоціанистовъ, въ родѣ Джемса Милля, которые и сужденія и волевые акты сводятъ къ ассоціаціямъ. (См. IX. гл. стр. 90—99). Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что Вундтъ со своей апперцепціей обращается, какъ съ живой субстанціей, которая, смотря по обстоятельствамъ, дѣйствуетъ различно; но это уже несогласно съ англійскими ассоціанистами, которые стремились по крайней мѣрѣ къ упрощенію своихъ объясненій разныхъ душевныхъ процессовъ.

2) Ibid. 576. Тутъ Вундтъ примѣняетъ уже новый принципъ „борьбы предоставленій“ (мотивовъ), заимствованный у Гербарта, а апперцепція устанавливаетъ тѣ отношенія, „которыхъ требуетъ связь мысленныхъ процессовъ“. Слѣдовательно эта „связь мысленныхъ процессовъ“ является еще новой силой, съ которой апперцепція должна со-

„Въ развитіи этихъ процессовъ“ говоритъ Вундтъ, мы можемъ различать двѣ ступени, которыя затѣмъ постоянно продолжаютъ существовать совмѣстно, какъ два переплетающіеся (*in einander greifende*) фактора, которые въ каждомъ отдѣльномъ произведеніи (*Leistung*) въ переменчивыхъ размѣрахъ участвуютъ одновременно. На первой изъ этихъ ступеней цѣлокупныя представленія, отъ которыхъ исходитъ мысленный процессъ, суть объединенія (*Zusammenfassungen*) единичныхъ представленій. . . Эту форму мышленія, обнаруживаемую въ планомѣрномъ копированіи (*Nachbildung*) и воссозданіи конкретныхъ воспріятій, мы называемъ дѣятельностью фантазіи (*Phantasiethätigkeit*). Къ ней постепенно присоединяется въ постоянно возрастающей мѣрѣ другая, при которой части цѣлокупнаго представленія пріобрѣтаютъ значеніе замѣстительное (*repräsentative*): при этомъ главное значеніе придается не самымъ частямъ, но отношеніямъ, въ которыхъ онѣ находятся къ другимъ составнымъ частямъ мысленныхъ произведеній. Такимъ образомъ, по мнѣнію Вундта, возникаетъ форма мышленія понятія ми, которую мы называемъ дѣятельностью разсудка“ (*Verstandesthätigkeit* ¹).

Итакъ дѣятельность фантазіи, а равно и дѣятельность разсудка Вундтъ въ послѣднемъ сочиненіи по психологіи сводитъ на „апперцептивныя соединенія“, въ которыхъ обнаруживается „активная апперцепція“, т. е. сопровождае-

гласоваться. Въ дальнѣйшемъ она должна находиться „въ связи“, и притомъ „въ тѣснѣйшей“ „съ образованіемъ цѣлокупныхъ представленій“ (опять новое требованіе!) Однимъ словомъ, роль апперцепціи очень сложная: она должна исполнять разныя функціи сообразно обстоятельствамъ; а для этого, очевидно, она должна обладать безупрочнымъ пониманіемъ требованій и обстоятельствъ, т. е. она должна быть мыслящей субстанціей, чего Вундтъ ужъ, конечно, не допускаетъ. Однако и онъ сравн. простое, т. е. сужденія, объясняетъ очень сложнымъ и неизвѣстнымъ, т. е. апперцепціей.

1) *Ibid.* 577. Опредѣленіе „фантазіи“, данное Вундтомъ слишкомъ узко: оно не соотвѣтствуетъ обычному употребленію этого слова. Опредѣленіе Вундта не обнимаетъ даже всей фантазіи художественнаго творчества. Дѣятельность музыкальнаго композитора подъ него не подойдетъ.

мая „чувствованіемъ дѣятельности“¹⁾. Эта апперцепція въ изложеніи Вундта, даже въ одномъ параграфѣ, на 5-ти страницахъ, обладаетъ нѣсколькими различными „качествами“, которыя Вундтъ не объединяетъ, которыя такому объединенію и не поддаются. А именно, эта апперцепція „подымаетъ въ точку зрѣнія сознанія опредѣленныя ассоціаціи“ 1) „то въ цѣлости ихъ частей“, 2) „только единичныя изъ этихъ частей“. „Такимъ образомъ она становится то соединяющей, то разлагающей функціей“²⁾. Далѣе, 3) эта же апперцепція „обладаетъ качествомъ сосредоточиваться преимущественно на одномъ (sic!) представленіи или, по меньшей мѣрѣ, на ограниченной связности (beschränkter Zusammenhang) таковыхъ“³⁾. 4) „Апперцепція можетъ объять или ббольшую область или же можетъ сосредоточиться тѣснѣе“⁴⁾. 5) „Дальнѣйшее качество апперцепціи, по словамъ Вундта, состоитъ въ томъ, что она въ данный моментъ времени обыкновенно производитъ только одно дѣйствіе“, состоящее въ раздвоеніи (Gesetz der Zweitheilung); „по этому-де закону раздвоенія всегда (sic!) происходитъ апперцептивное расчлененіе представленій“⁵⁾.

1) Ibid. 572.

2) Ibid. 573. Отчего зависитъ эта двойная роль апперцепціи Вундтъ не говоритъ. Онъ только сообщаетъ, что въ роли соединяющей функціи апперцепція образуетъ цѣлокупныя представленія, опять различнаго вида, а именно: аглутинаціи, апперцептивныя сліянія, понятія конкретныя, понятія отвлеченныя (которыя въ сознаніи замѣщаются символами). (Ibid. 573—574). Въ роли же разлагающей функціи апперцепція производитъ сужденія (575), которыя, впрочемъ, при повтореніи могутъ превратиться въ простыя ассоціаціи. (Ibid. 578 внизу и стр. 581).

3) Ibid. 574.

4) Ibid. 575. Нужно замѣтить, что не субъектъ и не мое „Я“, но апперцепція способна „сосредоточиваться“: слѣдовательно она обладаетъ способностью выбора, предпочитая одно представленіе другому или же — одну часть „цѣлокупнаго представленія“ другимъ! Въ этомъ случаѣ Вундтъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду фактъ узости сознанія и вниманія, но у него и тутъ поспѣваетъ апперцепція, какъ *deus ex machina*. (Ср. примѣч. на стр. 132—134 и 139).

5) Ibid. 575 (внизу) Такимъ образомъ оказывается, что апперцепція

Такова по Вундту роль апперцепции въ процессахъ „фантази“ и разсудка.

Вундта, т. е. волевой процессъ, даже въ одномъ параграфѣ имѣетъ довольно различныя качества, которыя производятъ еще гораздо болѣе различныя дѣйствія. А именно, апперцепція 1) „поднимаетъ ассоціацію въ точку зрѣнія сознания“; при этомъ она „то соединяетъ ассоціаціи“, то разлагаетъ“ (цѣлое на части); 2) она „можетъ сосредоточиваться“ то на одномъ представленіи, то „можетъ объять и болѣшую область (первое она дѣлаетъ „преимущественно“), 3) „Въ одинъ моментъ она обыкновенно (sic!) производитъ только одно дѣйствіе (стало-быть, иногда можетъ произвести въ одинъ моментъ и много дѣйствій). 4) Это обычное единое дѣйствіе состоитъ „въ раздвоеніи“ представленій; помимо этого „закона раздвоенія“ никогда не происходитъ „апперцептивное расчлененіе“. Отъ чего зависятъ эти различныя „качества“ апперцепціи и еще болѣе различныя ея дѣйствія, это остается неизвѣстнымъ читателю Вундта. Затрудненія читателя становятся еще больше, если онъ эти „качества“ апперцепціи сопоставитъ съ приведенными выше опредѣленіями и объясненіями апперцепціи, данными самимъ Вундтомъ. (См. стр. 132—134 и 139). Въ 6. изданіи своего Очерка психол. (1904 г.) Вундтъ отмѣчаетъ еще новый характерный признакъ апперцепціи (впрочемъ, намѣченный и въ 5. изд. его Физиолог. психологіи т. III. стр. 333). А именно, Вундтъ дѣлитъ апперцепцію на „неподготовленную (отожествляемую имъ съ пассивной апперц. и съ дѣйствіемъ влеченія) и на „подготовленную“ (т. е. активную, соответствующую произвольному дѣйствію (W u n d t, Grundriss d. Psychol. 6. Aufl S. 260). Повидимому, этотъ признакъ апперцепціи, отмѣченный и маркированный впервые въ послѣднемъ изданіи, Вундтъ считаетъ болѣе характернымъ, чѣмъ прежде отмѣченные. Но въ чемъ должна состоять эта подготовленность, Вундтъ не опредѣляетъ и даже не поясняетъ. По всему вѣроятію, Вундтъ подъ ней разумѣетъ подготовленность при производившихся въ его лабораторіи экспериментахъ; эта подготовленность состояла въ ожиданіи испытуемыми лицами двухъ или трехъ родовъ возбужденій, на которыя исп. лица должны были „реагировать“. Но подобное ожиданіе въ дѣйствительной жизни чрезвычайно рѣдко имѣетъ мѣсто. Въ такомъ случаѣ подавляющее большинство „апперцептивныхъ соединеній“, т. е. какъ Вундтъ полагаетъ, процессовъ фантази и разсудка не подойдетъ подъ его опредѣленіе „подготовленной апперцепціи“. Тогда ихъ придется причислить къ простымъ ассоціаціямъ, и все ученіе Вундта съ его „апперцепціей“ не отличается отъ крайнихъ ассоціаціонистовъ Англійской школы.

Но еще болѣе удивительно то, что вся эта многосторонняя, разнообразная и измѣчивая, какъ Протей, апперцепція совершенно разбивается о единый фактъ упражненія, который признаетъ и Вундтъ. А именно, отъ упражненія всѣ апперцептивныя соединенія превращаются въ простыя ассоціаціи. (Loco cit. 578 и 581). Такимъ образомъ, какъ оказывается, и начало психической дѣятельности происходитъ по законамъ ассоціаціи, т. е. безъ апперцепціи (активной), т. е. безъ волевыхъ актовъ, и

Остается еще коснуться взглядов Вундта на бессознательные процессы и на вопрос о самосознании¹⁾.

Въ послѣднихъ изданіяхъ своего Очерка психологіи (за 1901—1904 года) Вундтъ касается и этихъ вопросовъ. Онъ ихъ разрѣшаетъ съ легкостью, которая не свойственна другимъ философамъ. Притомъ онъ сумѣлъ удержать свои основные принципы, исповѣдуемые имъ и въ своихъ толстыхъ многотомныхъ ученыхъ сочиненіяхъ, предназначенныхъ для спеціалистовъ²⁾. Разрѣшая вопросы о сознаниіи и бессознательномъ, Вундтъ удерживаетъ и свой монизмъ (въ метафизикѣ), и свой феноменизмъ (въ пониманіи души и самосознаниіа), и свой волюнтаризмъ (какъ основной принципъ психологіи), а также и свою апперцепцію, къ которой онъ прибѣгаетъ въ затруднительныхъ случаяхъ при объясненіи болѣе сложныхъ душевныхъ процессовъ.

Подъ выраженіемъ „бессознательный“ Вундтъ разумѣетъ „состояніе (подразумѣвается или „мозга“, или скорѣе „сознаниа“: души внѣ этихъ понятій Вундтъ не при-

разсудочные процессы, послѣ извѣстнаго упражненія, превращаясь въ ассоціаціи, тоже происходятъ безъ участія воли. Гдѣ же тутъ „волюнтаризмъ“? Какъ не пожалѣть тутъ нашихъ талантливыхъ учениковъ Вундта, qui jurant in verba magistri!

1) Дѣло въ томъ, что вопросъ о воспроизведеніи и въ особенности о воспроизведеніи, сопровождаемомъ узнаваніемъ (память), находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о сознательности и о сохраненіи душевныхъ актовъ въ бессознательномъ видѣ. Воспроизведеніе, разсмотрѣнное съ чисто-психологической стороны, независимо отъ всякихъ гипотезъ, должно разсматривать какъ переходъ психическихъ потенцій (δυνάμεις Аристотеля) въ актуальное состояніе (ἐνέργειαи). Этотъ взглядъ никогда не перевалился въ философіи, а въ новѣйшее время онъ возродился даже въ естественныхъ наукахъ подъ названіемъ энергизма. Въ психологіи эти психическія потенціи именуется различными именами: впечатлѣнія, образы, идеи, слѣды („Spur“, „trace du cerveau“) предрасположенія (Dispositionen) и т. под.; но суть ихъ одинакова — подъ ними разумѣютъ скрытое бытіе душевныхъ актовъ или силъ. Безъ этого предположенія не обходится даже обиходная психологія здраваго смысла.

2) На мой взглядъ, и его Очеркъ психологіи по способу его изложенія годится только для спеціалистовъ. Для неспеціалиста это въ большинствѣ случаевъ ученые гіероглифы.

знаеть), въ которомъ прервана связность, какъ напр., во время глубокаго сна, обморока¹⁾. Самое сознание Вундтъ въ этомъ мѣстѣ опредѣляетъ такъ: „Связность психическихъ процессовъ (выходящую за моментъ психическаго акта), мы называемъ сознаниемъ“²⁾. Однако этого опредѣленія сознания и безсознательнаго самъ Вундтъ не придерживается даже въ томъ же параграфѣ, на той же страницѣ, въ одной и той же фразѣ. Сперва Вундтъ приводитъ какъ примѣры „безсознательнаго“ глубокой сонъ и обморокъ. Тутъ Вундтъ, очевидно, имѣетъ въ виду не только отсутствіе „связности“ психическихъ фактовъ, но и отсутствіе самыхъ фактовъ, которые можно было бы воспроизвести при ретроспекціи: именно этимъ и характеризуются обморокъ и глубокой сонъ. Но дальше въ той же фразѣ Вундтъ называетъ „нарушеніями сознания“ ненормальныя измѣненія въ соединеніи „психическихъ образованій“³⁾. Тутъ, очевидно, имѣются на лицо самыя „психическія образованія“; а нарушена только нормальная „связность этихъ психическихъ образованій“. Слѣдовательно, по этому выраженію Вундта, имѣется на лицо сознание, но только нарушенное относительно связи отдѣльныхъ „психическихъ образованій“. (То же бываетъ часто и при сновидѣніяхъ у вполне нормальныхъ людей, и даже у людей съ высоко развитымъ интеллектомъ и волей⁴⁾. Черезъ

1) W u n d t, Grundriss der Psychol. 6. Aufl. (1904) § 15 S. 244. (То же встрѣчается въ 5. и 4. изданіяхъ этого очерка).

2) Ibid. „Diesen weiteren Zusammenhang der psychischen Vorgänge nennen wir das Bewusstsein“. А относительно „diesen weiteren“ Вундтъ говоритъ тремя строками выше: „der Zusammenhang, der die Elemente zu einem Ganzen verbindet, reicht im allgemeinen stets über dieses (подраз. Moment des Vorganges) hinaus“.

3) Ibid. Я привожу дословно всю фразу безъ пропусковъ. „Einen Zustand, in welchem dieser Zusammenhang unterbrochen ist, wie den des tiefen Schlafes, der Ohnmacht, nennen wir daher bewusstlos; und wir (т. е. Вундтъ) reden von „Störungen des Bewusstseins“, sobald abnorme Veränderungen in der Verbindung der psychischen Gebilde auftreten, ohne dass diese selbst dabei irgendwelche Veränderungen darzubieten brauchen“.

4) Ср.: S - t i A u g u s t i n i, Confessiones l. X. cap. XXX.

пять страницъ въ томъ же параграфѣ Вундтъ подь словомъ „безсознательный“ разумѣеть уже нѣчто другое, а именно онъ говорить. „Ускользнувшій изъ сознанія психическій элементъ обозначается нами (т. е. Вундтомъ), какъ безсознательный, въ томъ отношеніи, что при этомъ мы (т. е. люди вообще) предполагаемъ возможность его возобновленія, т. е. его новаго поступленія въ актуальную связность психическихъ процессовъ“¹⁾. Тутъ Вундтъ имѣеть въ виду потенціальное бытіе душевныхъ актовъ, которые переходятъ въ актуальное состояніе: эти потенціи онъ называетъ словами „Anlagen oder Dispositionen“. Но этотъ взглядъ не вяжется ни съ его феноменизмомъ, ни съ его отождествленіемъ души съ сознаніемъ или съ дѣятельностью мозга²⁾. А именно, Вундтъ на той же страницѣ черезъ двѣ строки заявляетъ, что „предположенія о состояніи „безсознательнаго“ (des „Unbewussten“) или о какихъ-нибудь „безсознательныхъ процессахъ“ („unbewusste Vorgänge“), которые предполагаются рядомъ съ данными намъ въ опытѣ, совершенно бесплодны для психологіи“. — Сверхъ

1) Wundt, op. cit. pag. 249. Къ этому Вундтъ тутъ же прибавляетъ: „Auf mehr als auf diese Möglichkeit der Erneuerung bezieht sich unsere Kenntniss der unbewusst gewordenen Elemente nicht“. Съ одной стороны, Вундтъ отождествляетъ „возобновленіе психическихъ элементовъ“ съ ихъ связностью, (что не подтверждается опытомъ и собственными выкладками Вундта, по которымъ, будто. воспроизведеніе никогда не происходитъ въ томъ же видѣ и въ той же связи, псих. элементовъ, которыя имѣли мѣсто при ихъ первичномъ появленіи въ сознаніи); съ другой, онъ этимъ новымъ опредѣленіемъ „безсознательнаго“, исключаетъ данное имъ выше опредѣленіе въ смыслѣ „отсутствія связности“.

2) Если же его выраженіе принять буквально, т. е. что Вундтъ считаетъ безсознательными такіе элементы, относительно которыхъ существуетъ предположеніе о возможности ихъ возобновленія: то такое опредѣленіе безсознательнаго не имѣло бы никакого научнаго значенія; оно свидѣтельствовало бы о смѣшеніи званія (предположенія) съ самымъ познаваемымъ фактомъ. Знанія мѣняются, а фактъ остается. Самъ Вундтъ въ теченіи своей ученой дѣятельности мѣнялъ свои взгляды по этому вопросу. Въ началѣ онъ, согласно съ Маудсли, признавалъ ихъ, потомъ вмѣстѣ съ Brentano отвергалъ ихъ; теперь же то признаетъ, то отвергаетъ ихъ.

приведенныхъ трехъ толкованій слова „безсознательный“, Вундтъ въ томъ же параграфѣ употребляетъ это слово еще въ иномъ (въ четвертомъ) значеніи. А именно, признавая различныя ступени сознанія (Grade des Bewusstseins), Вундтъ полевую точку этихъ ступеней называетъ безсознательностью (Bewusstlosigkeit¹). Но тутъ же онъ прибавляетъ: „Отъ нея, какъ абсолютнаго (= полнаго) отсутствія психическихъ связей (Zusammenhänge), которое противопоставляется сознанію, должно отличать по существу (sic!) переходъ въ безсознательное состояніе (das Unbewusstwerden) отдѣльныхъ психическихъ содержаній“ (= элементовъ). Въ чемъ состоитъ это „существенное“ различіе, Вундтъ не объясняетъ²).

Такимъ образомъ Вундтъ даже въ одномъ параграфѣ на разстояніи пяти страницъ приводитъ четыре толкованія

1) Вундтъ эти ступени сознанія, повидимому, представляетъ себѣ по аналогіи съ термометромъ; а подъ полевой точкой — „порогъ сознанія“ Гербарта. Но это допустимо только относительно простыхъ качествъ, измѣряемыхъ какимъ-нибудь общимъ, и притомъ неизмѣняемымъ, объективнымъ мѣриломъ. Относительно психическихъ процессовъ это пока удалось сдѣлать только въ весьма ограниченномъ числѣ случаевъ. Но относительно сложныхъ психическихъ образованій о такихъ степеняхъ не можетъ быть рѣчи. Какія степени могутъ быть напр. въ представленіи треугольника?

2) Ibid. 248—249. Если эти степени сознанія, какъ Вундтъ неоднократно повторяетъ, зависятъ отъ „связности“, если подъ послѣдней должно разумѣть „только объемъ (= число) отдѣльныхъ связей“: то въ такомъ случаѣ подъ „полевой точкой сознанія“ (т. е. „безсознательностью“) должно разумѣть отсутствіе всякихъ связей, что Вундтъ не обинуясь утверждаетъ. (Ibid. 248). Въ такомъ случаѣ подлежитъ объясненію, что устанавливаетъ и отнимаетъ эти связи, и наконецъ, какимъ образомъ возможно „возобновленіе“ элемента, сдѣлавшагося безсознательнымъ, т. е. утерявшаго в сѣ связи? Вундтъ простое воспроизведеніе объясняетъ только ассоціаціями (т. е. связями. Op. cit. § 16, 20 pag. 292). Онъ говоритъ: „... unter allen Umständen (sic!) sind wir berechtigt, die Association als die allgemeine und einzige (sic!) Ursache von Erinnerungsvorgängen zu betrachten“. Слѣдовательно, если связи обуславливаютъ переходъ въ сознательное состояніе, то прежде что-нибудь должно возстановить порванные связи, и только послѣ этого можетъ осуществиться воспроизведеніе элемента, бывшаго безсознательнымъ. Вундтъ этихъ вопросовъ себѣ не задаетъ, даже не прибѣгаетъ ни къ своей волѣ, ни къ апперцепціи. Къ этой онъ прибѣгаетъ только въ процессахъ фантазіи и разсудка.

„безсознательнаго“, а именно: 1) въ смыслѣ отсутствія „связности“, 2) въ смыслѣ отсутствія самыхъ психическихъ элементовъ, 3) въ смыслѣ потенцій (предрасположеній), 4) въ смыслѣ „нолевой точки“ сознанія или „порога сознанія“ Гербарта. Какъ видно, у Вундта и по этому вопросу борются противорѣчивыя воззрѣнія, принадлежащая различнымъ теоріямъ, несогласнымъ между собою. Съ точки зрѣнія фенотенизма Вундта невозможно выбратъся изъ круга противорѣчій при объясненіи сознанія и воспроизведенія¹⁾.

И самосознаніе, или наше „Я“ Вундтъ пытается пояснить, не выходя изъ рамки своего фенотенизма и волюнтаризма. По этому вопросу онъ говоритъ въ послѣднемъ изданіи своего Очерка: „Если разсматривать волевые процессы за связанные между собою и за однородные, несмотря на различіе ихъ содержаній; то возникаетъ непосредственное чувствованіе этой связности, которое прежде всего привязано (*geknüpft*) къ чувствованію дѣятельности, сопровождающему всякій волевой процессъ (*Wollen*), но затѣмъ . . . распространяется на всю совокупность содержаній сознанія (*über die Gesamtheit der Bewusstseinsinhalte*). Это чувствованіе связности всѣхъ индивидуальныхъ психическихъ пережитій (*Erlebnisse*) мы обозначаемъ нашимъ „Я“. Оно есть чувствованіе, а не представленіе, какъ его часто зовутъ. Однако оно привязано, какъ и всѣ чувствованія, къ опредѣленнымъ ощущеніямъ и представленіямъ: эти со-

1) Въ 5. изданіи Физиол. психологіи, выпущенномъ годомъ раньше, чѣмъ 6-ое изд. Очерка, Вундтъ считаетъ невозможнымъ опредѣлить сознаніе, ограничиваясь только обозначеніемъ условій, при которыхъ обнаруживается сознаніе. Между этими условіями Вундтъ считаетъ связность характернымъ признакомъ. (См.: *Wundt, Physiol. Psychol. 5. Aufl. XVIII. cap. S. 320*). При этомъ Вундтъ, повидимому, имѣлъ въ виду второе значеніе сознанія и безсознательнаго, т. е. наличность или отсутствіе психическаго факта. Только это мнѣніе мирится съ фенотенизмомъ Вундта; но оно ровно ничего не даетъ для объясненія воспроизведенія; само же предположеніе потенцій „*Dispositionen*“ уже выходитъ за кругъ феноменовъ и фенотенизма.

ставныя части представленій, вступающія съ нимъ въ ближайшее отношеніе, суть ощущенія органическія (*Gemeinempfindungen*) и представленіе собственнаго тѣла¹⁾. Далѣе продолжаетъ Вундтъ: „Произшедшее такимъ образомъ содержаніе чувствованій и представленій, выдѣляющееся изъ совокупности сознанія и сливающееся съ чувствованіемъ нашего „Я“ (*Ichgefühl*), мы называемъ самосознаніемъ. Оно такъ же мало, какъ и сознаніе вообще, есть особая реальность, различная отъ процессовъ, изъ которыхъ она состоитъ; оно есть только связность самыхъ этихъ процессовъ“²⁾.

Таковы взгляды Вундта на сознаніе и самосознаніе. Этимъ я заканчиваю его теорію ассоціаціи и воспроизведенія; а равно и свой историческій обзоръ этой теоріи³⁾.

1) *Ibid.* 264—265. Это поясненіе происхожденія нашего „Я“ въ существенномъ совпадаетъ съ такимъ же, даннымъ еще Юмомъ. (*D. Hume, Treatise on hum. nature, b. I. IV. 6.*) Но такое пониманіе нашего „Я“ не покрывается даже эмпирическимъ „Я“ Канта, который, хотя и не отличается глубиной психологическихъ анализовъ, все же понималъ, что наше „Я“ есть сознаніе своего тождества, и что оно можетъ сопровождать всѣ наши мыслительные процессы. (*Kant, Kritik d. r. Vern. Ausg. Kehrbach, S. 121.*) Внутренній опытъ, даже обыкновенныхъ людей, убѣждаетъ ихъ въ томъ, что съ трехлѣтняго возраста ихъ „Я“ рѣдко, и то на непродолжительные промежутки, покидаетъ ихъ сознательную жизнь; между тѣмъ особаго „чувствованія связности“ никто, кромѣ Вундта, въ себѣ еще не открывалъ. Удивительнымъ должно показаться такое чувствованіе, которое съ одной стороны будто возникаетъ изъ „связности“, а съ другой стороны обуславливаетъ эту связность, если не всегда, то по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ. Дѣло въ томъ, что и Вундтъ признаетъ за фактъ, что разсудочные процессы происходятъ при участіи „активной ашперценціи“; а этой онъ приписываетъ и интеллектуальные и волевые (сознательные) акты; а въ каждомъ сознательномъ волевомъ актѣ содержится проявленіе нашего „Я“. Слѣдовательно это „Я“ участвуетъ въ процессахъ сужденія, въ которыхъ тоже устанавливается связь, подобно какъ и при ассоціаціяхъ.

2) Въ этомъ Вундтъ въ сущности ничего не прибавилъ новаго, что бы не содержалось уже въ его опредѣленіяхъ сознанія и „Я“.

3) Что касается французскихъ философовъ, то они не внесли существенныхъ измѣненій въ эту теорію. А важнѣйшіе французскіе психологи истекшаго полувѣка были мною цитированы въ началѣ настоящей работы (стр. 20—26).

XIV.

Въ предыдущихъ пяти главахъ я представилъ въ главныхъ чертахъ историческій очеркъ ассоціаціонной теоріи съ присоединеніемъ къ ней въ примѣчаніяхъ своихъ возраженій. Теперь остается мнѣ выдѣлить и сопоставить важнѣйшія разногласія, существующія между цитированными философами по отдѣльнымъ пунктамъ. Къ нимъ я присоединю и мнѣнія новѣйшихъ психологовъ, разрабатывавшихъ отдѣльные вопросы о памяти, но не представляющихъ общей теоріи въ своихъ сочиненіяхъ. Равнымъ образомъ присовокуплю и свои собственныя возраженія, добытыя на основаніи моихъ многолѣтнихъ самонаблюденій и произведенныхъ мною надъ 60 съ лишнимъ учениками экспериментальныхъ изслѣдованій по вопросамъ объ ассоціаціи и памяти.

Прежде всего существуетъ разногласіе относительно самаго термина „ассоціація идей“: и каждое изъ этихъ двухъ словъ въ отдѣльности, а еще болѣе ихъ сочетаніе употребляется различно.

Терминъ „идея“ (*idea*) англійскіе философы, начиная съ Локка¹⁾, Беркли²⁾ и Юма³⁾, употребляли въ самомъ широкомъ смыслѣ, включая въ него и ощущенія, и воспроизведенные образы, и чувствованія, а Локкъ и Юмъ въ него включаютъ даже волевые акты⁴⁾. Терминъ *idea* Беркли и Юмъ употребляютъ и въ болѣе узкомъ значеніи, исключая изъ его объема ощущенія (впечатлѣнія), производимыя внѣшними предметами⁵⁾. Въ томъ же смыслѣ его употре-

1) См.: J. Locke, *An Essay . . .* b. II. ch. I. § 4.

2) См.: G. Berkeley, *Treatise, on the princ. of hum. knowledge*, sect. I. и XXV.

3) См.: D. Hume, *Enquiry . . .* sect. II.

4) Беркли „волю“ не считаетъ идеей, а духовной субстанціей, о которой возможны понятія (*notion*). См.: Berkeley, *Op. cit.* sect. XXVI.

5) D. Hume, *loco cit.*

G. Berkeley, *op. cit.* sect. XXXIII.

блаетъ и Гертли ¹⁾. Это, болѣе узкое, значеніе термина *idea* сдѣлалось болѣе обычнымъ у позднѣйшихъ ассоціационистовъ ²⁾. Въ широкомъ смыслѣ, вмѣсто прежняго *idea*, начиная съ Джемса Милля, стали употреблять терминъ *feeling* ³⁾.

Подъ терминомъ „ассоціація“ тоже не всѣ разумѣютъ одно и то же. Такъ Локкъ, впервые его введшій, разумѣетъ подъ нимъ обычное соединеніе идей по смежности, твердо установившееся ⁴⁾, иногда даже нерасторжимое ⁵⁾. Въ такомъ же смыслѣ употребляетъ этотъ терминъ и Гертли ⁶⁾. Джемсъ Милль тоже понимаетъ подъ терминомъ „ассоціація идей“ только асс. по смежности, но различаетъ связи неразрывныя (*inseparabel association*) отъ связей неустойчивыхъ ⁷⁾. Юмъ, Джонъ Милль и вслѣдъ за ними остальные ассоціационисты подразумеваютъ подъ терминомъ „ассоціація“ и асс. по сходству, при которой устанавливаются и совершенно новыя сочетанія. Бэнъ, Спенсеръ и Троицкій этой ассоціаціи по преимуществу приписываютъ

1) D. Hartley, *Observations* ... введеііе.

2) Такъ напр. Бэнъ, Спенсеръ, В. Джемсъ; а также Гамильтонъ.

3) James Mill, *Analysis* ... loco cit.

H. Spencer, *Principles of psychology* II. ch. I. § 59.

4) J. Locke, *Essay* ... b. II. chap. XXXIII. §§ 5—17.

5) *Ibid.* § 18.

6) D. Hartley, *Op. cit.* prop. X et XII. Сравнить гл. IX. стр. 95—97.

7) См.: IX гл. стр. 98 и 99. Изъ современныхъ психологовъ Гёфлеръ не признаетъ неразрывныхъ ассоціацій на томъ основаніи, что любую ассоціацію посредствомъ продолжительнаго закрѣпленія нѣкоторыхъ изъ ея элементовъ съ элементами, ей чуждыми, можно достигнуть фактическаго ея разрыва. (Höfler, *Psychologie*, Wien 1897, § 34. S. 177). Къ этому соображенію должны насъ привести факты переучиванія неправильно заученнаго какъ въ области представленій (интеллекта), такъ и въ области мышечнаго чувства и движеній. Но изъ этихъ фактовъ можно сдѣлать только тотъ выводъ, что ассоціаціи, считаемыя неразрывными, таковыми не должны считаться на всю жизнь. Изъ него однако вовсе не слѣдуетъ, что до совершившагося переучиванія онѣ не были неразрывными. Гораздо крѣпче прирожденныя ассоціаціи, которыя мы называемъ инстинктами и влеченіями: эти могутъ передаваться по наслѣдству въ теченіе тысячъ (если не милліоновъ) поколѣній; но посредствомъ упражненія (аскетизма) и ихъ можно искоренить. Объ этомъ предметѣ еще будетъ рѣчь впереди.

роль образованія разсудочныхъ процессовъ. Шотландская школа, начиная съ Рида или исключаетъ изъ термина „ассоціація“ разсудочные процессы, или выдѣляетъ ихъ, какъ особыя ассоціаціи подъ разными наименованіями: *regulated train of ideas* (Ридъ), ассоціаціи логическихъ отношеній (Стюэртъ, Броунъ, Гамильтонъ). Также поступаетъ и Вундтъ, удерживая терминъ „ассоціація“ для всѣхъ соединеній психическихъ элементовъ, кромѣ процессовъ разсудка, и „фантазіи“, которые именуется „апперцептивными соединеніями“; новѣмъ съ тѣмъ онъ признаетъ, что отъ повторенія (упражненія) и эти „апперцептивныя соединенія“ превращаются въ простыя ассоціаціи. Итакъ съ Джона Ст. Милля подъ ассоціаціями разумѣютъ всѣ, и даже впервые возникающіе, соединенія психическихъ элементовъ. Такъ напр., Бэнтъ выводитъ особую „построительную ассоціацію“; подъ ней онъ разумѣетъ всякое творчество, устанавливающее по извѣстнымъ правиламъ совершенно новыя сочетанія. Но такая новая ассоціація, очевидно, есть дѣйствіе (результатъ) ассоціативной (синтетической) дѣятельности человѣческаго духа; самая вновь возникшая ассоціація не можетъ быть своей же причиною (*causa sui* Спинозы). Это разумѣлъ еще Броунъ, который различаетъ начало (принципъ) воспроизведенія *suggestion* отъ его результата, т. е. ассоціаціи. Такихъ принциповъ воспроизведенія Броунъ различаетъ два: *simple suggestion*, устанавливающій субъективныя ассоціаціи Стюэрта, и *relative suggestion*, устанавливающій логическія или необходимыя ассоціаціи (отношенія) Стюэрта¹). Съ тѣхъ поръ болѣе отчетливо стали различать „законы ассоціаціи“ отъ самыхъ ассоціацій²).

Различію употребленія термина „ассоціація“ и различію

1) См.: Th. Brown, Lectures... loco cit. См. выше гл. X. стр. 118—119.

2) Вундтъ часто смѣшиваетъ эти два понятія. См. Wundt, Grundr. 6. Aufl. S. 292. Ср. также предыд. гл. стр. 164, примѣч. 2. „Association... die einzige Ursache von Erinnerungsvorgängen...“

въ классификаціи всѣхъ ассоціацій соотвѣтствуетъ различіе въ толкованіи самыхъ законовъ, управляющихъ этими ассоціаціями. Аристотель, впервые задавшійся цѣлью установить условія памяти и припоминанія, отмѣтилъ въ самыхъ воспроизводимыхъ идеяхъ четыре начала. Юмъ отличалъ три такихъ начала, которыя именуется „законами соединенія мыслей¹“), (впослѣдствіи названные законами ассоціаціи идей). Изъ этихъ трехъ законовъ уже Ридъ исключилъ законъ причинной связи, какъ несамостоятельный, который заключается въ законѣ смежности²). Съ Джона Ст. Милля въ Англійской школѣ такъ и остались два закона ассоціаціи идей: законъ по сходству и законъ по смежности (одновременной и преемственной). Гертли и Джемсъ Милль признавали только одинъ законъ по смежности, различая одновременность отъ преемственности. Наконецъ Гамильтонъ попытался объединить оба закона однимъ закономъ (*law of reintegration or totality*); но его онъ примѣняетъ только къ сложнымъ ассоціаціямъ. Воспроизведеніе по сходству элементарныхъ представленій онъ признаетъ основнымъ началомъ: оно не можетъ быть сведено на смежность или „законъ цѣлаго“³). Тотъ же взглядъ на ассоціацію по сходству раздѣляетъ и Джонъ Ст. Милль, хотя онъ подвергъ философію Гамильтона очень строгой и не вполне безпристрастной критикѣ. Итакъ, строго говоря, у Гамильтона все же признаны два начала ассоціаціи⁴): 1) Законъ

1) D. Hume, Enquiry . . . sect. III.

2) Th. Reid, Essays on the intell. powers, Ess. IV. ch. IV. loco cit.

3) См. X. гл. стр. 120 и примѣч. 2.

4) Терминъ ассоціаціи я въ своихъ собственныхъ разсужденіяхъ буду употреблять въ широкомъ смыслѣ — какъ для соединеній по смежности, такъ и для соединеній по сходству, но по преимуществу для соединеній первичнаго свойства, устанавливаемыхъ и безъ участія воли, разсудка и сознанія. Такъ напр. ассоціацію по сходству, которая образуется безсознательно, я буду различать отъ сужденія, сознательно устанавливающаго отношеніе сходства между двумя представленіями или воспріятіями. Это различіе ясно сознавалъ еще Юмъ, считавшій ассоціацію сходныхъ идей за первичный естественный фактъ, который обы-

элементарнаго сходства (въ смыслѣ Юма), который нельзя свести на ассоціацію по смежности и разложить на болѣ простыя составныя части; 2) Законъ воспроизведенія цѣлага одной частью его, который собственно то же самое обозначаетъ, что и законъ смежности, какъ его формулировалъ еще Гертли. Взгляды Гамильтона повторяетъ Лотце. Такой же взглядъ мы имѣемъ и у Спенсера, и у Гефдинга, и у большинства новѣйшихъ ассоціационистовъ¹⁾. Напротивъ, Рибо, Рабье, Джемсъ и Иудль (повидимому, неправильно понявъ Гамильтона), законъ сходства сводятъ къ закону по смежности, объясняя во всѣхъ случаяхъ сходство общностью нѣкоторыхъ элементовъ въ идеѣ воспроизведенной и въ идеѣ воспроизводящей.

Этими двумя законами ассоціаціи объясняли воспроизведеніе прежніе ассоціационисты; но и изъ современныхъ психологовъ значительное большинство, въ особенности феноменисты, ими ограничиваются, объясняя воспоминанія и воспроизведенія вообще, а также и память: они считаютъ воспоминаніе и вообще воспроизведеніе дѣйствіемъ (результатомъ), ассоціацій. *Вундтъ* въ послѣднемъ изданіи своего Очерка это утверждаетъ прямо и не обинуясь, хотя онъ не разстался ни съ своей „апперцепціей“, ни съ своимъ „волюнтаризмомъ“²⁾. Ученикъ Вундта *Ц. Радославовъ-Хаджи-*

кновенно обусловливаетъ самое сравненіе двухъ сходныхъ фактовъ (сужденіе сходства). Не будь рядомъ въ сознаніи этихъ фактовъ, невозможно было бы и сужденіе объ ихъ сходствѣ. (См.: D. Hume. Treatise on human nature, part I. sect. IV; part IV. sect. VI). Ср. также гл. V. и VI. въ особ. стр. 52—54.

1) Возраженія противъ самостоятельности закона асс. по сходству, недавно сдѣланныя А. Леманомъ, неосновательны и достаточно опровергнуты Гефдингомъ. (См.: 1) A. Lehmann, Üb. d. Wiedererkennen въ Philos. Stud. V. и VII. Bd. 2) Höfding, Über Wiedererkennen, loco cit. Ср. II. гл. стр. 11).

2) Wundt, Grundriss 6. Aufl. S. 292 B. говоритъ: „... unter allen Umständen sind wir berechtigt, die Association als die allgemeine und einzige Ursache von Erinnerungsvorgängen zu betrachten“. Въ прежнихъ изданіяхъ своей фізіол. психологіи Вундтъ высказывался нѣсколько осторожнѣе. Въ 3. изданіи онъ говоритъ: „Das Kommen und Gehen der Vorstellungen giebt

Денковъ по этому вопросу въ журналѣ Вундта „Philosophische Studien“ (т. XV. стр. 448—452) высказывается еще опредѣленнѣе. „Подобно тому какъ возникновеніе представленій (Produktion) связано съ перцепціей впечатлѣній, такъ и ихъ воспроизведеніе связано съ ассоціаціей, т. е. ихъ пробужденіе (Wiedererweckung) происходитъ черезъ другія представленія. Свободно всплывающихъ представленій не можетъ существовать, потому что не можетъ быть и врожденныхъ“. „Находящіеся въ мозгу скрытые физиологическіе субстраты прежнихъ представленій (gehabter Vorstellungen) должны быть вновь приведены въ дѣйствіе какими-

sich unmittelbar als eine Verbindung zu erkennen, die auf inneren oder äusseren Beziehungen der Vorstellungen beruht (ср. съ Ридомъ, Стюэртмъ и Броуномъ) und wobei die Wirkung, durch welche eine früher gehabte Vorstellung wieder erneuert wird, jedesmal (sic!) von einer schon im Bewusstsein vorhandenen ausgeht“. . . „So ergibt sich auf psychischer Seite ein nach Gesetzen geordneter Zusammenhang der Vorstellungen als diejenige Bedingung, unter der stets (sic!) das Bewusstsein in der Erfahrung vorkommt“. (Wundt, *Physiol. Psychol.* 3. Aufl. II. Bd. XV. cap. S. 226). Въ 4 изданіи того же сочиненія Вундтъ формулируетъ свой взглядъ нѣсколько иначе, признавая за „предрасположеніями“ (Dispositionen = потенціи) одно изъ условій; но дѣйствіе одного изъ ассоціированныхъ представленій все же онъ считаетъ „основаніемъ“ воспроизведенія. („Grund“ употреблено Вундтомъ, вѣроятно, вмѣсто „Ursache“ = причина). Подлинныя слова Вундта слѣдующія: „Alle Reproduktion geht von den Vorstellungen aus, die sich jeweils im Bewusstsein befinden und das Vorhandensein der unbewussten Dispositionen lässt die Vorstellungen nicht wieder lebendig werden, wenn in dem Bewusstsein selbst nicht die erforderlichen Bedingungen für die Anknüpfung von Associationen vorhanden sind. . . Wir werden nicht umhin können die von aktuellen Vorstellungen ausgehende associative Wirkung als den eigentlichen Grund der Reproduktion ansehen. . .“ (Wundt, *Physiol. Psychol.* 4. Aufl. II. Bd. XVII. Cap. S. 488). При такомъ взглядѣ на воспроизведеніе роль апперцепціи (даже активной) должна показаться весьма сомнительной и неопредѣленной. (См.: Wundt, *Physiol. Psychol.* 5. Aufl. III. Bd. S. 572—578 и 581. Ср. также предыдущую гл., въ особенності стр. 157—160 и примѣч. къ нимъ.) Изъ разъясненій Вундта вытекаетъ, что даже разсудочные процессы, которые образуются при участіи „активной апперцепціи“, послѣ повторенія ихъ въ сознаніи, превращаются въ простыя ассоціаціи. А эти образуются независимо даже отъ „пассивной апперцепціи“, которая будто-бы ихъ сопровождаетъ въ видѣ особаго чувствованія, вызываемаго представленіями ассоціаціи. (Ср. Wundt, *op. cit.* pag. 564 и предыд. гл. стр. 152 примѣч. 3).

нибудь причинами, чтобы сдѣлаться сознательными. Иначе воспроизведеніе было бы непонятнымъ¹⁾. Такого же взгляда придерживается и вѣнскій проф. *Юдль*. Въ своей пространной психологіи (въ которой въ литерат. списокъ приведено не менѣе 888 авторовъ) онъ говоритъ слѣдующее: „Даже самое прихотливое (willkürlichste) воспоминаніе или сплетеніе представленій (Vorstellungsverknüpfung) при ближайшемъ разсмотрѣніи всегда оказывается зависящимъ отъ законовъ ассоціаціи“²⁾. Въ другомъ мѣстѣ Юдль поясняетъ то же мнѣніе слѣдующими выраженіями: „Свободный потокъ мыслей характеризуется именно отсутствіемъ руководства со стороны воли: онъ свободенъ только отъ воли, но не отъ закона ассоціаціи“³⁾. . . Въ другомъ мѣстѣ Юдль заявляетъ: „Сходство, сосуществованіе и преемственность (Succession) суть формы соединенія (Verknüpfungsformen) содержаній и, какъ таковыя, — самыя общія условія и возможности воспроизведенія. Гдѣ онѣ не даны, тамъ вообще не можетъ возникнуть воспроизведеніе“⁴⁾. . . Подобнаго же взгляда придерживается и *Гефдингъ*, который подобно Гамильтону, пытается свести оба закона ассоціаціи къ одному. По его словамъ, „законы ассоціаціи идей суть законы воспоминанія (Erinnerung“⁵⁾. . . „Нѣкоторые психологи приписали отдѣльнымъ представленіямъ влеченіе къ самосохраненію (Trieb der Selbsterhaltung), влѣдствіе котораго они будто-бы съ нѣкоторой силой (Stärke) стремятся занять мѣсто въ сознаніи и вытѣснить изъ него другія. Психологія познанія, заключаетъ Гефдингъ, доказала невѣрность этого мнѣнія“⁶⁾. Это „невѣрное“ мнѣніе, очевидно, относится къ *Герbartianцамъ*,

1) Z. Radoslawow-Hadji-Denkow, Unters. üb. d. Gedächtniss. . . См. Wundt, Philos. Stud. 1900, XV. Bd. S. 448—452.

2) Jodl, Psychologie (1. изд.) VIII. § 64. S. 505.

3) Ibid. § 54. S. 497.

4) Ibid. § 48, S. 491.

5) Höfding, Psychol. 2. Aufl. S. 334.

6) Op. cit. 473; confer. pag. 153.

которые признають и такъ называемый свободный потокъ мыслей или „непосредственное“ воспроизведеніе; но это воспроизведеніе и самъ Гербартъ, и его послѣдователи объясняютъ „поднятіемъ надъ порогъ сознанія“ представленія, которое будучи равнымъ (gleich) съ затемненнымъ представленіемъ (verdunkelte Vorstellung), т. е. находящимся ниже порога, даетъ этому свободный доступъ въ сознаніе, вытѣснивъ противоположное представленіе¹⁾. Это воспроизведеніе по терминологіи англійской ассоціаціонной психологіи, подходитъ подъ воспроизведеніе по сходству. Но все же это сходство не представляетъ единственнаго условія воспроизведенія: Гербартъ и самымъ представленіямъ приписываетъ „стремленіе самосохраненія“²⁾. Наконецъ, это „свободное всплываніе“ представленій гербартіанцы относятъ къ процессамъ „фантазіи“. Изъ новѣйшихъ психологовъ Гёфлеръ склоненъ его тоже допустить при дѣятельности творческаго воображенія³⁾. Но такъ какъ этотъ вопросъ прямо не относится къ нашей задачѣ, то я на немъ пока не буду останавливаться.

Мы рассмотримъ теперь вопросъ, возможно ли воспроизведеніе (отожествляемое съ памятью) объяснить одними законами ассоціаціи. Таковыхъ, какъ мы видѣли, большинство современныхъ психологовъ признаетъ два: законъ асс. по сходству и законъ асс. по смежности. Нѣкоторые пытаются то сходство свести на смежность, то эту поставить въ зависимость отъ сходства. Послѣднее дѣлаетъ Спенсеръ и Гефдингъ и не безъ основанія⁴⁾. Возьмемъ конкретный

1) a) Volkmann, W. F. Psychologie, Halle 1856, § 62.

b) Herbart, Psychologie . . . §§ 37, 75, 85.

2) См. гл. VIII. стр. 80—83.

3) A. Höfler, Psychologie, Wien 1897, § 36. S. 179 u. 203. О томъ же ср.: Meinong, Phantasievorstellung und Phantasie, Zeitschr. f. Philos. u. philos. Kritik, Bd. 95, S. 178 ff.

4) a) Höffding, Über Wiedererkennen loco cit.

b) Spencer, Principles of psychology locis cit. См. IX гл. стр. 104—108.

примѣръ. Предположимъ, у меня съ фіолетовымъ вѣнчикомъ фіалки V (*viola odorata* L.) достаточно крѣпко ассоціированъ свойственный ему запахъ O . Предположимъ далѣе, что черезъ нѣкоторое время я воспринялъ запахъ духовъ *Violette du bois*, O_1 , который совершенно сходенъ съ запахомъ живой фіалки. Тогда въ моемъ сознаніи всплываетъ и образъ вѣнчика фіалки v , (хотя бы я зналъ, что эти духи добыты въ химической лабораторіи вовсе не изъ фіалокъ, а изъ каменнаго угля). Но прежде чѣмъ совершится эта ассоціація по смежности $O_1 v$ (или возстановленіе цѣлаго по Гамильтону), т. е. прежде чѣмъ будетъ воспроизведенъ (въ видѣ образа или идеи) элементъ v , я долженъ запахъ духовъ O_1 распознать или узнать, какъ знакомый, или сходный съ запахомъ O , испытаннымъ мною раньше. Другими словами, должна произойти ассимиляція O_1 и O въ единый актъ, а затѣмъ только слившаяся съ O_1 идея O вызоветъ и связанную съ ней идею v , т. е. тогда только осуществится ассоціація Ov ¹⁾. (Вундтъ такую называетъ компликаціей²⁾). Такое же отношеніе воспроизведенныхъ элементовъ къ воспроизводящимъ нужно признать за общій фактъ при всѣхъ ассоціаціяхъ по смежности.

Итакъ законъ смежности оказывается зависимымъ отъ закона ассоціаціи по сходству; слѣдовательно онъ представляетъ собою не первичное и основное свойство духа, а производное. Но этимъ фактомъ еще далеко

1) Въ этомъ примѣрѣ порядокъ воспроизведенія безразличенъ, такъ какъ ощущенія запаха продолжаютъ дольше. Такимъ образомъ при первоначальномъ образованіи ассоціаціи VO я и послѣ воспріятія запаха O видѣлъ вѣнчики фіалокъ V . Этотъ процессъ можно представить въ видѣ слѣдующей схемы. Оба члена ассоціаціи переплетались другъ съ другомъ приблизительно такъ: $v o o_1 v_1 o_2 v_2 o_3 v_3 \dots$. При этомъ тождественные элементы $v v_1 v_2 v_3$ слились въ единый актъ V (опять по сходству), а элементы $o o_1 o_2 o_3$ опять — въ одинъ актъ O . Этотъ процессъ подойдетъ подъ „интенсивное сліяніе“ а затѣмъ подъ „компликацію“ Вундта. (См.: Wundt *Physiol. Psychol.* 5. Aufl. III. Bd. S. 527—529. Ср. XII гл. стр. 142—143.)

2) Ibid. 541—542.

не устранены всѣ затрудненія въ объясненіи воспроизведенія. А именно, въ данномъ примѣрѣ при ассимиляціи O_1 и O мы не имѣли тождества обоихъ ассимилируемыхъ элементовъ, а только ихъ сходство, хотя и большое, которое при недостаточномъ вниманіи и наблюдательности можетъ быть принято за тождество. Вундтъ на основаніи подобныхъ примѣровъ, а равно и образовъ фантазіи, сдѣлалъ обобщеніе, что при воспроизведеніи воспоминаемые образы вообще не равны предшествующимъ аналогичнымъ воспріятіямъ, а въ весьма многихъ случаяхъ едва-ли и похожи¹⁾. Далѣе, Вундтъ утверждаетъ, что въ самомъ словѣ „воспроизведеніе“ „сгустилось все ошибочное пониманіе дѣла“, что „оно никогда (sic!) не можетъ относиться къ готовому представленію, а только къ элементамъ представленія“²⁾. . . . Такимъ образомъ, по мнѣнію Вундта, только элементы могутъ воспроизводиться (подразумѣвается: въ неизмѣненномъ видѣ), а отнюдь не „готовыя“ представленія, т. е. въ ихъ совокупности. По мнѣнію Вундта, представленія — процессы постоянно измѣняющіеся²⁾. Такое мнѣніе Вундта мнѣ кажется ошибочнымъ. Если бы только элементы воспроизводились въ неизмѣненномъ видѣ, то у насъ не было бы никакихъ знаній, помимо этихъ элементовъ; да и ассоціацій и „компликацій“ не могло бы образоваться, въ чемъ не трудно убѣдиться даже изъ одного приведеннаго выше примѣра. Само наименованіе запаха O или O_1 „фіалочнымъ запахомъ“ обусловлено ассоціаціей по смежности (по Вундту компликаціей), и притомъ очень сложной, что и Вундту извѣстно. Наши слова представляютъ уже сами по себѣ весьма сложныя компликации изъ элементовъ звуковыхъ и ощущеній мускульно-моторныхъ голосового аппарата, а иногда къ нимъ у грамотныхъ людей присоединяются еще и соотвѣтственные

1) W u n d t, Op. cit. pag. 478. Ср. гл. XII, стр. 140.

2) W u n d t, a) Op. cit. pag. 559—560; b) Grundriss . . . 6. Aufl. S. 269.

образы буквѣ. Если бы словесныя complicаціи сверхъ того не воспроизводили опредѣленныхъ представленій качествъ или сочетаній таковыхъ: то у насъ никогда не возникло бы осмысленной словесной рѣчи. Равнымъ образомъ, не вѣрно мнѣніе Вундта, будто сложныя представленія воспроизводятся всегда въ измѣненномъ видѣ, что ихъ тождества не существуетъ. Если съ нѣкоторой натяжкой еще возможно допустить относительно внѣшняго міра вѣчный потокъ Гераклита: то относительно нашего внутренняго существа нужно признать за фактъ, что среди постояннаго потока нашей сознательной жизни существуетъ и нѣчто устойчивое. Откуда, въ противномъ случаѣ, появились бы у насъ представленія и понятія индивидуальныхъ предметовъ? Откуда появилось бы у насъ само представленіе тождества? Если я свой письменный столъ въ теченіе десятка лѣтъ признаю за тотъ же самый: то это происходитъ не потому, что онъ самъ остается безъ перемѣнъ. Онъ каждую недѣлю получаетъ новое пятнышко и новыя царапины, да уже былъ и переполированъ: и все же я его считаю тѣмъ же. Очевидно, подъ тождествомъ мы разумѣемъ совпаденіе не всѣхъ мельчайшихъ признаковъ и особенностей предмета въ разные моменты нашей жизни; а только совпаденіе главнѣйшихъ элементовъ цѣлой ассоціаціи (complicаціи). Очевидно, и тождество какъ и сходство — понятія относительныя: но оба они предполагаютъ устойчивость и тождество нѣкоторыхъ элементовъ сложнаго представленія. Само же тождество элементовъ и его воспріятіе нужно признать за первичный душевный фактъ, не поддающійся ни дальнѣйшему анализу, ни опредѣленію его. Съ точки зрѣнія Вундта необъяснимо въ моемъ примѣрѣ воспроизведеніе ν (вѣнчика фіалки) послѣ O_1 (запаха духовъ, добытыхъ изъ каменнаго угля). Вундтъ запахи считаетъ психическими элементами. Если это такъ, то и запахъ вѣнчика фіалки O и запахъ духовъ O_1 , такъ какъ они не тождественны, должны имѣть особые субстраты въ мозгу (особыя клѣтки).

Далѣе, запахъ O былъ ассоцірованъ съ V (реальнымъ впечатлѣніемъ). Отъ этой ассоціаціи осталось въ мозгу расположеніе. Черезъ нѣкоторое время (скажемъ черезъ полъ года) былъ въ томъ же сознаніи другой запахъ O_1 (правда схожій, но другой). Этотъ другой запахъ O_1 прежде не былъ ассоцірованъ съ зрительнымъ впечатлѣніемъ вѣнчика фіалки; однако онъ воспроизвелъ не реальное впечатлѣніе фіалки, а только ея образъ. Какъ это возможно? Отъ O_1 не существуетъ ассоціаціонныхъ волоконъ къ V (клѣткѣ реального зрительнаго впечатлѣнія отъ вѣнчика фіалки). Воспроизведеннаго зрит. образа фіалки v тоже еще не существовало въ сознаніи; однако онъ появляется въ сознаніи послѣ новаго запаха O_1 . Изъ нашего внутренняго опыта намъ извѣстно, что этотъ новый запахъ духовъ O_1 воспроизвелъ по сходству прежній запахъ вѣнчика фіалки O . Однако между O_1 и O не могло существовать ассоціаціонныхъ волоконъ, такъ какъ эта ассоціація (ассимиляція) теперь впервые установилась; слѣдовательно раньше появленія O_1 не могло быть рѣчи о его соединеніи съ O , V или v посредствомъ ассоціативныхъ волоконъ. Такъ какъ ассоціативныя связи по произволу можно устанавливать и закрѣплять между любыми психич. элементами: то недопустимо предположеніе, что „ассоціативныя волокна“ въ безчисленномъ числѣ и въ безчисленныхъ направленіяхъ устроены заранѣе въ мозгу, до образованія новыхъ ассоціацій, число которыхъ можетъ быть безконечнымъ. Остается только прибѣгнуть къ окказіонализму Мальбранша, предполагая, что одновременно съ возникновеніемъ подобной асс. по сходству Божество устанавливаетъ и ассоціативное волокно, которое затѣмъ черезъ сутки можетъ исчезнуть, когда ассоціація забыта, т. е. потеряла „способность воспроизведенія“. Но такого предположенія не можетъ сдѣлать монистъ. Слѣдовательно должно предполагать, что элементарная ассоціація по сходству можетъ осуществиться независимо отъ „ассоціатив-

ныхъ волоконъ“. Если же ассоціація по сходству, даже между „психическими элементами“ (каковыми, по мнѣнію Вундта, Джемса и другихъ феноменистовъ, считаются ощущенія) необъяснима гипотезой психофизическаго параллелизма съ его мозговыми клѣтками и „ассоціативными волокнами“: то тогда и сложныя ассоціаціи по смежности (компликаціи Вундта) необъяснимы этой теоріей. Дѣло въ томъ, что и въ этихъ ассоціаціяхъ участвуетъ первичное сходство — ассимиляціи и интенсивныя сліянія, которыя должны осуществляться безъ участія „ассоціативныхъ волоконъ“ 1).

По моему, ощущенія не представляютъ собою простѣйшихъ психическихъ элементовъ. При болѣе глубокомъ анализѣ они оказываются иногда очень сложными, говоря терминами Вундта, интенсивными и экстенсивными сліяніями. Относительно зрительнаго воспріятія (апперципированнаго ощущенія) площади стола я представилъ такой анализъ въ VI главѣ, при чемъ обнаружилъ не менѣе десяти милліардовъ элементовъ, участвующихъ въ формированіи указаннаго зрительнаго воспріятія. Но и сравнительно простое ощущеніе запаха фіалки можно мысленно разложить на болѣе простыя составныя части. На это насъ должно навести то соображеніе, что при болѣе внимательномъ сравненіи запаха вѣнчика фіалки съ такимъ же запахомъ духовъ мы замѣтимъ между ними и нѣкоторое различіе. А именно, запахъ фіалки O слабѣе и мягче такого же запаха духовъ O_1 : въ послѣднемъ ощущается какая-то острота спирта. Слѣдовательно въ обоихъ запахахъ есть и общіе имъ обоимъ элементы, и элементы различныя. Сверхъ того, самая интенсивность одного и того же запаха указываетъ на его слож-

1) Что ассоціація по смежности неосуществима безъ предварительнаго сліянія сходныхъ элементовъ, это доказалъ убѣдительно Гефдингъ (См.: Höffding. Über Wiedererkennen loc. cit.). Впрочемъ, и изъ приведеннаго мною выше примѣра ассоціаціи VO это тоже явствуетъ.

ность: при усиленіи интенсивности нѣчто прибавляется къ прежнему, болѣе слабому запаху — тутъ опять оказываются новые элементы ощущенія. Наконецъ, тотъ же запахъ мы воспринимаемъ не мгновенно (какъ напр. звуки), а въ теченіе многихъ секундъ¹⁾. Относительно длительности ощущенія запаха опять возможно количественное разложеніе ощущенія на части. Такимъ образомъ и сравнительно несложное ощущеніе запаха, которое психологи считаютъ „элементарнымъ“, разложимо на многіе элементы. Слѣдовательно и воспроизведеніе (ассимиляція, сляніе, компликація съ какимъ-нибудь запахомъ) не подойдетъ подъ элементарное сходство Гамильтона и Джона Милля, а подъ сложную ассоціацію, въ которой участвуютъ и тождественные и различные элементы²⁾. На основаніи подобныхъ анализовъ мы должны прійти къ заключенію, что сходство ощущеній сводится на тождество, или (по Вундту) полное равенство (*Gleichheit*) нѣкоторыхъ элементовъ.

Такимъ образомъ нужно признать за фактъ, что первичные психическіе элементы при воспроизведеніи остаются тѣми же, т. е. неизмѣняемыми, хотя и не требуется, чтобы всѣ элементы какого нибудь соединенія воспроизводились, и притомъ въ той же степени интенсивности. То же должно признать и относительно воспроизведенной

1) При нѣкоторыхъ рѣзкихъ запахахъ мы отъ нихъ не можемъ отдѣлаться въ теченіе многихъ минутъ, даже по удаленіи изъ того помѣщенія и атмосферы, въ которой мы ихъ восприняли.

2) Впрочемъ, и добытые моими анализами элементы могутъ считаться таковыми постольку, поскольку они подходятъ подъ нашъ внутренній опытъ сознательныхъ актовъ. Относительно безсознательныхъ актовъ мы въ положительной наукѣ вправѣ дѣлать догадки и предположенія только на основаніи аналогичныхъ сознательныхъ. Тѣмъ не менѣе въ метафизикѣ выходятъ и за предѣлы дѣйствительнаго или возможнаго опыта. Даже Спенсеръ вдается и въ подобныя предположенія. Такъ напр. относительно простѣйшихъ элементовъ духа онъ считаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что таковой можетъ существовать за предѣлами сознательной жизни, что таковымъ простѣйшимъ, не сознаннымъ элементомъ можетъ быть толчекъ, производимый движущейся матеріей на чувствительные элементы нервной системы. (См. *Spencer, The principles of psychology* v. II. ch. II. § 74.)

идеи, если ее сравнить съ соотвѣтствующимъ ей воспріятіемъ: послѣднее обыкновенно имѣеть элементы, которые отсутствуютъ при соотвѣтственной воспроизведенной идеѣ. И преемственные образы (зрительные и слуховые) черезъ двѣ, три секунды послѣ соотвѣтствующаго воспріятія отличаются отъ послѣдняго: въ нихъ недостаетъ 1) проекціи въ реальное пространство, 2) устойчивости, обнаруживаемой при воспріятіяхъ, 3) интенсивности воспріятія, 4) сліянія многократныхъ тождественныхъ воспріятій воедино¹⁾, 5) и другихъ элементовъ, намъ мало извѣстныхъ (напр., мускульномоторныхъ ощущеній, „иннерваціонныхъ токовъ“ и т. п.). То же самое нужно сказать и относительно псевдогаллюцинацій, если ихъ сравнить съ дѣйствительными воспріятіями²⁾. Но помимо различія, существующаго между воспроизведенной идеей (образомъ) и соотвѣтствующимъ ей воспріятіемъ (различія, которое безсознательно понимается даже ребенкомъ, за рѣдкими исключеніями очень яркихъ сновидѣній и иллюзій) существуетъ несомнѣнно и большое сходство, т. е. общность нѣкоторыхъ элементовъ. Иначе, никто бы не дошелъ до понятія воспроизведенія, припоминанія, узнаванія и знанія вообще. То же нужно признать и относительно

1) Существованіе такого сліянія лучше всего можно доказать преемственными зрительными образами. Стоитъ напр. въ теченіе двухъ, трехъ секундъ рассматривать пламя лампы съ нѣсколькихъ точекъ такъ, чтобы изображеніе пламени падало на разные мѣста сѣтчатки, а затѣмъ закрыть глаза, отвернувшись отъ источника свѣта. Тогда появятся преемственные образы, не проецированные въ реальное пространство, въ видѣ нѣсколькихъ свѣтлыхъ кружковъ на темномъ фонѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, менѣе свѣтлые, исчезаютъ раньше, а одинъ болѣе свѣтлый продолжается довольно долго — у меня онъ можетъ оставаться до 3-хъ минутъ. — Затѣмъ свѣтлый кружокъ можетъ смѣниться такимъ же темнымъ на свѣтломъ фонѣ (отрицательный преемственный образъ Пуркинѣ и Фехнера). Эти разные свѣтлые кружки соотвѣтствуютъ различнымъ изображеніямъ на сѣтчаткѣ, которыя при воспріятіи сливаются воедино такъ же, какъ образы обоихъ глазъ даютъ намъ въ нормальномъ ихъ положеніи только одно воспріятіе.

2) См. Кандинскій, О Псевдогаллюцинаціяхъ, loco cit. и въ особ. X. гл.

всѣхъ сложныхъ психическихъ образованій, если связь ихъ элементовъ достаточно крѣпка: ассоціаціи нерасторжимыя при воспроизведеніи вполне удерживаютъ свое тождество, хотя бы не всегда всѣ ихъ элементы сознавались одинаково отчетливо (менѣе существенные даже остаются несознанными, но они дѣйствуютъ, какъ „обертоны“, вліяя въ общемъ на душевный процессъ¹⁾). Не будь этого тождества (равенства позднѣйшихъ воспроизведеній съ аналогичными прежними), у насъ не было бы никакихъ устойчивыхъ познаній. Конечно, не всѣ сложныя образованія обладаютъ такой устойчивостью; но относительно многихъ несомнѣнно, что они при нормальномъ теченіи жизни остаются до смерти. Таковы наши обычные представленія, связанная съ нашими звуковыми сочетаніями, съ нашей словесной рѣчью²⁾. То же еще въ большей степени должно признать за языкомъ чувствъ и въ частности за мимикой, которую даже младенецъ понимаетъ³⁾. Мало этого, въ огромномъ числѣ случаевъ нужно предполагать такую же природенную связь чувственныхъ субстратовъ, которая обуславливаетъ неразрывность нѣкоторыхъ ассоціацій, хотя онѣ въ жизни особи могли не часто повторяться. Къ таковымъ нужно отнести не только инстинкты и природенныя влеченія, но и огромное число фактовъ подраженія, на которые еще не обращено надлежащее вниманіе психологовъ, за исключеніемъ Тарда⁴⁾. Этими природенными связями,

1) Cp. W. James, Text Book of Psychology chap. XI.

2) Cp.: a) Steinthal, Einl. in die Psychol. u. Sprachwiss. B. 1871, S. 82.

b) Stricker, Stud. üb. Sprachvorstellungen, W. 1880, § 12—14.

3) C.: Ch. Darwin, Ausdruck der Gemüthsbewegungen, übers. V. Carus, Stuttg., 1872, S. 49—50.

4) Tarde G. a) Lois sociales, P. 1902 pag. 29—41. b) Lois de l'imitation P. 1890. Впрочемъ, Тардъ доказалъ только то, что подражаніе есть необходимое условіе соціальной жизни человѣка: безъ него было бы невозможно никакое сообщество не только людей, но и животныхъ. Важное значеніе подражательности отмѣтилъ еще Аристотель, который считаетъ человѣка и въ этомъ отношеніи выше всѣхъ животныхъ, называя его

по моему, только и возможно объяснить подражательныя дѣйствія, пониманіе мимики, языка чувствъ и аффектовъ, да и само ихъ проявленіе¹⁾. Слѣдовательно, если люди различныхъ племенъ и различныхъ временъ — въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій другъ друга понимаютъ: то это возможно только потому, что и у первобытнаго дикаря, и у современнаго культурнаго человѣка, и у древнѣйшихъ культурныхъ народовъ (оставившихъ намъ памятники своей культуры, которые имѣютъ нѣсколько тысячелѣтій) были общія понятія, волненія, стремленія, и одинаковый способъ ихъ выраженія²⁾. Безъ этого невысказано пониманіе чужой души, невысказано общеніе съ другими людьми. Слѣдовательно воспроизведеніе тождественныхъ психическихъ фактовъ, сложныхъ и элементарныхъ, не простой вымыселъ кабинетныхъ ученыхъ, какъ это полагаетъ Вундтъ, а фактъ несомнѣнный, и притомъ въ большей степени несомнѣнный, чѣмъ законы инерціи или тяготѣнія, открытые всего два съ лишнимъ вѣка тому назадъ, и въ ихъ чисто-математической формулировкѣ не подтверждаемые опытомъ.

Но если самъ фактъ воспроизведенія не подлежитъ сомнѣнію, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что законы воспроизведенія уже достаточно ясно и несомнѣнно установлены. Чтобы законы ассоціаціи по сходству и по смежности могли

μικροτάτων ζῴων. На подражаніи Ар. основываетъ всю свою теорію искусствъ. (См. Aristoteles, Περὶ ποιητικῆς, ed. G. Christ, L. 1878, pag. 4.

1) Объ этихъ прирожденныхъ связяхъ чувственныхъ субстратовъ будетъ подробнѣе изложено въ III части. На этотъ разъ я отмѣчу, что М. Бальвинъ въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи „Объ умственномъ развитіи дитяти“, и Л. Морганъ въ своемъ весьма поучительномъ и интересномъ сочиненіи „Привычка и инстинктъ“ удѣлили нѣкоторое вниманіе и вопросу о подражаніи; но ни одинъ изъ нихъ не даетъ удовлетворительнаго объясненія относ. его происхожденія. Подражательныхъ движеній, совершаемыхъ первый разъ въ жизни особи, они объяснить не могутъ. См.: а) L. Morgan, op. cit. cap. VIII.; рус. перев. СПб. 1899, стр. 150—167. б) Tardé G., Lois sociales, P. 1902, pag. 37.

2) Ср. Tylor, E. V. Urgeschichte der Menschheit . . . aus d. Engl. übers. L. Verl. A. Abel, 2—6. Cap.

объяснить всякое воспроизведение, т. е. образование ассоциаций, я вмѣстѣ съ Вундтомъ отрицаю¹⁾. Но и его же изменения въ теоріи ассоціаціи ничего не даютъ новаго, что бы могло насъ приблизить къ разрѣшенію проблемы. Онъ въ сущности такъ же, какъ и старая ассоціаціонная школа, все сводитъ къ сходству и смежности. Онъ только дѣлаетъ ограниченіе, утверждая что эти законы примѣнимы только къ „психическимъ элементамъ“, каковыми онъ считаетъ „чистыя ощущенія“ (не встрѣчающіяся, по его же заявленіямъ, въ нашемъ опытѣ) и къ простымъ чувствованіямъ²⁾. Въ его различныхъ группахъ ассоціацій (сліяній, ассимиляцій, компликацій и преемственныхъ ассоціацій воспоминанія) дѣйствуютъ тѣ же законы сходства и смежности съ придаткомъ къ нимъ разныхъ простыхъ чувствованій, изъ которыхъ нѣкоторыя даже подлежатъ сомнѣнію (напр., пассивная апперцепція). Эти чувствованія, по разъясненіямъ Вундта, оказываются дѣйствіемъ (результатомъ) представленій, слѣдовательно онѣ не дѣятельныя начала воспроизведенія, а именно придатки „accidentia“. То же самое мы видѣли даже при объясненіи Вундтомъ разсудочныхъ процессовъ. И въ нихъ руководящая роль принадлежитъ ассоціаціямъ; а „активная апперцепція“ въ большинствѣ случаевъ оказывается мыслящей субстанціей, которая съ этими законами ассоціацій должна сообразоваться и соотвѣтственно съ этимъ дѣйствовать. Но послѣ нѣкотораго

1) Въ послѣднее время и Мюнстербергъ пришелъ къ заключенію, что законы ассоціаціи недостаточны, чтобы объяснить всю сложность психическихъ процессовъ, хотя причинъ тому не приводитъ. (Münsterberg, Grundzüge der Psychologie, L. 1900, Bd. I. Kap. 14. S. 497.). Но онъ считаетъ возможнымъ восполнить законы ассоціаціи своей теоріей дѣйствій (Actionstheorie), которая имѣетъ много общаго съ волюнтаризмомъ Вундта, но вмѣстѣ съ тѣмъ и свободна отъ нѣкоторыхъ противорѣчій Вундта (Op. cit. pag. 525—558). О ней будетъ подробнѣе изложено въ III. части моей настоящей работы.

2) Wundt, Physiol. Psychol. 5. Aufl. III. Bd. S. 522 et 518—521. Ср. также XII гл.

упражнения (повторения одного и того же суждения) эта апперцепция опять куда то исчезает, и разсудочный процессъ превращается въ простую ассоціацію. Такимъ образомъ и Вундтъ по теоріи ассоціаціи въ послѣднихъ изданіяхъ не отличается по существу отъ прежнихъ ассоціационистовъ, а еще менѣе отъ шотландцевъ: его апперцепція и волюнтаризмъ въ данномъ случаѣ органически не связаны съ этой теоріей, а весьма часто, какъ это было мною отмѣчено въ примѣчаніяхъ, даже противорѣчатъ его фенеменизму и монизму (психофизическому параллелизму).

ХV.

Уже въ предыдущемъ мною попутно были указываемы затрудненія ассоціативной теоріи въ объясненіи памяти и воспроизведенія. Въ дополненіе къ сказанному я въ ниже слѣдующемъ приведу общезвѣстные факты, признаваемые и обиходнымъ опытомъ, и отчасти даже самими ассоціационистами, которые нужно только разобрать и сопоставить съ означенной теоріей, чтобы убѣдиться въ ея ограниченности. Къ таковымъ фактамъ я причисляю слѣдующіе.

1) Общеизвѣстенъ фактъ забвенія, если не абсолютнаго, то по крайней мѣрѣ относительнаго, т. е. невозможности воспроизвести „забытое“¹⁾. Съ незапамятныхъ временъ извѣстно, что память съ теченіемъ времени убываетъ; строго говоря, извѣстно только то, что способность воспроизведенія опредѣленнаго факта, если онъ не повторялся, съ теченіемъ времени ослабѣваетъ и въ концѣ концовъ можетъ

1) Гербартъ и его школа не признаетъ абсолютнаго забвенія, такъ какъ это вытекаетъ изъ его теоріи представленій. Доказать противное тоже невозможно, такъ какъ изъ того, что я въ данный моментъ не могу воспроизвести извѣстный фактъ, вовсе не слѣдуетъ, что это вообще никогда не случится. А еще менѣе возможно доказать, что „слѣдъ“ или „предрасположеніе въ мозгу“ или „сохраненная идея“ навсегда исчезли изъ мозга, или же изъ субстанции духа, или же что субстратъ памяти исчезъ. Но относительное забвеніе не подлежитъ сомнѣнію.

прекратиться. Въ новѣйшее время этотъ фактъ убыли памяти (т. е. способности воспроизведенія) былъ подтвержденъ множествомъ экспериментальныхъ изслѣдованій, которые мною изложены во II части. Какъ долго и въ какой мѣрѣ прогрессируетъ эта убыль, еще не установлено. Самый длинный промежутокъ времени относительно забвенія изслѣдовалъ на себѣ Эббинггаузъ. Этотъ промежутокъ простирается на 31 день. При этомъ оказалась небольшая разница въ забвеніи между этимъ промежуткомъ и между промежуткомъ въ шесть дней: черезъ шесть дней сохранилось у Эббинггауза приблизительно 24⁰/₀; а черезъ 31 день всего около 20⁰/₀. Значитъ, убыль памяти за 25 дней (послѣ 6 дней) у Эббинггауза равнялась 4⁰/₀ первоначальной крѣпости заученнаго. Послѣ 31 дня возможно, что забвеніе еще въ меньшей мѣрѣ убываетъ, или же что оно совсѣмъ останавливается¹⁾. Какъ бы то ни было, но относительное забвеніе и его постепенное увеличеніе до 31 дня не подлежитъ сомнѣнію. Въ чемъ состоитъ это забвеніе, чѣмъ оно обусловлено, намъ совершенно неизвѣстно. Относительно него трудно сдѣлать даже мало-мальски вѣроятное предположеніе. Во всякомъ случаѣ, этотъ фактъ признаютъ и ассоціационисты и не прибѣгаютъ къ законамъ ассоціаціи, чтобы его объяснить. Экспериментальными изслѣдованіями выяснилось только одно, что забвеніе прогрессируетъ съ теченіемъ времени. Но при этомъ было бы очень ошибочнымъ считать время причиной забвенія. На такомъ же основаніи, вѣдь, можно было бы и ростъ животныхъ и растений и множество другихъ процессовъ, даже химическихъ и физическихъ, считать функціей или же дѣйствіемъ (результатомъ) времени. Правда, обычный языкъ говоритъ, что время исцѣляетъ всѣ раны, что время производитъ забвеніе и т. п.; но эти образныя выраженія не слѣдуетъ

1) Ebbinghaus, Gedächtnis, Leipzig 1885, VII Cap. § 23—80.

принимать буквально¹⁾. Причину забвенія нужно искать въ чемъ-то другомъ. Спрашивается, въ чемъ?

Разсмотримъ сперва по этому поводу разсужденіе, вытекающее изъ теории психофизическаго монизма. Подъ полнымъ забвеніемъ мы разумѣемъ невозможность воспроизведенія; стало-быть, забвеніе противоположно памяти въ смыслѣ воспроизведенія. А воспроизведеніе ассоціационисты объясняютъ дѣятельностью воспроизводящей идеи („*inducierende Vorstellung*“, по Вундту, или „*sollicitierende*“, по обозначенію Вале²⁾); эта „воспроизводящая идея“ какъ бы притягиваетъ или возбуждаетъ другую идею, которая раньше съ ней была связана смежностью, или же которая съ ней сходна. Но такъ какъ современные психофизики (приверженцы психофизическаго монизма) идеи разсматриваютъ за процессы въ мозговыхъ клѣткахъ, то по ихъ предположенію, мозговья клѣтки воспроизводящей идеи дѣйствуютъ на клѣтки, соотвѣтствующія воспроизведенной идеѣ, и въ послѣднихъ вызываютъ процессъ, который съ внутренней стороны намъ извѣстенъ, какъ идея воспроизведенная. Предположимъ цѣлый рядъ, заученныхъ словъ. Изобразимъ его схематически буквами *ABCD* . . . По объясненію психофизиковъ, клѣтки *A* дѣйствуютъ на клѣтки *B* и воспроизводятъ идею *b*, клѣтки *B* дѣйствуютъ на клѣтки *C* и воспроизводятъ идею *c* и т. д. до безконечности. Чѣмъ

1) Эббинггаузъ считаетъ забвеніе (и сохраненіе) функціей времени (Op. cit. pag. 85). Это выраженіе обычно въ математикѣ и даже въ физикѣ; но его, по моему, отнюдь нельзя понимать буквально, равно какъ и обычныя приведенныя выше метафоры. Во всѣхъ этихъ случаяхъ измѣненія обнаруживаются въ соотвѣтствіи съ истекшимъ временемъ; но не время производитъ эти измѣненія, а обычныя силы и субстанціи. Я, хотя и не раздѣляю мнѣнія Канта (высказаннаго и раньше его нѣкоторыми философами), будто время есть чистая форма созерцанія, не имѣющая никакого коррелата во внѣшнемъ, т. е. трансцендентномъ мірѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ не считаю время и всемогущей субстанціей, которая производитъ безчисленныя перемѣны.

2) R. W a h l e, Zur Beschreibung und Einteilung der Ideenassoziationen. Vierteljahresschrift f. wiss. Philos. 1885. Bd. IX. S. 416 ff

была вызвана идея *a*, это остается открытымъ вопросомъ. Такимъ образомъ въ воспроизведенномъ ряду *abcd*, идея *b* оказывается дѣйствіемъ (результатомъ) идеи *a*; но въ то же время она оказывается причиною идеи *c*. Такимъ образомъ дѣятельность субстрата *B* можетъ быть причиною смежной идеи *c*; но будто не можетъ быть причиною самой идеи *b*, субстратомъ которой и есть *B*. Слѣдовательно собственная дѣятельность субстрата *B* не можетъ вызвать идею *b*. Такое мнѣніе уже а priori должно показаться сомнительнымъ. Но сомнѣніе еще болѣе возрастаетъ, если мы рассмотримъ воспроизведеніе и частичное забвеніе цѣлаго ряда слоговъ, цифръ, буквъ, словъ и т. п. Какъ извѣстно изъ экспериментальныхъ изслѣдованій¹⁾ въ этихъ случаяхъ забвеніе не въ одинаковой мѣрѣ поражаетъ всѣ члены заученнаго ряда. Первый членъ лучше помнится (легче воспроизводится), иногда и послѣдній, а промежуточные не всегда могутъ быть воспроизведены. Еслибы въ данномъ случаѣ смежность была причиною воспроизведенія, то первый членъ долженъ былъ бы воспроизвести второй, а этотъ — третій и т. д. до послѣдняго. На самомъ дѣлѣ этого не всегда бываетъ, несмотря на всѣ усилія воли. Еслибы смежность была причиною воспроизведенія, то она должна бы таковой оставаться на всегда — не только при полной памяти, но и при частичной, т. е. въ стадіи забвенія. Итакъ, если забвеніе совершается помимо законовъ ассоціаціи, то а priori должно показаться вѣроятнымъ, что и воспроизведеніе можетъ происходить помимо этихъ законовъ.

2) Гораздо большимъ оказывается затрудненіе означенной теоріи при объясненіи обратнаго воспроизведенія. Какъ извѣстно, хорошо заученный рядъ можно

1) См.: а) A. Binet et V. Henri „La mémoire des mots“ въ „Année psychol.“ 1894 (изд. 1895).

б) Bigham, Memory, Psychol. Review 1894, I. № 5, pag. 453—461.

воспроизвести и въ обратномъ порядкѣ (напр. алфавитъ), хотя бы заучиваніе происходило только въ одномъ направленіи. Такъ напр., въ воспроизведенномъ ряду *abc b* должно считать дѣйствіемъ *a*, но при обратномъ воспроизведеніи *cba b* оказывается причиною *a*. Такимъ образомъ *b* одновременно (на промежуткѣ двухъ секундъ) оказалось бы и причиною и дѣйствіемъ *a*. И это внезапное измѣненіе роли *b* произвелось бы моею волей, т. е. волевымъ актомъ репродуцировать обратно тотъ же рядъ. Какъ видно *post hoc* и въ данномъ случаѣ не значитъ *propter hoc*.

3) Противъ законовъ ассоціаціи, какъ причины воспроизведенія, говоритъ и тотъ фактъ, что воспроизведеніе зависитъ до нѣкоторой степени и отъ нашей воли. Это возраженіе было сдѣлано еще Ридомъ¹⁾. Дѣйствительно, наши волевые акты, наше произвольное вниманіе до извѣстной степени могутъ вліять на потокъ мыслей, могутъ предначертать имъ опредѣленное направленіе. Но это длится только нѣкоторое время, а затѣмъ прорываются, вопреки волѣ, задержанныя на время мысли, желанія и стремленія. Какимъ образомъ происходитъ это управленіе нашихъ мыслей волевыми актами, еще недостаточно выяснено психологическими анализами. Во всякомъ случаѣ, эти процессы весьма сложны и не могутъ быть объяснены одними законами ассоціаціи. Съ другой стороны нужно отмѣтить и тотъ фактъ, что сознательные волевые акты, которые исключительно имѣютъ въ виду Вундтъ и феноменисты, уже сами по себѣ представляютъ нѣчто сложное и производное. Вундтъ въ нихъ тоже отмѣчаетъ нѣсколько составныхъ частей: волевымъ актѣ Вундтъ считаетъ „эмоціальнымъ процессомъ (*Gefühlverlauf*), связаннымъ съ ощущеніями и представленіями, который представляетъ собою замкнутое единство“²⁾. Если

1) Th. Reid, Essays on the intell. powers, Ess IV, chap. IV.

2) Wundt, *Physiol. Psychol.* 5. Aufl. III. Bd. S. 242—243. Равнымъ образомъ и Лосскій различаетъ въ волевыхъ актахъ три составныхъ части, хотя и просмотрѣлъ въ нихъ представленія, составляющія содер-

имѣть въ виду подобные сознательные волевые акты, которые оказываются составленными изъ многихъ элементовъ, то такой актъ не можетъ считаться первичнымъ, основнымъ началомъ. Въ такомъ случаѣ воспроизведеніе подѣ влияніемъ конкретнаго волевого акта можно свести на ассоціацію по смежности. Въ самомъ желаніи припомнить нѣчто — уже содержится, хотя и въ отвлеченномъ видѣ, элементы, смежные съ тѣмъ, что желаешь припомнить. Такъ напр., если я хочу припомнить мелодію Зибеля изъ оперы „Фаустъ“, то въ этомъ опредѣленномъ хотѣніи содержится элементъ, смежный съ мелодіей — название „пѣсня Зибеля“, а можетъ быть, еще и другіе. Однако безъ моего усилія, безъ пѣвучаго настроенія, одно название „пѣсня Зибеля“ еще не воспроизводитъ даже мысленно желанной мелодіи. Въ соотвѣтственномъ же настроеніи она и невольно воспроизводится, т. е. приводятся въ дѣйствіе соотвѣтственные мускулы голосового аппарата, и я пою эту пѣсню.

4) Необъяснимъ законами ассоціаціи и фактъ упражненія и заучиванія. Всякому школьнику извѣстно, что если онъ пять разъ прочтетъ свой урокъ, то онъ его припомнитъ лучше, чѣмъ если онъ его прочтетъ только разъ или два раза. Тотъ же фактъ подтвержденъ и множествомъ экспериментовъ¹⁾. Таковыми можно установить минимальное число воспроизведеній (повтореній), которое нужно для того, чтобы заучиваемое воспроизвести черезъ извѣстный промежутокъ времени. Возьмемъ конкретный примѣръ. Предположимъ, что для моей памяти требуется 20 прочитанныхъ воспроизведеній ряда въ 12 слоговъ, лишенныхъ значенія, чтобы этотъ рядъ воспроизвести на память черезъ сутки. Слѣдовательно послѣ 19-и повто-

жаніе (цѣль) волевого акта. (См. Н. Лосскій, Осн. уч. психологіи съ точки зр. волюнтаризма, Спб. 1903, стр. 3.)

1) См.: а) Ebbinghaus, op. cit. cap. VI. б) Radoslawow H. D., op. cit. pag. 409 и 410.

реній я не буду въ состояні воспроизвести этотъ рядъ. Такимъ образомъ 20-ое воспроизведеніе оказыается рѣшающимъ возможность воспроизведенія. Спрашивается, чѣмъ это 20-ое воспроизведеніе отличается отъ каждаго изъ предыдущихъ 19 или скорѣе 18? (Первое воспроизведеніе всегда лучше запечатлѣвается, что опять противорѣчитъ объясненіямъ фізіологовъ). Если послѣднее воспроизведеніе заучиваемаго ряда имѣло рѣшающее значеніе для его воспроизведенія на память черезъ сутки, то очевидно здѣсь не ассоціація по смежности оказыается причиной воспроизведенія и даже не число 19-и воспроизведеній при заучиваніи ряда, а нѣчто другое. Въ данномъ случаѣ экспериментаторы говорятъ, что воспроизведеніе ряда (ассоціаціи по смежности) зависитъ и отъ „крѣпости ассоціаціи“. Но въ чемъ состоитъ эта „крѣпость“, никто себѣ отчета не даетъ¹⁾. Впрочемъ, непосредственнаго познанія тутъ не можетъ имѣть ни одинъ фізіологъ: въ какихъ „ассоціативныхъ волокнахъ“ заключается эта крѣпость, и какъ ее тамъ распознать, навсегда останется неузнаннымъ, еслибы предположеніе Флехсига объ „ассоціативныхъ волокнахъ“ даже было вѣрно. Въ этомъ случаѣ ужъ лучше признать свое незнаніе, чѣмъ его маскировать новоизобрѣтенной терминологіей.

5) Необъяснимъ одними законами ассоціаціи и тотъ фактъ, что при наличности множества потенціальныхъ ассоціацій съ одной идеей (съ однимъ и тѣмъ же элементомъ или комплексомъ) эта одна идея въ данный моментъ воспроизводитъ одну, двѣ, но не всѣ идеи,

1) См.: II ч. гл. X, стр. 267 и примѣч., а также A. Jost, Die Assoziationsfestigkeit . . . въ Zeitschr. f. Psychol. 1897 Bd. XIV. S. 436. И экспериментаторы, и психологи-теоретики весьма часто не различаютъ ассоціацію, какъ результатъ воспроизведенія отъ безсознательной связи психич. элементовъ, называя и послѣднюю ассоціаціей. Такъ же поступаетъ и Юстъ. Во избѣжаніе недоразумѣній я въ послѣднемъ случаѣ буду употреблять терминъ „потенціальная ассоціація“. Въ прежнемъ изданіи я употреблялъ такъ же выраженіе „динамическая ассоціація“.

связанныя съ ней въ прошломъ опытѣ субъекта. Такъ напр., зеленый цвѣтъ опредѣленнаго оттѣнка я замѣчалъ на разныхъ листьяхъ деревьевъ, кустовъ, травъ и другихъ растений, на разныхъ шелковыхъ, бумажныхъ и шерстяныхъ матеріяхъ, на крышахъ домовъ, на вывѣскахъ и т. под.; однако при видѣ зеленой точки или пятнышка я не вспоминаю всего этого. Большой частью даже ни одной изъ множества смежныхъ идей не воспроизводится¹⁾. Или возьмемъ другой примѣръ. Какой-нибудь слогъ „ба“ разъ воспроизводитъ слово „баба“, другой разъ „баринъ“ или „базаръ, баронъ, баранъ, барабанъ, батюшка, байка, басня“ и т. п. Въ данномъ случаѣ могутъ быть сотни потенциальныхъ ассоціацій; однако далеко не всѣ изъ нихъ воспроизводятся. Въ опредѣленный моментъ обыкновенно воспроизводится одна идея, и то не всегда самая „привычная“. Для того, чтобы изъ всѣхъ этихъ потенциальныхъ ассоціацій осуществилась одна опредѣленная, должна существовать еще какая-то особая причина, помимо закона ассоціаціи по смежности слога „ба“ со всѣми его сочетаніями. Р. Вале, нынѣ профессоръ, приводитъ примѣры самонаблюдений, въ которыхъ онъ для объясненія состоявшагося воспроизведенія прибѣгаетъ къ дѣйствию другой, „дополнительной ассоціаціи“ (Compliment-Association), такъ какъ одна связь еще не воспроизводила смежной идеи²⁾. Другія кажущіяся объясненія факта, почему изъ множества воз-

1) Это замѣтилъ еще Гертли; но объясненія его не даетъ. См. Hartley, Observations . . . propos X. op. cit. pag. 107.

2) R. Wahle, Op. et loco cit. Это — тотъ же самый фактъ, который отмѣтилъ еще Гербартъ. (См.: Herbart, Psychol. als Wissenschaft § 82—85). Что не всегда достаточно одной воспроизводящей идеи для воспроизведенія другой, это давно извѣстно и наблюдательнымъ романистамъ, и ораторамъ, и педагогамъ-практикамъ. Наведеніе ученика на желаемый отвѣтъ состоитъ въ примѣненіи такихъ „дополнительныхъ ассоціацій“. Разрѣшеніе загадки и ребуса, всякая догадка и болѣе сложный мысленный актъ или эмоція происходятъ на основаніи множества одновременныхъ „дополнительныхъ ассоціацій“, или „психическихъ обертоновъ“ Джемса. (См.: W. James, loco cit.).

можныхъ соединеній съ одной идеей воспроизводится въ опредѣленный моментъ только одна, не заслуживаютъ вниманія. Менѣе всего основательно фізіологическое объясненіе посредствомъ усиленнаго прилива крови къ опредѣленнымъ частямъ головного мозга, о чемъ еще будетъ рѣчь впереди.

б) Не вполне самостоятельнымъ представляется анализу и законъ ассоціаціи по сходству. Помимо указаннаго выше ¹⁾ сведенія сходства сложныхъ ассоціацій на частный случай смежности вслѣдствіе совпаденія общихъ элементовъ въ идеѣ воспроизведенной и воспроизводящей ²⁾, есть возраженіе противъ самостоятельности закона сходства и болѣе вѣское. А именно, психологи-ассоціационисты не обращаютъ вниманія на тотъ фактъ, что воспроизведеніе „по сходству“, если бы оно представляло самостоятельный принципъ, способность или силу, — должно бы происходить болѣе или менѣе однообразно. То, что по сходству воспроизводится сегодня, должно быть воспроизведено и завтра, и всегда, если сходство составляетъ причину, и если опытъ человѣка остается тѣмъ же, неизмѣннымъ. Почему же именно въ такой-то моментъ всплыла идея, воспроизведенная по сходству, а не всплывала раньше и позже при тѣхъ же обстоятельствахъ? Наконецъ, самое сходство — нѣчто очень растяжимое: оно существуетъ между всѣми психическими элементами одного органа чувствъ, между всѣми пріятными и непріятными чувствованіями (эмоціями); метафоры указываютъ на сходства даже между разнородными (disparaten) воспріятіями и отношеніями ихъ. Далѣе, какъ извѣстно, ассоціація по сходству

1) См.: X. гл. 119 - 123.

2) Это, впрочемъ, не всегда можно доказать самонаблюденіемъ и анализомъ. Напр., что общаго между фіалкой и чувствованіемъ скромности, между бѣлой розой и невинностью? Однако эти цвѣты сдѣлались символами опредѣленныхъ чувствованій.

въ чистомъ видѣ можетъ имѣть мѣсто въ опытѣ субъекта только разъ въ жизни. Послѣ этого воспроизводимая и воспроизводящая идея уже связаны и смежностью, такъ какъ онѣ были одновременно въ сознаниі. Стало-быть, шансы на повторимость той же ассоціаціи съ каждымъ ея новымъ появленіемъ должны и въ силу привычности, и вслѣдствіе совмѣстнаго дѣйствія обоихъ законовъ, — удваиваться или утраиваться; между тѣмъ опытъ этого не подтверждаетъ. Такъ напр., какое-нибудь пятно на обояхъ я нахожу сегодня сходнымъ съ контуромъ собаки; а черезъ нѣсколько дней эта ассоціація не повторяется. Такимъ образомъ и законъ ассоціаціи по сходству, (хотя онъ обнимаетъ болѣе простые процессы, чѣмъ законъ смежности), все же оказывается не основнымъ закономъ воспроизведенія: и законъ ассоціаціи по сходству, и обусловливаемый имъ законъ ассоціаціи по смежности оказываются обусловленными другими, намъ не достаточно извѣстными свойствами души.

7) Не менѣе извѣстенъ и тотъ фактъ, что сознательный актъ, который произвелъ на насъ сильное впечатлѣніе (благодаря новизнѣ, или силѣ внѣшняго раздраженія, или же благодаря сопутствовавшему сильному чувствованію) чаще и легче воспоминается и въ продолженіе дольшаго періода, т. е., „дольше помнится“. Здѣсь, очевидно, причина частыхъ воспоминаній и „продолжительности памяти“ зависитъ отъ силы впечатлѣнія или сопутствующаго чувствованія, а не отъ ассоціаціи. На послѣднее обстоятельство обратилъ вниманіе еще Локкъ¹⁾. Современные психологи ограничиваются въ данномъ случаѣ общимъ указаніемъ на существованіе ассоціаціи между чувствованіемъ (эмоціей) и репродуцированной идеей. Но это объясненіе только кажущееся: въ сущности оно переноситъ свое затрудненіе отъ одного факта на другой. Если чув-

1) Locke, An Essay conc. human understanding, II. chap. X. § 7.

ствование В, слѣдовавшее за воспріятіемъ А, ассоціировалось съ нимъ по смежности; то оно должно и при воспроизведеніи слѣдовать за воспріятіемъ А или за идеей a_1 ; между тѣмъ это не всегда бываетъ на дѣлѣ. Если напр., какой-нибудь новый предметъ А поразилъ насъ своей новизной; то это чувство новизны, которое есть слѣдствіе впечатлѣнія, должно каждый разъ повторяться при воспріятіи А или воспроизведеніи a_1 , a_2 . На самомъ дѣлѣ этого не бываетъ: чувство новизны быстро пропадаетъ, хотя воспроизведение идеи a_3 , a_4 , a_5 . . . повторяется. Если же допустить въ данномъ случаѣ обратное воспроизведение, т. е. что появившееся чувство В вызываетъ обратно идею a_2 , съ нимъ ассоціированную, то тогда воспроизведение самого чувства В подлежить объясненію ¹⁾. Между тѣмъ всякій можетъ изъ своего же опыта убѣдиться, что фактъ, поразившій насъ, воспроизводится весьма часто безъ воспроизведенія чувства новизны, съ нимъ ассоціированнаго по смежности. То же самое бываетъ при всякомъ воспроизведеніи психическаго факта, который въ первый разъ сопровождался сильнымъ чувствомъ: послѣ нѣсколькихъ повтореній онъ воспроизводится безъ сопровождавшаго его въ первый разъ чувства. Въ привычныхъ процессахъ чувства вообще пропадаютъ.

8) Довольно извѣстенъ и тотъ фактъ, что чаще и легче мы воспроизводимъ факты интересные, на которые мы обратили свое вниманіе, чѣмъ неинтересные. А интересными фактами мы называемъ такіе, которые или связаны съ нашимъ личнымъ благополучіемъ, или съ нашими обычными занятіями, или которые вызываютъ въ насъ пріятныя чувства. Стало-быть, здѣсь воспроизводимость зависитъ отъ чувствованій и желаній, или отъ привычки. Если эту

1) Обратное воспроизведение, дѣйствительно, можетъ быть констатировано; но теоріей ассоціаціи оно не объяснено, а нѣкоторыми психологами (Гертли, Ридъ, Лотце) даже отвергается.

связь называть тоже ассоціаціей, какъ это дѣлаетъ А. Бэнъ и другіе современные психологи, то тогда, по моему, слово „ассоціація“ теряетъ всякій смыслъ, такъ какъ чувствованія (интересъ жизни, самочувствіе . . ., которыя всѣ имѣютъ нѣчто общее), насъ не покидаютъ ни на одно мгновеніе нашей сознательной жизни и даже во время сновидѣній. Тогда основнымъ дѣятелемъ воспроизведенія окажется пріятное чувство, которое ассоціруется съ билліонами элементовъ человѣческаго духа. Съ другой стороны оказывается загадочнымъ, почему въ опредѣленный моментъ оно воспроизводитъ только одинъ фактъ или одно сочетаніе? Почему воспроизведеніе не прекращается при отсутствіи пріятныхъ чувствованій, когда мы испытываемъ нѣчто непріятное? Тогда позволительно воспроизводимыя идеи ставить въ причинную связь и съ нашимъ сердцебіеніемъ или дыханіемъ, которыя всегда сопутствуютъ имъ.

9) Не трудно также констатировать тотъ фактъ, что воспоминанія и вообще воспроизведенія, какъ произвольныя такъ и непроизвольныя, легче совершаются послѣ освѣжительнаго сна, чѣмъ въ періоды усталости; легче — послѣ приѣма въ опредѣленной дозѣ наркотическихъ веществъ (кофею, чаю, гашиша, никотина, алкоголя, ароматическихъ веществъ); легче — на свѣжемъ воздухѣ, богатомъ озономъ и ароматическими растительными запахами¹⁾. Всѣ условія, временно увеличивающія общую жизнедѣятельность, въ особенности кровообращеніе и ея окисленіе, до извѣстной степени благопріятно вліяютъ и на дѣятельность нервной системы, и на психическую жизнь: стало-быть, косвенно они вліютъ и на процессы сознанія, а въ частности и на воспроизведеніе идей. Не даромъ древніе греки помѣщали своихъ музъ, вдохновлявшихъ пѣвцовъ и поэтовъ, въ лѣ-

1) Бэнъ приводитъ примѣръ временнаго забвенія у Sir Henry Holland'a, который подъ вліяніемъ голода, усталости и отсутствія чистаго воздуха въ посѣщенной имъ шахтѣ забылъ нѣмецкій языкъ; но послѣ приѣма пицы и вина снова его вспомнилъ. См.: A. Vain, Mind and Body, chap. II.

систыхъ горахъ Греціи: на Парнасѣ и Геликонѣ, гдѣ онѣ обыкновенно у источниковъ проводили время.

10) Не подлежитъ сомнѣнію, что существуетъ и нѣкоторое индивидуальное прирожденное предрасположеніе души какъ въ смыслѣ воспримчивости и сохраненія впечатлѣній, такъ и относительно воспроизведенія. У однихъ быстро и широкой волной несется потокъ воспоминаемыхъ образовъ и мыслей; у другихъ медленно и по каплѣ выжимаются обрывки воспоминаній, словно они проходятъ черезъ фильтръ. Эту прирожденную подвижность душевныхъ элементовъ и субстратовъ памяти называютъ обыкновенно темпераментомъ.

11) Извѣстны, не только при патологическихъ душевныхъ состояніяхъ, но и въ нормальной душевной жизни случаи такъ называемыхъ „навязчивыхъ идей“. Со всякимъ вѣроятіемъ случалось испытать на себѣ подобныя идеи. Иногда преслѣдуетъ насъ какая-нибудь мелодія, отъ которой мы не можемъ отдѣлаться; иногда какое-нибудь любимое слово, иногда какой-нибудь образъ или фізіономія, иногда просто излюбленная мысль или мечта насъ „преслѣдуютъ“ при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. Кому неизвѣстны такъ называемыя *idées fixes*, которыя присущи не только психопатамъ, но которыя обуславливаютъ у нормальнаго человѣка то, что мы называемъ силой характера. (На это еще не обращено вниманіе ученыхъ). Этихъ явленій теоріей ассоціаціи никоимъ образомъ объяснить нельзя. Эти явленія извѣстны большинству современныхъ психологовъ; но въ виду предвзятыхъ теорій о воспроизведеніи они объясняютъ ихъ вышеупомянутой клѣточной гипотезой или расположеніями въ мозгу, въ связи съ усиленіемъ притока крови къ опредѣленнымъ частямъ мозга. Какія мозговыя клѣтки или слои мозга соотвѣтствуютъ опредѣленнымъ идеямъ, и почему именно къ нимъ приливаетъ кровь, возбуждая ихъ дѣятельность, это никому неизвѣстно и, по всему вѣроятію, какъ я доказывалъ выше,

таковымъ и останется. Поэтому такое объясненіе общеизвѣстнаго неизвѣстнымъ и сомнительнымъ, разумѣется, не имѣетъ значенія — ни практическаго ни даже теоретическаго.

Встрѣчается еще объясненіе этихъ явленій привычкой; но и это объясненіе только кажущееся¹⁾. Если несомнѣнно, что привычка (т. е. частое повтореніе извѣстнаго психическаго акта) въ опредѣленныхъ размѣрахъ увеличиваетъ память (т. е. прочность сохраненнаго); то этимъ еще не объяснено воспроизведеніе самого сохраненнаго акта. Если причиной воспроизведенія считать ассоціацію, или же, правильнѣе, воспроизводящую идею; то въ такомъ случаѣ спрашивается: съ чѣмъ же ассоціированъ первый членъ привычнаго акта, если онъ воспроизводится постоянно, и при различныхъ и самыхъ разнообразныхъ условіяхъ? Не съ дыхательными ли движеніями или съ біеніемъ сердца? Однако не каждое вдыханіе воздуха или сжиманіе сердца вызываетъ его. По всему вѣроятію, скажутъ иные, здѣсь существуетъ асс. съ чувствованіемъ. Спрашивается однако, съ какимъ, если навязчивая идея повторяется въ разныхъ настроеніяхъ, не исключая даже угнетенныхъ, хотя въ послѣднемъ случаѣ не такъ настойчиво.

12) Кромѣ перечисленныхъ положительныхъ условій воспроизведенія и воспоминанія вліяетъ на нихъ въ отрицательномъ смыслѣ такъ называемая „узость“ или ограниченность сознанія, которая обнаруживается какъ въ количествѣ одновременныхъ сознательныхъ элементовъ, такъ и въ продолжительности каждаго изъ нихъ²⁾.

1) a) Th. Reid. Essays, loco cit. IV. 4. pag. 425.

b) Wundt, Physiol. Psychol. 5. Aufl. III. Bd. XIX. Cap.

2) Этотъ основной фактъ сознательной жизни на каждомъ шагѣ несомнѣнно подтверждается самонаблюденіемъ. Еще Локкъ говорилъ объ „narrowness of the human mind“. Приверженцы означенныхъ теорій, (т. е. почти всѣ современные именитые психологи) или совершенно замалчиваютъ этотъ фактъ, или же упоминаетъ о немъ вскользь. Онъ никоимъ образомъ не можетъ быть объясненъ ни клѣточной гипотезой, ни психофизическимъ параллелизмомъ, ни теоріей ассоціаціи.

Вслѣдствіе этой ограниченности сознанія одновременно только немногіе психическіе элементы могутъ быть сознательными, и то не на долго. Обыкновенно въ одинъ мигъ бываетъ вполнѣ сознательнымъ только одинъ актъ или процессъ, который, впрочемъ, можетъ состоять изъ билліоновъ и гораздо больше бессознательныхъ элементовъ ¹⁾. Сознательную жизнь можно сравнить съ огромной залой, въ которой находится множество электрическихъ лампочекъ, освѣщаемыхъ одной динамомашиной. Эти лампочки попеременно въ небольшомъ числѣ то вспыхиваютъ, то тухнутъ. Чѣмъ меньше лампочекъ горитъ одновременно, тѣмъ ярче онѣ свѣтятъ; когда же горитъ только одна, то свѣтъ ярче всего: тогда электрической токъ направленъ къ ней исключительно. Нѣчто подобное происходитъ и съ сознательными актами. Изъ бездны бессознательныхъ психическихъ элементовъ всплываютъ на поверхность сознанія только весьма немногіе, ярко блестя короткое время; затѣмъ они, какъ бы тухнутъ, утопая въ безднѣ бессознательнаго. Послѣ этого другіе занимаютъ ихъ мѣсто, и такъ продолжается далѣе, пока опять не вспыхнутъ первые элементы. Иногда же блеститъ ярко на поверхности сознанія только одна идея (одна группа психическихъ элементовъ). Такое состояніе мы называемъ вниманіемъ. (Когда оно вызывается по нашему произволу, то его называютъ активнымъ или произвольнымъ вниманіемъ). Вотъ краткое, но наглядное изображеніе ограниченности нашего сознанія, т. е. сознательной психической дѣятельности.

1) См. VI. гл. Поэтому относительно сложныхъ психическихъ процессовъ невозможно въ одинъ и тотъ же мигъ и переживать сознательно что-нибудь и наблюдать этотъ переживаемый процессъ. Самонаблюденіе чередуется въ извѣстныхъ промежуткахъ съ переживаніемъ: сперва мы переживаемъ что-нибудь, а затѣмъ припоминаемъ пережитое и закрѣпляемъ его словомъ или письмомъ; только послѣ этого мы сравниваемъ и анализируемъ пережитое. Вотъ еще одинъ фактъ, который подтверждаетъ, что теченіе сознательной жизни не ограничивается законами ассоціаціи: извѣстные акты повторяются періодически, независимо отъ непосредственно предшествующихъ имъ сознательныхъ элементовъ.

Эта ограниченность нашего сознанія есть верховный законъ всякой сознательной дѣятельности.

Такъ какъ воспроизведеніе и воспоминаніе есть не что иное, какъ переходъ скрытыхъ (сохраненныхъ) душевныхъ актовъ (или слѣдовъ ихъ) изъ формы потенциальной въ актуальную, — переходъ отъ безсознательнаго состоянія въ сознательное: то воспроизведеніе и воспоминаніе слѣдуетъ разсматривать, какъ частный случай сознательной дѣятельности. Поэтому при воспроизведеніи и воспоминаніи должны быть на лицо всѣ необходимыя общія условія сознательной душевной дѣятельности; но они составляютъ только часть общей причины, а поводомъ къ воспроизведенію можетъ быть и воспроизводящая (правильнѣе „возбуждающая“) идея¹⁾.

Итакъ уже этотъ одинъ фактъ узости, или ограниченности сознанія можетъ убѣдить всякаго свободнаго отъ предвзятыхъ теорій человѣка, что отсутствіе воспроизведенія не даетъ намъ достаточныхъ основаній для сужденія о наличности или отсутствіи памяти соотвѣтственныхъ фактовъ: а самое воспроизведеніе, разсмотрѣнное независимо отъ всѣхъ условій, не даетъ намъ критерія для сужденія о силѣ или крѣпости памяти²⁾.

1) Какъ важенъ этотъ верховный законъ и для воспроизведенія, видно изъ того факта, что даже при наличности всѣхъ положительныхъ условій припоминанія, оно можетъ разбиться объ это одно отрицательное условіе (ограниченность сознанія), если сознаніе занято болѣе сильными одновременными впечатлѣніями и въ особенности чувствованіями. Кому, напр., неизвѣстны случаи, когда неопытные и притомъ самолюбивые ораторы или любители драматическаго искусства, въ первый разъ выступавшіе передъ публикой, не могли припомнить своихъ отличо заученныхъ рѣчей или ролей. Какому педагогу не приходилось убѣждаться, что иногда самыя лучшіе, но очень самолюбивые или робкіе ученики отвѣчали весьма плохо на экзаменѣ, если экзаменаторы ихъ смущали неумѣстнымъ подтруниваніемъ или придирчивостью?

2) Этотъ фактъ въ школьной практикѣ, напр., на испытаніяхъ, часто

На основаніи всего предыдущаго мы должны прийти къ заключенію, что можетъ быть на лицо память и отсутствовать воспроизведеніе идей¹⁾, наоборотъ, можетъ быть на лицо воспроизведеніе при минимальной степени памяти. При полномъ отсутствіи памяти, т. е. безъ предшествующаго впечатлѣнія и сохраненнаго его „слѣда“, конечно, не можетъ быть рѣчи и о его воспроизведеніи. Воспроизведеніе, т. е. возвращеніе въ актуальное состояніе сохраненнаго, никоимъ образомъ не должно смѣшиваться съ памятью, т. е. съ самымъ сохраненіемъ. Иное дѣло сохранять червонцы въ сундукѣ, иное — вынимать ихъ оттуда. Конечно, нельзя вынуть изъ сундука того, что въ него не было положено; а положить могъ червонцы и мой отдаленный предокъ. Чтобы вынуть положенное, для этого нужны еще и другія условія: нуженъ ключъ отъ сундука, нужно умѣніе отпереть его, нужны руки, чтобы вынуть сохраненное. Подобное отношеніе существуетъ между памятью и воспроизведеніемъ. Память есть непремѣнное условіе всякаго воспроизведенія; по для послѣдняго, сверхъ памяти, нужны еще и другія условія, которыя были перечислены выше, которыя далеко не исчерпываются одними законами ассоціаціи. Одна воспроизведенная идея можетъ входить въ тысячи потенциальныхъ ассоціацій, установленныхъ прежнимъ опытомъ субъекта; но эти ассоціаціи остаются за предѣлами сознанія — о нихъ мы только догадываемся по аналогіи съ прежнимъ опытомъ. И наоборотъ, воспроизведеніе можетъ быть на лицо, и независимо отъ подобныхъ ассоціацій, что втихомолку уже признается относ. первичной памяти²⁾. Но не только про-

упускаютъ изъ виду при оцѣнкѣ познаній, т. е. частной стороны памяти испытуемыхъ лицъ.

1) Уже Бэнеке ясно понималъ это. Ср.: F. E. Beneke, *Lehrb. d. Psychologie* § 41—46.

2) Сюда относятся все такъ называемые преемственные образы, констатированные еще Ньютономъ, Локкомъ и Гертли, которые были известны и Аристотелю. Въ новѣйшее время ихъ изучали подробнѣе Пур-

стыя ощущенія способны самопроизвольно воспроизводиться помимо всяких ассоціативныхъ связей; то же подтверждается относ. сложныхъ образованій (компликацій). Сюда относятся факты, приведенные подъ п. 11, наст. гл. О другихъ подобныхъ фактахъ сообщаютъ изъ своихъ самонаблюденій даже приверженцы ассоціативной теоріи ¹⁾. Объ этомъ предметѣ я подробно изложу въ III. части, гдѣ будетъ приведено множество фактовъ и соображеній, подтверждающихъ законъ самопроизвольнаго воспроизведенія. Тамъ же будетъ разсмотрѣно его отношеніе къ памяти, а равно къ законамъ ассоціаціи, къ сознательнымъ волевымъ актамъ и къ другимъ сторонамъ психической дѣятельности. Здѣсь же я ограничиваюсь раскрытіемъ затрудненій существующихъ нынѣ теорій и несогласіемъ ихъ съ фактами дѣйствительности.

Что же касается мнѣнія феноменистовъ, будто мы о памяти, какъ сохраненіи, ничего не можемъ знать, и что она будто не подлежитъ разсмотрѣнію точной науки, — то такое мнѣніе можетъ относиться только къ невро-физиологіи и гистологіи мозга. Эти науки, дѣйствительно, ничего не знаютъ о предполагаемыхъ ими молекулярныхъ размѣщеніяхъ въ мозговыхъ клѣткахъ (*Dispositionen*) и въ „ассоціативныхъ вологнахъ“; какъ я доказывалъ выше (V—VIII. гл.), врядъ ли о нихъ когда-нибудь что-нибудь и узнаютъ. Современныя же гипотезы невро-физиологовъ объ этомъ

кинше, Фехнеръ, Гельмгольцъ, Урбанчичъ, называвшіе ихъ различными именами. Кромѣ цитированныхъ по этому предмету мѣстъ можно привести еще слѣдующія: 1) *Fechner, Psychophysik II. S. 491—499.* 2) *Carpen-ter, Mental physiology, pag. 515* (цит. заимств. у Гефдингга). 3) *J. Locke, Essay, b. II. chap. IX. § 10.* 4) *Helmholtz, Ber. über die 34. Versamml. d. deutschen Naturforscher in Karlsruhe, S. 225.* 5) *H. Ecker-ner, Schwankungen. — minim Sinnesreize. Phls. St. VIII. Bd. S. 381—384.*

1) *Höfdding. Psychologie 2. Aufl. S. 197;* 2) *R. Dodge, Die motorischen Wortvorstellungen, S. 11.* 3) *Pierre Janet, Cas d'aboulie et d'idées fixes, Revue philos. 1891 vol. XXXI pag. 264.* 4) *A. Binet et V. Henri, La mémoire des mots, Année psychol. 1894 (изд. 1895) pag. 25.* 5) *Taine, Intel. Обь умѣ, русск. пер. Страхова, Спб. 1894, II гл. стр. 70.*

предметъ безъ оговорокъ должно признать несостоятельными: онѣ противорѣчатъ и даннымъ нашего внутренняго опыта (въ особенности „узости сознанія“) и психологическимъ анализамъ, приведеннымъ мною выше. Но относительно психологіи внутренняго опыта мнѣніе феноменистовъ ошибочно. Мнѣніе Сѣлли, будто о сохраненіи „мы не можемъ имѣть (sic!) непосредственнаго знанія“, основано на недоразумѣніи¹⁾. Дѣло въ томъ, что сохраненныя идеи (представленія) это — безсознательные акты (дѣйствія) или состоянія субстратовъ (силы, потенціи), которыя въ то же время, конечно, не могутъ быть и сознательными: поэтому требованіе феноменистовъ, чтобы безсознательное одновременно было и сознательнымъ, представляетъ логическое противорѣчіе²⁾.

1) См. Sully, *Outlines of psychol.*, loco cit. pag. 170. Ср. также гл. VIII. стр. 89.

2) На подобномъ же недоразумѣніи, по моему мнѣнію, основанъ и гносеологическій феноменизмъ Юма, Конта и позитивистовъ, а равно и „трансцендентальный идеализмъ“ Канта и современныхъ неокантіанцевъ. Эти ученія выходятъ изъ того положенія, что всѣ наши познанія обнаруживаются въ актахъ (перемѣнахъ) сознанія и основаны въ концѣ концовъ на чувственныхъ воспріятіяхъ, а у Канта и неокантіанцевъ — сверхъ того еще и на апріорныхъ формахъ возрѣній и мышленія. Итакъ познавательные акты возможны постольку, поскольку внѣшній міръ производитъ перемѣны (явленія) въ нашемъ сознаніи черезъ посредство органовъ чувствъ. Все же, что скрывается за явленіями — неизмѣнныя субстанціи, „вещи въ себѣ“ Канта — это не можетъ быть предметомъ научнаго познанія. Поэтому-де всякая метафизика, выходящая за предѣлы явленій, это — одна „миѳологія отвлеченностей“, какъ говоритъ Льюисъ, не имѣющая научнаго значенія. (См. Lewes, *Problems of Life and Mind*, b. II. ch. VII.) То же утверждаетъ и Спенсеръ (*Spencer, First principles*, chap. I. § 1, 2.)

На это я замѣчу мимоходомъ только слѣдующее. Мнѣніе гносеологическаго феноменизма было бы вѣрно, еслибы люди не обладали памятью. На самомъ дѣлѣ это не такъ обстоитъ. Правда, всякое знаніе особи беретъ свое начало съ явленій и можетъ осуществиться только въ элементахъ сознанія; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что этимъ должно ограничиваться наше познаніе. Вѣдь, благодаря памяти мы узнаемъ явленія, какъ тождественныя, мы различаемъ сходное отъ несходнаго и доходимъ до пониманія однообразій, причинности и закономѣрности до понятій субстанцій, скрытыхъ силъ и т. п., которыя ужъ никакъ не ощущенія. Разумѣется, и въ этихъ случаяхъ, какъ и вообще во всякомъ

Но относительно бессознательнаго, которое раньше было сознательнымъ у того же субъекта, всѣ люди имѣютъ

знаніи, таковое всегда будетъ выражено въ терминахъ (т. е. психическихъ элементахъ) нашего сознанія. Даже первичныя качества Локка, какъ это доказалъ еще Беркли, даже понятія современной физики, каковы понятія — движенія, силъ, атомовъ, ээира въ этомъ отношеніи не составляютъ исключенія. И эти чисто физическія понятія содержатъ въ себѣ и чисто субъективныя элементы; но физики и метафизики, и обычный „здравый смыслъ“ увѣрены, что этимъ понятіямъ соотвѣтствуетъ нѣчто въ мірѣ трансцендентномъ, который дѣйствуетъ на познающій духъ. Спенсеръ допускаетъ существованіе сверхчувственныхъ субстанцій, но не признаетъ ихъ познаваемости. Кантъ и его послѣдователи считаютъ чувственныя воззрѣнія — пространство и время, а равно и категории за апіорныя, чисто субъективныя формы познающаго духа, которыя въ трансцендентномъ мірѣ не имѣютъ никакихъ коррелятовъ. Къ нимъ они сводятъ всю общеобязательность („необходимость“) нѣкоторыхъ нашихъ познаній. Такимъ образомъ, по Канту, общеобязательныя познанія являются порожденіемъ одного только познающаго духа, который будто „предписываетъ законы природѣ“; самъ же трансцендентный міръ будто не имѣетъ ничего соотвѣтствующаго причинности, субстанціямъ, количеству, качеству, числу, пространству и тому подобнымъ категоріямъ. По моему, оба эти мнѣнія относительно непознаваемости трансцендентнаго міра („вещей въ себѣ“ Канта) основаны на неправильномъ пониманіи слова „познаніе“, которое употребляется въ разсужденіяхъ обоихъ ученій въ двухъ совершенно различныхъ значеніяхъ. Во первыхъ, слово „знаніе“ употребляется въ его обычномъ значеніи, какъ знаніе чего-то, какъ понятіе соотносительное, предполагающее и объектъ познанія и познавательный актъ субъекта. Истинное же знаніе въ этомъ смыслѣ можетъ состоять только въ соотвѣтствіи познавательнаго акта познаваемому объекту и всѣмъ другимъ познаніямъ, относящимся къ этому объекту. Спенсеръ опредѣляетъ „вышую истину“, какъ „совершенное совпаденіе во всей области нашего опыта представленій, называемыхъ идеальными, съ тѣми, которыя мы называемъ реальными“. (Spencer, First principles, chap. II. § 6. Опредѣленіе Спенсера отдаетъ преимущество „реальнымъ представленіямъ“, т. е. воспріятіямъ и ощущеніямъ, которыми должно повѣрять „совпаденіе“ всего опыта. Но это мнѣніе не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ самыя воспріятія въ свою очередь мы повѣряемъ нашимъ прошлымъ опытомъ и пріобрѣтенными познаніями, т. е. „идеальнымъ представленіями.“) Другое значеніе слова „знаніе“ совершенно произвольно и принадлежитъ только упомянутымъ школамъ позитивистовъ и кантіанцевъ. Оно состоитъ въ отождествленіи трансцендентнаго бытія съ познавательнымъ актомъ субъекта. Такое „знаніе“, конечно, невозможно, потому что оно и немислимо: оно заключаетъ въ себѣ логическое противорѣчіе, *contradictio in atjecto*. Оно требуетъ, чтобы „вещь въ себѣ“, т. е. объектъ познанія, лежащій внѣ сознанія, въ то же время былъ и въ сознаніи въ видѣ познавательнаго акта.

нѣкоторое знаніе, и притомъ несомнѣнное, — а именно, что весьма часто оно вновь можетъ сдѣлаться сознательнымъ, т. е. говоря обычнымъ языкомъ, всѣ нормальные люди имѣютъ убѣжденіе, что они (а отчасти и животныя) обладаютъ памятью. Вышеприведенные анализы узнаванія могутъ убѣдить насъ, что не только наше „Я“ сохраняется до конца нашей жизни, но и множество нашихъ идей (представленій) и ихъ сочетаній. Мало этого, не только самъ фактъ сохраненія нашего психическаго содержанія намъ вполне извѣстенъ и неоспоримъ, но намъ извѣстно еще кое-что и о прочности сохраненнаго. Многочисленныя экспериментальныя изслѣдованія не только подтвердили давно извѣстный фактъ постепенной убыли памяти (по крайней мѣрѣ въ первый мѣсяцъ послѣ совершившагося заучиванія или усвоенія факта), но экспериментаторы даже попытались облечь этотъ фактъ въ математи-

Уже само понятіе „вещи въ себѣ“ противорѣчитъ акту сознанія и исключаетъ всякое ихъ отождествленіе. Иначе дѣло обстоитъ съ познаніемъ въ его обычномъ значеніи. А именно, та же „вещь въ себѣ“ Канта, по его же ученію, аффицируетъ наши чувства, слѣдовательно она производитъ въ нашемъ сознаніи познавательный актъ, слѣдовательно она познается — первоначально въ видѣ чувственнаго впечатлѣнія. При дальнѣйшемъ развитіи интеллекта это впечатлѣніе можетъ быть подвергнуто психологическому анализу. т. е. въ свою очередь чувственное впечатлѣніе становится объектомъ познанія. Такимъ образомъ возможно подниматься до истиннаго познанія — въ его обычномъ и единственно правильномъ толкованіи — и относительно самыхъ сложныхъ и самыхъ отвлеченныхъ понятій, которымъ соотвѣтствуютъ „вещи въ себѣ“, или трансцендентныя субстанціи, или же трансцендентныя отношенія, существующія между „вещами въ себѣ“. Кантъ совершенно неосновательно отвергаетъ реальное бытіе подобныхъ отношеній. Не будь отношеній и взаимодѣйствій въ трансцендентномъ мірѣ, были бы необъяснимы и всѣ перемѣны, которыя этотъ міръ производитъ въ нашемъ сознаніи, да и самые „аффицирующие предметы“ Канта были бы совершенно немислимы. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробности этихъ трудныхъ гносеологическихъ проблемъ, о которыхъ написаны уже сотни изслѣдованій, въ томъ числѣ и современными выдающимися философами Германіи, но которыя все же остаются спорными. Нѣсколько подробнѣе я разсмотрѣлъ гносеологію Канта въ отношеніи ея къ психологіи въ своемъ историческомъ очеркѣ „Психологія внутренняго опыта...“ Юрьевъ 1904 (стр. 51—72).

ческія формулы¹⁾. Конечно, эти наши познанія очень скудны; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что со временемъ мы не узнаемъ больше. Болѣе удивительно то, что и относительно феноменальной стороны памяти, т. е. относительно воспроизведенія (превращенія безсознательнаго въ сознательное) существуютъ, какъ мы видѣли, весьма большія разногласія даже между выдающимися спеціалистами. Очевидно, что причина и условія воспроизведенія еще недостаточно изслѣдованы ими. Очевидно, что не легко разобратъ даже въ сознательныхъ проявленіяхъ памяти.

Не скрываю отъ себя и читателей всей трудности вопроса о памяти, который находится въ тѣсной связи съ основными вопросами не только психологіи, но и метафизики духа.

Всю трудность этого вопроса ясно сознавалъ еще полторы тысячи лѣтъ тому назадъ Бл. Августинъ. Его словами я и заканчиваю настоящую книгу. „Велика сила памяти, повергающая меня въ какой-то трепетъ и оцѣпенѣніе, о Боже мой, — глубокая и безконечная сложность; и это — душа, и это — я самъ. Что же я такое, Боже мой? Какова моя природа? Различная, разнообразная жизнь, и далеко неизмѣримая. Вотъ, моя память представляетъ собою какъ-бы поля и пещеры и безчисленныя углубленія, и притомъ безъ счета наполненныя разнаго рода безчисленными предметами: будь то посредствомъ образовъ, каковыя образы всѣхъ тѣлъ, будь то ихъ наличностью, какъ это бываетъ относительно искусствъ, будь то посредствомъ какихъ-то понятій или символовъ, каковыя символы душевныхъ волненій. (Вѣдь, и эти сохраняются душою даже тогда, когда она ихъ не претерпѣваетъ, такъ какъ въ душѣ находится все, что бы ни находилось въ па-

1) Главнѣйшія изъ этихъ изслѣдованій уже были приведены въ концѣ VIII. гл. на стр. 90. Подробный разборъ ихъ послѣдуетъ во II. части моей настоящей работы.

мяти). И по всему этому я пробѣгаю и пролетаю то сюда, то туда; все это я проникаю, поскольку могу, — и конца нѣтъ нигдѣ. Такова сила памяти, такова жизни сила въ человѣкѣ, живущемъ, какъ смертное существо!“¹⁾

1) Augustini, St. Aureli Confessiones lib. X cap. XVII. „Magna vis est memoriae, nescio quid horrendum, deus meus, profunda et infinita multiplicitas; et hoc animus est, et hoc ego ipse sum. Quid ergo sum, deus meus? Quae natura sum? Varia, multimoda vita et immensa vehementer. Ecce in memoriae meae campis et antris et cavernis innumerabilibus atque innumerabiliter plenis innumerabilium rerum generibus sive per imagines, sicut omnium corporum, sive per praesentiam, sicut artium, sive per nescio quas notiones vel notationes, sicut affectionum animi — quas et cum animus non patitur, memoria tenet, cum in animo sit quidquid est in memoria — per haec omnia discuro et volito hac illac, penetro etiam quantum possum, et finis nusquam: tanta vis est memoriae, tanta vitae vis est in homine vivente mortaliter!

Списокъ цитированныхъ въ I. части сочиненій ¹⁾.

- Aristoteles**, a) *Περὶ ψυχῆς* ed. Trendelenburg, B. 1877.
„ b) De memoria et reminiscencia, ed. Didot, P.
„ c) De insomniis, „ „ „
„ d) De arte poetica, *Περὶ ποιητικῆς*, ed. G. Christ, L. 1878.
Augustinus S-tus, Confessiones, ed. Pius Knöll, Pragae 1896.
Azoulay, Psychol. hystol. An. Psl. t. II. 1895.
- Bain, A.**, a) The Senses and the Intellect, 3. ed. 1868.
„ b) Mind and Body. 6. ed. 1878.
Baldwin, J. M. Handbook of Psychology, N.-Y. 1889.
Beneke F. E., Lehrb. d. Psychologie, B. 1833.
Berkeley G., a) Treatise on the principles of human knowledge, Dublin 1710.
„ b) Abhandlungen . . . deutsch von F. Ueberweg L. 1879.
Bigham, Memory, Psychol. Review 1894.
Binet A., An. Psl. 1897.
Binet et Henri, La mémoire des mots, An. ps. 1894.
Bodenstädt Fr., Die Lieder des Mirza-Schaffy, 160. Aufl.
Brentano, Psychologie, L. 1874.
Brown Th., Lectures on the philos. of the hum. mind. Edinb. 1851.

1) Сочиненія расположены по авторамъ въ порядкѣ латинскаго алфавита. Въ заглавіяхъ сочиненій при обозначеніи изданія употреблены слѣдующія сокращенія: *B.* = Berlin, *L.* = Leipzig, *Ld.* = London, *P.* = Paris, *N. Y.* = New-York, *W.* = Wien, *СПб.* = С.-Петербургъ, *M.* = Москва, *K.* = Кіевъ.

Равнымъ образомъ обозначены сокращенно и ученые періодич. изданія, а именно: *An. psl.* = Année psychologique, *R. phls.* = Revue philosophique, *Phls. St.* = Philosophische Studien, *V. J.* = Vierteljahresschrift für wiss. Philos. *Z. Psl.* = Zeitschrift für Psychologie u. Physiologie der Sinnesorgane, *B. Ф.* = Вопросы философіи и психологіи.

- Carpenter**, Principles of mental physiology. 3. ed. Ld. 1879.
- Cicero M. T.**, De Oratore, ed. Piderit, L. 1878.
- Cordes G.**, Exper. Unters. üb. Associationen, Phls. St. Bd. XVII. L. 1901.
- Dahl**, Vers. einer Darstellung d. psych. Vorgänge in d. Spinnen V. J. 1885.
- Darwin Ch.**, Ausdruck der Gemütsbewegungen, übers. V. Carus, Stuttg. 1872.
- Darwin Erasmus**, Zoonomia. Ld. 1794—1798.
- Denkow** см. Radoslawow.
- Dodge R.**, Die motorischen Wortvorstellungen, Halle a. d. S. 1898.
- Du-Bois-Reymond E.**, Üb. d. Übung. B. 1881.
- Ebbinghaus**, Üb. d. Gedächtnis, L. 1885.
- Eckener H.**, Schwankungen . . . minim. Sinnesreize Phls. St. VIII. Bd.
- Erdmann, Joh. Ed.**, Psychol. Briefe, 3. Aufl. L. 1863.
- Fechner**, Elem. d. Psychophysik. L. 1860.
- Ferri L.**, La psychologie de l'association P. 1883.
- Flechsig**, Die Localisation der Gehirnvorgänge L. 1896.
- Forel**, Das Gedächtnis . . . Zürich 1885.
- Fortlage K.**, a) System der Psychologie L. 1855.
 „ b) Beiträge zur Psychologie L. 1875.
- Fouillée**, La survivance et la selection des idées dans la mémoire, Revue des deux mondes LXIX. (1885).
- Hadji-Denkow** см. Radoslawow.
- Haeckel E.**, (Геккель), Клёточные души К. 1880.
- Hamilton Sir. Wil.**, Lectures on Metaphysics and Logic, ed. Mansel and Veitsch, Ld. 1882.
- Hartley D.**, Observations on Man, Ld. 1749.
- Helmholz**, Ber. üb. d. 34. Versamml. d. deutschen Naturforscher in Karlsruhe.
- Henri** см. Binet.
- Herbart**, a) Psychologie als Wissenschaft, Königsb. 1824.
 „ b) Hauptpunkte der Logik u. Metaphysik. Götting. 1808.
 „ c) Lehrb. z. Einl. in die Philos. Königsb. 1815.
- Hering**, Üb. d. Gedächtnis, W. 1876.
- Herodotus Histor.**, ed. Abicht L. 1883.
- Hobbes**, Leviathan, Amst. 1668.

- Höfding**, a) Psychologie 2. Aufl.
 „ b) Üb. Wiedererkennen, V. J. Bd. XIII. u. XIV.
 „ c) Zur Theorie d. Wiedererkennens, Phls. St. VIII. Bd.
- Höfler A.**, a) Psychologie, W. 1897.
 „ b) Logik, W. 1890.
- Horwicz**, Psychol. Analysen, I. u. II. Th. Halle 1872, 1875, Magdeb. 1878.
- Hume D.**, a) Treatise on hum. nature. Ld. 1882.
 „ b) Enquiry conc. hum. underst. Ld. 1882.
- James W.**, a) The principles of Psychology N.-Y. 1890.
 „ b) Text Book of Psychology, 1. ed.
- Janet Paul et Séailles G.**, Hist. de la philos. P. 1893.
- Janet Pierre**, Cas d'aboulie et d' idées fixes, Revue philos. 1891,
 vol XXXI.
- Jodi**, Psychologie, Stuttg. 1896.
- Jost A.**, Die Associationsfestigkeit, Z. Ps. 1897.
- Кандинскій**, О псевдогаллюцинаціяхъ, СПб. 1890.
- Kant Im.**, Kritik d. r. Vern. Ausgabe Kehrbach.
- Кантъ**, Критика ч. раз., перев. Соколова, СПб. 1902.
- Ladd G. T.**, Psychology descriptive . . . N.-Y. 1894.
- Ланге Н.**, Психологич. изслѣд., Одесса 1893.
- Lehmann A.**, Üb. d. Wiedererkennen, Phls. St. V. u. VII. Bd.
- Leibnitz**, Nouveaux essais, ed. Erdmann.
- Lewes G. H.**, Problems of Life and Mind, Ld. 1879.
- Lipps G. F.**, Grundr. d. Psychophysik, L. 1903.
- Locke J.**, An Essay conc. hum. underst. Ld. 1877.
- Лопатинъ**, Методъ самонаблюденія, В. Ф. 1902.
- Лосскій Н.**, Основныя ученія психологіи съ точки зр. волонтаризма,
 СПб. 1903.
- Lotze R. H.**, a) Medicinische Psychologie, L. 1852.
 „ b) Mikrokosmos I. Bd. L. 1856.
- Mansel**, см. Hamilton.
- Meinong**, a) Zur erkenntnistheor. Würdigung d. Gedächtnisses, V. J. X. Bd.
 „ b) Phantasievorstellung u. Phantasie, Zeitschr. f. Philos. u.
 philos. Kritik, Bd. 95.
- Miklosich**, Subjectlose Sätze, W. 1883.
- Mill James**, Analysis of the phen. of the human mind, Ld. 1878.

- Mill John St.**, a) Logic (рус. перев. подъ ред. Лаврова СПб. 1865.)
 „ b) Examination of Sir W. Hamiltons philos. 3. ed.
- Морганъ Л.**, Привычка и инстинктъ, рус. перев. съ англ. СПб. 1899.
- Müller G. E. u. Pilzecker**, Exper. Beitr. z. Lehre v. Gedächtnis, L. 1900.
- Müller G. E. u. Schumann**, Gedächtnis, Z. Ps. 1894.
- Müller Max**, Vorles. üb. d. Wissenschaft. d. Sprache. 2. Aufl. L. 1870.
- Münsterberg**, Grundz. d. Psychologie, L. 1900.
- Newton Sir Is.**, Optics. Ld, 1704.
- Pfänder**, Phänomenologie des Willens, L. 1900.
- Pilzecker**, см. Müller G. E.
- Plato**, a) Theaetetus. rec. F. W. Wagner, L. 1855.
 „ b) Philebus. rec. F. W. Wagner, L. 1857.
 „ c) Phaedon. ed. C. F. Hermann, L. 1874.
- Preyer**, Die Seele des Kindes, L. 1884.
- Проданъ И.**, Психологія внутр. опыта . . . , Юрьевъ 1904.
- Quintilianus**, Institutio oratoria, ed. Meister, L. 1886.
- Radoslawow Hadji-Denkow**, Exper. Unters. üb. d. Gedächtnis . . . ,
 Phls. St. XV. Bd. 1900.
- Raehlmann E.**, Üb. d. Entwicklung der Gesichtswahrnehmungen, Z. Ps. 1890.
- Rabier E.**, Leçons de philosophie, P. 1896.
- Reid Th.**, a) Essays on the intell. powers, Edinb. 1785.
 „ c) Inquiry into the human mind, Edinb. 1765.
- Ribot Th.**, Les maladies de la mémoire, P. 1884.
- Richet Ch.**, Les origines et les modalités de la mémoire, R. phls. 1886.
- Schumann**, см. Müller u. Schumann.
- Séailles G.**, см. Janet Paul.
- Sikorsky**, Evolution psychique de l'enfant, R. phls. 1885.
- Сикорскій**, Сборникъ статей, кн. 1 и 2. К. 1899.
- Соловьевъ Влад.**, Три характеристики, Вѣстн. Евр. 1900.
- Spencer H.**, a) Principles of psychology. 2. ed. Ld. 1870—1872.
 „ b) First principles., 5. ed. Ld. 1884.
- Spinoza**, Ethica. ed. C. H. Bruder, L. 1843.
- Steinthal**, Einl. in d. Psychol. u. Sprachwiss. B. 1871.
- Stewart Dug.**, Elements of the philosophy of human mind. Edinb. 1854.
- Stricker**, Stud. üb. Sprachvorstellungen, W. 1880.

- Stumpf**, Üb. d. psychol. Ursprung der Raumvorstellung, L. 1873.
- Sully**, a) The human mind, Ld. 1892.
 „ b) Outlines of psychology, Ld. 1894.
 „ c) Die Illusionen, deutsch übers. L. 1884.
- Taine Hip.**, De l'Intelligence, P. 1888 и рус. пер. Страхова. СПб. 1894.
- Tarde G.**, a) Lois sociales, P. 1902.
 b) Lois de l'imitation P. 1890.
- Тархановъ И. Р.**, Духъ и тѣло, СПб. 1904.
- Titschener**, An Outline of psychology, N.-Y. 1897.
- Троицкий М.**, Наука о духѣ, М. 1882.
- Tylog, E. B.**, Ugeschichte der Menschheit . . . aus d. Engl. übers.
 L. 1866. Verlag A. Abel.
- Челпановъ**, a) Проблема воспріятія пространства, К. 1896 и 1904.
 „ b) О памяти и мнемоникѣ, СПб. 1903.
- Uphues G. K.**, Über die Erinnerung, L. 1889.
- Urbantschitsch**, Zur Lehre von der Schallempfindung, Pflügers Archiv,
 24. Bd. 1881.
- Vaschide**, Sur la localisation des souvenirs, An. ps. VIII. 1897.
- Veitch**, См. Hamilton.
- Volkman W. Ritter v.**, a) Lehrb. d. Psychologie, 4. Aufl.
 „ b) Grundriss d. Psychol., Halle 1856.
- Wahle R.**, Zur Beschr. u. Einteil. d. Ideenassociationen, V. J. 1885.
 IX Bd.
- Wundt W.**, a) System d. Philosophie, L. 1897.
 „ b) Grundz. d. physiolog. Psychologie, L. 3—5 Aufl.
 (1887—1903).
 „ c) Grundriss d. Psychologie, 1. Aufl. L. 1896; 3—6 Aufl.
 L. (1901—1904).
 „ d) Zur Localisation der Gehirnfunktionen, Phls. St. V. Bd.
- Xenophon**, Symposion. L. 1865
- Zanotti**, (M. de la **Tourry**) Della forza attrattiva delle Idee, Napoli 1747.

Оглавленіе I. части.

	Страница.
I. гл. Введеніе 1).	3— 7
Значеніе памяти 3—4; древнѣйшія свидѣтель- ства 4; неясность вопроса и самага термина у современныхъ ученыхъ 5; три группы уче- ныхъ 6—7.	
II. гл. Группа феномистовъ	8— 19
1) В. Фолькманъ 9; 2) Вундтъ (9—11); 3) Гефдингъ (11—13); 4) М. Троицкій (13—14); 5) А. Бэнь (14—16); 6) Горвичъ (16—17); 7) Лэддъ (17); 8) Титченеръ (18—19).	
III. гл. Группа психофизиковъ	19— 30
9) Герингъ (19); 10) Э. Дю-Боа-Реймонъ (19—20); 11) Герб. Спенсеръ (20—21); 12) Форель (21); 14) Ш. Рише (21—23); 15) А. Фулье (23—25); 16) Э. Рабье (25—26); 17) Сёлли (26—28); 18) Бальдвинъ (28); 19) В. Джемсъ (28—30); 20) Юдль (30).	
IV. гл. Группа динамистовъ	31— 42
21) Лотце (31—32); 22) К. Фортлаге (32—33); 23) Э. Эрдманъ (33—34); 24) Эббингаузь (34—35); Классификація всѣхъ цитированныхъ взглядовъ и опредѣленій памяти 36—38; Обычное значеніе слова „память“, какъ со- храненіе 38—41; Опредѣленіе терминовъ „вос- поминаніе“, „воображеніе“, „ассоціація“ 42.	
V. гл. Двѣ точки зрѣнія	42— 57
1) Результаты, добытые неврофизиологіей по изученію душевныхъ процессовъ 42—46; 2) изслѣдованіе вопроса о памяти на основаніи психологическихъ самонаблюденій: анализы узнаванія полнаго и неполнаго; память безъ узнаванія 47—57.	
VI. гл. Затрудненія гипотезы психо-физическаго параллелизма	57— 70
Явленія и субстанція 57; локалізація памяти 58—59; участіе нашего „я“ въ воспроизведе- ніи 60—61; сложность психическихъ про-	

1) Арабскія числа послѣ заголовка обозначаютъ страницы настоящей книги. Числа послѣ именъ ученыхъ, помѣщенные въ скобкахъ, обозначаютъ страницы цѣлаго отрывка, посвященнаго ученому.

- цессовъ; число психическихъ элементовъ въ сравненіи съ числомъ мозговыхъ клѣтокъ 61—70.
- VII. гл. Отступленія отъ предполагаемаго параллелизма.** 71—78
Несоотвѣтствіе объема мозга объему интеллекта 71—74; мозговья извилины, ассоціаціонныя волокна и ассоц. центры Флехсига 74—75; факты упражненія 76—78.
- VIII. гл. Затрудненія чисто-психологич. гипотезъ.** 79—90
Гипотеза Бэнеке о „слѣдахъ“ 79; гипотеза Гербарта о душѣ и представленіяхъ 80—88; возраженія противъ феноменизма Сѣлли 88—90.
- IX. гл. Теорія ассоціаціи идей въ англійской школѣ.** 90—110
Предшественники Юма 90—91; Д. Юмъ (91—92). Ученіе Гертли (92—97); дополненіе Джемса Милля (98—99); поправки Джона Ст. Милля (99—100); ученіе А. Бэна (100—102); ученіе Герб. Спенсера (102—108); взгляды М. Троицкаго (108—110).
- X. гл. Ограниченія теоріи ассоціаціи у шотландцевъ.** 111—123
Возраженія Рида (111—117); поправки Дюгальда Стюэрта (117—118); Теорія Томаса Броуна (118—119); упрощеніе, поправки и дополненія В. Гамильтона (119—123).
- XI. гл. Теорія ассоціаціи у Лотце и Вундта-философа.** 123—137
Теорія асс. у Г. Лотце (124—126); теорія асс. въ „Системѣ философіи“ Вундта (126—137); критика гипотезы „волюнтаризма“ (примѣч. 126—131); ученіе Вундта о „влеченіяхъ“ 131—137; непослѣдовательность Вундта въ употребленіи термина „апперцепція“ (примѣч. 132—134; а также примѣчаніе 2. на страницѣ 139 и примѣч. на стр. 155—160).
- XII. гл. Теорія ассоціаціи въ психологіи Вундта.** 137—152
Предубѣжденія Вундта противъ ассоціаціонной психологіи 137—138; различіе въ изложеніи Вундтомъ асс. теоріи въ его психологіи отъ его „Системы философіи“ 139—141; новѣйшіе взгляды Вундта: понятіе „ассоціаціи“ и дѣленіе ассоціацій 141—142; „сліяніе“ 142—143; „ассимиляція“ 143; „компликація“ 144; „преемственная ассоціація воспоминанія“ 145—148; психологич. теорія асс. Вундта 149—152.

- XIII. гл. Теорія Вундта относ. дѣятельности разсудка, фантазіи и относ. безсознательнаго.** 153—166
 Характеристика „апперцептивныхъ соединеній“ 153—154; агглютинація представлений 154; законъ раздвоенія 155—157; опредѣленіе дѣятельности „фантазіи“ и разсудка 158; роль „активной апперцепціи“ 159—160; безсознательное и сознание у Вундта 161—164; самосознание и наше „Я“ 165—166.
- XIV. гл. Итоги.** 167—185
 Разногласія въ пониманіи термина „ассоціація идей“ 167—169; разногласіе относ. законовъ асс. и воспроизведенія 170—174; воспроизведеніе по смежности зависитъ отъ первичнаго сходства 175; воспроизведеніе сложныхъ идей 176—177; новыя ассоціаціи образуются безъ „ассоціативныхъ волоконъ“ 178—179; ощущенія не представляютъ простѣйшихъ психическихъ элементовъ 179—180; различіе воспроизведенныхъ идей отъ ихъ оригиналовъ 181—182; неизмѣняемость неразрывныхъ ассоціацій и прирожденныхъ потенциальныхъ связей 182—183; суть ассоціативной теоріи Вундта. 184—185.
- XV. гл. Факты, ограничивающіе ассоціаціонную теорію. Формулировка проблемы о памяти.** . 185—166
 1) забвеніе 185—188; 2) обратное воспроизведеніе 188—189; 3) вліяніе воли на воспроизведеніе 189—190; 4) упражненіе и заучиваніе 190—191; 5) при множествѣ потенциальныхъ ассоціацій съ одной воспроизводящей идеей воспроизводятся не всѣ, а одна ассоціація 191—193; 6) несамостоятельность закона сходства 193—194; 7) воспроизведеніе въ зависимости отъ силы впечатлѣнія 194—195; 8) воспроизведеніе въ зависимости отъ интереса и вниманія 195—196; 9) фізіологическія условія воспроизведенія 196—197; 10) вліяніе темперамента 197; 11) навязчивыя идеи 197—198; 12) ограниченность сознанія 198—199; воспроизведеніе, сознаніе и память 200—201; воспроизведеніе ассоціативное и самопроизвольное 201—202; познаваемость памяти, какъ сохраненія 202—206; заключеніе 206—207.

Замѣченныя опечатки и ошибки.

Стр.:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
6	13	сверху настоящая статья	I. часть моей работы
6	19	„ статьи	книги
7	8 и 9	снизу Въ нашемъ вопросѣ	Такъ напримѣръ,
9	5	„ § 35, 37,	§ 35—39
11	1	„ S. 285.	S. 285. Его новѣйшія изданія будутъ подробно разсмотрѣны въ главахъ XI—XIII.
18	4	снизу Man“;	Man“; а въ новѣйшее время Спенсеръ
20	1	„ malaides	maladies
30	16	„ одль	Юдль
33	10	сверху Это	„, Это
33	7	„ у —	— у
38	18	„ изслѣдуемъ	обсудимъ
39	1	снизу Confessiones	Confessiones, lib. X. cap. 8—25.
39	4	„ II-ой	III.
39	8	„ приходитъ	„, приходитъ
40	10	„ воспроизводитъ	воспроизводитъ
41	10	„ сохранять	сохранять
41	3	„ ассоцірованную	ассоцірованную
45	8	сверху процессъ	процессъ
45	12	снизу животнаго	животнаго,
46	8	сверху психо-физики	психо-физики
46	11	снизу I. III.	II. III.
48	5	сверху членчатыхъ	членистыхъ
54	4	снизу XI.	X.
59	15	„ въ	въ реальное
69	9	сверху возвести	возвести по меньшей мѣрѣ
74	1	снизу 60.	60. Ср. W u n d t, Physiol. Psychol. 5. Aufl. III. Bd. S. 567.
80	16	„ противоположности	противоположности“
90	2	„ Z. R. Chadji	Z. Radoslawow Nadji
91	1	сверху давнымъ давно	давнымъ-давно
93	4	„ дальше.	дольше.
98	9	снизу цѣли	цѣлю
101	5	„ Впрочемъ	Впрочемъ,
123	21	„ памяти	памяти,
127	23	„ Вундтъ	Вундтъ,
143	15	„ Эти	Эти экстенсивныя
146	16	„ Родословова	Радославова
149	16	„ Aufl. III. Bd. S. 269	Aufl. S. 269
156	2	„ Höffler,	Höfler,

Est. B-2031

1.

Цѣна 1 руб. 50 коп.